

ISSN 2687-0126

PROFESSIONAL DISCOURSE & COMMUNICATION

Дискурс
профессиональной
коммуникации

VOLUME 3 ISSUE 3
2021

Editor-in-Chief

Dmitry S. Khramchenko

MGIMO University, Moscow, Russia

Editorial Board

Aleksey N. Aleksakhin

MGIMO University, Moscow, Russia

Aleksandra G. Anisimova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Igor V. Chekulay

Belgorod State University, Belgorod, Russia

Olga S. Chesnokova

RUDN University, Moscow, Russia

Seda K. Gasparyan

Yerevan State University, Armenia

Svetlana V. Ivanova

Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russia

Antonina A. Kharkovskaya

Korolev Samara National Research University, Samara, Russia

Igor E. Klyukanov

Eastern Washington University, USA

Nelly A. Krasovskaya

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia

Liu Ruomei

Beijing Foreign Studies University, China

Viktoria L. Malakhova

MGIMO University, Moscow, Russia

Elena N. Malyuga

People's Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Arto Mustajoki

The University of Helsinki, Finland

Evgeniya V. Ponomarenko

MGIMO University, Moscow, Russia

Olga N. Prokhorova

Belgorod State University, Belgorod, Russia

Enrique F. Quero-Gervilla

The University of Granada, Spain

Oleg A. Radchenko

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Galina V. Sinekopova

Eastern Washington University, USA

The Founder: MGIMO University**Address:** 76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454

Professional Discourse & Communication is an international, peer-reviewed quarterly journal dedicated to discussing various theoretical and applied problems of professional communication. Its articles provide researchers and practitioners with the most up-to-date, comprehensive and important research, paying specific attention to modern linguistic approaches to professional discourse as well as practical aspects of teaching methodology as related to the language of particular professional spheres.

PDC specifically addresses readers in any field of professional communication (business, legal, diplomatic, economic, political, academic, medical, art and any other professional sphere) who are interested in qualitative discourse analytical approaches, on the one hand, and scholars who are interested in issues of professional communication (discourse studies, functional linguistics, pragmatics, semiotics, rhetoric, linguosynergetics, sociolinguistics, cognitive linguistics, stylistics, cross-cultural communication, cultural studies, country studies, second language acquisition and teaching methodology, and related fields), on the other hand.

ISSN 2687-0126

Website: <https://pdc-journal.com>

Главный редактор

Храмченко Дмитрий Сергеевич

доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка №4 МГИМО МИД России

Редакционная коллегия

Алексахин Алексей Николаевич

доктор филологических наук, профессор кафедры китайского, вьетнамского, лаосского и тайского языков МГИМО МИД России

Анисимова Александра Григорьевна

доктор филологических наук, профессор кафедры английского языкознания, Московский университет имени М.В. Ломоносова

Гаспарян Седа Керобовна

доктор филологических наук, заведующий кафедрой английской филологии, Ереванский государственный университет, Армения

Иванова Светлана Викторовна

доктор филологических наук, заведующий кафедрой английской филологии, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина

Клюканов Игорь Энгелевич

доктор филологических наук, профессор, Восточный Вашингтонский университет, США

Красовская Нелли Александровна

доктор филологических наук, профессор Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого

Куэро-Гервилья Энрике Ф.

PhD, декан факультета перевода Университета Гранады, Испания

Лю Жомэй

доктор филологических наук, иностранный член Российской академии естественных наук, профессор Пекинского университета иностранных языков

Малахова Виктория Леонидовна

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка №4, МГИМО МИД России

Малюга Елена Николаевна

доктор филологических наук, заведующий кафедрой иностранных языков экономического факультета, Российский университет дружбы народов

Мустайоки Арто

PhD, декан Гуманитарного факультета, Хельсинкий университет, Финляндия

Пономаренко Евгения Витальевна

доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка №4 МГИМО МИД России

Прохорова Ольга Николаевна

доктор филологических наук, директор института межкультурной коммуникации и международных отношений, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Радченко Олег Анатольевич

доктор филологических наук, профессор кафедры общего и сравнительного языкознания, Московский государственный лингвистический университет

Синекопова Галина Васильевна	кандидат филологических наук, профессор, Восточный Вашингтонский университет, США
Харьковская Антонина Александровна	кандидат филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева
Чекулай Игорь Владимирович	доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка, Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Чеснокова Ольга Станиславовна	доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Адрес: 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

«Дискурс профессиональной коммуникации» - международный рецензируемый электронный научный журнал, издающийся с периодичностью 4 раза в год. Журнал публикует статьи, в которых отражаются результаты актуальных фундаментальных и теоретических исследований в области профессиональной коммуникации. Основное направление журнала - современные подходы к изучению лингвистических аспектов профессионального дискурса и практических вопросов преподавания языка конкретных профессий.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Российской Федерации. Свидетельство о регистрации средства массовой информации в Роскомнадзоре: Эл № ФС77-76677 от 26 августа 2019 г.

ISSN 2687-0126

Официальный сайт журнала: <https://pdc-journal.com>

Contents

Editorial	7
Editor-in-Chief Dmitry S. Khramchenko	

Research paper

Codification of Terminology: a Case Study of English Legal Terms.....	10
by Alexandra G. Anisimova, Nataliya Yu. Tikhonova	

The Peculiarities of Spanish Stock Market and Trading Terminology	19
by Fatima Yu. Sanginova, Anna V. Shalyukhina	

Means of Semantic Compression in Modern English Scientific Discourse (Based on Abstracts to the Articles From International Scientific Citation Databases).....	28
by Marina V. Cherkunova	

The Gorontalo Language in Professional Communication: its Maintenance and Native Speakers' Attitudes.....	39
by Ulfa Zakariya, Ninuk Lustyantie, Emzir	

Verbalisation of Criticism and Praise Intentions in German-Language Pedagogical Discourse.....	52
by Vasiliy M. Glushak, Julia E. Mueller, Marina Kovac	

Metaphorisation and Metonymisation as Tools of Semantic Derivation (Based on English Coursebooks on Economics).....	65
by Svetlana P. Anokhina	

Viewpoint

Using the Zoom Platform in Distance Learning of a Foreign Language.....	83
by Anna V. Gureeva	

Conference report

"Linguistics of Distancing" Uniting Scholars at the Time of Pandemic.....	92
by Anastasia A. Sharapkova	

Review

Leading the Leaders: a Book Review on Unlimited Power by Anthony Robbins.....	102
by Louie Giray	

Содержание

Слово главного редактора	7
Д.С. Храмченко	

Исследовательские статьи

Кодификация терминологии: анализ английских юридических терминов	10
Анисимова А.Г., Тихонова Н.Ю.	

Язык фондового рынка на примере испанской биржевой терминологии	19
Ф.Ю. Сангинова, А.В. Шалюхина	

Специфика языковой компрессии в современном англоязычном научном дискурсе (на материале аннотаций к статьям, входящим в международные реферативные базы данных).	28
Черкунова М.В.	

Язык горонтало в профессиональной коммуникации.....	39
Закария У., Лустианте Н., Эмзир	

Вербализация интенций порицания и похвалы в немецкоязычном педагогическом дискурсе.....	52
Глушак В.М., Мюллер Ю.Э., Ковач М.	

Метафоризация и метонимизация как способы семантической деривации (на материале англоязычных учебников по экономике).....	65
Анохина С.П.	

Мнение

Использование технологии Zoom в дистанционном обучении иностранныму языку	83
Гуреева А.В.	

Новости научной жизни

Лингвистика дистанцирования: объединяя ученых во времена пандемии... Шарапкова А.А.	92
--	----

Рецензия

Руководство для лидера: рецензия на «Книгу о власти над собой» Энтони Роббинса	102
Гирей Л.	

Welcome to the third issue of “*Professional Discourse & Communication*” – the comprehensive platform that brings together researchers in different areas of inquiry with the focus on the language and speech of professional institutional interaction. The editorial team has put significant effort to establish a fine-drawn forum for specialists in functional linguistics, pragmatics, discourse studies, stylistics, rhetoric, sociolinguistics, cognitive linguistics, cultural studies, language teaching and learning as well as many other spheres that express scientific interest in multiple aspects of professional communication. We hope to promote the publication of thought-provoking high-quality papers, covering a wide array of topics with a broad appeal while giving a say to both new researchers and well-established scientists.

Volume 3 Issue 3 of “*Professional Discourse & Communication*” presents a wide range of articles by authors from Russia, Germany, Indonesia and the Philippines, covering topics in linguistics of professional communication and practices of teaching languages for specific purposes. Current issue comprises research papers and viewpoint essays on different kinds of professionally-oriented institutional discourse, including communication in the legal sphere, scientific discourse, economic texts with academic purposes, vertical and horizontal business interaction, pedagogical discourse and vital aspects of teaching English as a foreign language of professional communication via popular online platforms.

Issue 3’s authors cover an array of problematic areas of study, namely English legal terminology and professional jargon, Spanish stock market and trading terminology, semantic compression in English metatexts of a small format, verbalization of crucial communicative intentions in German academic discourse, preservation of a rare language and its use in professional interaction, online ESP learning.

The opening paper “Codification of terminology: a case study of English legal terms” by Alexandra G. Anisimova and Nataliya Yu. Tikhonova focuses on the essence and the functional role of codification as well as distinctive discrepancies between the theoretical views on terminologization and the use of terms in lexicographic editions. The authors analyze extensive empirical material of popular and acclaimed terminological dictionaries to get a complex comprehensive picture of the semantics of a legal term, and consider such issues of English legal terms, as semantic inconsistencies, spelling differences in diatopic variations of the language, the significance of professional jargon as a core element of terminological systems, criteria and principles of structuring an efficient dictionary of terms.

Fatima Yu. Sanginova and Anna V. Shalyukhina in “The peculiarities of Spanish stock market and trading terminology” deal with the evolutionary development of Spanish economic terminology as a system. The authors reveal multiple sources of Spanish terms, related to the sphere of stock marketing and trading, pointing out the interdependency between terminology and its systemic properties, on the one hand, and extralinguistic factors, on the other. The authors compare, how particular terms function in different terminological systems and non-institutional discourse, concluding about the uniqueness of Spanish stock market discourse due to its predominantly oral form and the co-functioning of terms of various origin, e.g., youth slang, corrida speak, computer games slang, etc.

In “Means of semantic compression in modern English scientific discourse (based on abstracts to the articles from international scientific citation databases)” Marina V. Cher-

kunova looks at abstracts of scientific papers, indexed in Scopus and Web of Science, to investigate into the nature and essence of semantic compression, regarded as a professionally important cognitive-semantic process of redistributing the functional load of the omitted discursive elements from the original scientific text. An abstract itself is studied as a secondary small-format text, this approach adding some extra new layers to traditional functional and discourse analysis.

Ulfa Zakariya, Ninuk Lustyantie and Emzir in “The Gorontalo language in professional communication: its maintenance and native speakers’ attitudes” dwell on the topic of language preservation and the functional-pragmatic features of the use of the regional Gorontalo language in professional and business discourse. The research suggests that numerous extralinguistic factors define how and when the Gorontalo language is spoken in situations of institutional communication, and which pragmasemantic components of attitude are incorporated into professional discourse, when speakers choose Gorontalo for their business interaction with other people or opt to switch to a different language. It is worth mentioning, that one of the important missions of the paper is to raise awareness and promote further studies of minority languages on the brink of extinction.

The paper “Verbalisation of criticism and praise intentions in German-language pedagogical discourse” by Vasiliy M. Glushak, Julia E. Mueller and Marina Kovac is devoted to communicative strategies of evaluation and facilitation, implemented by German teachers, when they intend to criticize or praise their students. Meticulous analysis of speech acts, involving grammatical and syntactic composition of authentic discursive fragments, helps the authors uncover a set of tactical verbal means of expressing the two diametrically opposite intentions, veiling or, on the contrary, bringing to the fore the pragmatics of emotionality. The paper may be of value to teachers and researchers, interested in the use of original rhetorical techniques of structuring academic discourse and increasing efficiency of the educational process.

“Metaphorisation and metonymisation as tools of semantic derivation (based on English coursebooks on economics)” by Svetlana Anokhina focuses on secondary nominations in the functional field of two overlapping types of discourse, namely economic and academic ones. The author analyzes an impressive amount of empirical material to describe how metaphor and metonymy form cognitive-linguistic mechanisms of semantic derivation.

Anna V. Gureeva in “Using the Zoom platform in distance learning of a foreign language” studies the pros and cons of Zoom video conferences as a promising medium and a powerful tool of teaching English as a foreign language, which is especially important in the times amidst global COVID-19 pandemic. The author comes up with ideas and suggestions of different tasks that can be effective via Zoom, models and patterns of interactive communications as well as an optimal system of exercises to analyze and discuss a work of fiction with students.

At the end of Volume 3 Issue 3 Anastasia Sharapkova presents a detailed report on the conference “Linguistics of distancing”, which served as a much-needed forum for linguists who register evolutionary shifts and changes in the language and discourse, catalyzed by the COVID-19 pandemic. Louie Giray reviews “Unlimited Power” by Tony Robbins, a bestselling book on professional growth and neuro-linguistic techniques as a powerful tool of exercising leadership.

We hope our readers will enjoy the selection of papers chosen for the current issue of the journal. We really appreciate all the authors' contribution and would like to thank them for the quality papers they submitted.

**Editor-in-Chief
Dmitry S. Khramchenko**

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-3-10-18>

CODIFICATION OF TERMINOLOGY: A CASE STUDY OF ENGLISH LEGAL TERMS

Alexandra G. Anisimova

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

anissimova@list.ru

Nataliya Yu. Tikhonova

Financial University at the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

natatih1994@yandex.ru

Abstract: The present paper is devoted to the phenomenon of codification and the main inconsistencies between the theoretical requirements for a term and actual terminological units found in terminological dictionaries of law. The paper presents the analysis of terms used in the legal sphere. The objective of the research is to identify and classify the inconsistencies that have a direct impact on codification as the last stage of the creation of a terminological dictionary. Particular attention is paid to the study of the content plane of legal terms listed in English terminological dictionaries as well as their expression plane. The authors conclude that at both levels (those of the content plane and the expression plane) and at the level of functioning the inconsistencies raise important issues concerning further development of both terminography as a field of science and the dictionary-making process taking place today.

Key words: terminological dictionary, codification, legal term, polysemantic term, synonymous term, diatopic variation, professional jargon, content plane, expression plane.

How to cite this article: Anisimova A.G., Tikhonova N.Yu. (2021). Codification of Terminology: a Case Study of English Legal Terms. *Professional Discourse & Communication*, 3(3), pp. 10–18. (in Russian). <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-3-10-18>

1. INTRODUCTION

Throughout the history of terminology studies, certain requirements have been imposed on the notion of a term, both from the point of view of the content plane and from the point of view of the expression plane. The level of functioning is no less important and a number of requirements for a terminological unit are observed at this level as well. In accordance with the theory developed by S.V. Grinev-Grinevich, the main requirements for the form, content and

functioning of a term include semantic consistency of the term as well as its unambiguity within the given terminology, invariance, absence of synonyms and compliance with the norms of the language, for which reason professional jargon should be avoided [Grinev-Grinevich, 2008]. However, it is usually extremely problematic to comply with all these requirements.

One of the most important areas in the field of terminology is the process of the collection of terms within a specific sphere of knowledge followed by their description, i.e. the creation of the inventory of terms. The collection and description are followed by the harmonization stage when the given terminology is shown as a unified system. Finally, comes the last stage called codification, i. e. the creation of a standardized terminological dictionary [Graudina & Shiryaev, 1999].

Various terminological dictionaries (explanatory, etymological, historical, frequency dictionaries, translation dictionaries, etc.) compiled by an author or a group of authors are published as a result of harmonization and systematization of terms. Terminological dictionaries are the main source of specialized vocabularies of a particular language. Consequently, the emergence of terminography in the 1980s and its further development as a science of compiling terminological dictionaries is indispensable.

2. THEORETICAL BACKGROUND OF THE STUDY

Terminography as a relatively modern science of dictionary-making including all the key stages of the process was created and further developed by a number of Russian and foreign scholars such as Yu. N. Marchuk [Marchuk, 1992], S.V. Grinev-Grinevich [Grinev-Grinevich, 2008], S. D. Shelov [Shelov, 2018], V. M. Leychik [Leychik, 2006], A. S. Gerd [Gerd, 1986], E. L. Khokhlova [Khokhlova, 2005], M. Lukasik [Lukasik, 2012], V. V. Dubichinskij [Dubichinskij, 2020]. It seems particularly important to recognize that while theoretical foundations are put forward by the scholars, actual practical work that will be assessed by readers is performed by authors or compilers of terminological dictionaries. The most crucial stage of this work that has an immediate impact on the overall result is undoubtedly codification.

The purpose of this paper is to analyze the problem of codification of terminological units, with a particular focus on the most challenging cases. A key assumption to be taken into account for the purposes of this analysis is that the paper is not concerned with the codification of linguistic norms related to syntax, morphology, orthography or orthoepy, but is concerned with the codification of a particular part of the English language vocabulary. As is the case with terminology, codification is an essential stage of work with the aim of the systematization of specialized vocabulary in the form of a terminological dictionary. Therefore, discussions concerning negative consequences of codification are considered unreasonable. When studying terminology, researchers do not focus on the ability of the language to develop. A dictionary created as a result of the progressive work primarily reflects the transformations that have taken place in the language, but does not directly affect them.

Moreover, terms in general and legal terms in particular follow the established rules in their various aspects: terminological units frequently have a specific author (lawyers, judges, etc.) or a clearly traceable reason for their emergence (court decisions, new precedents, new types of criminal offences related to the development of technology), their semantics is clearly defined and restricted by specialists in a particular field to avoid misunderstanding in professional communication. If necessary, transformations within terminology may also take place when experts make a decision stating that certain terms should not be used any more due to the loss of the corresponding

extralinguistic realities. There is no doubt that codification makes it possible to get a dictionary that meets the needs and expectations of readers including professionals of a particular field.

The stage of codification is also of utmost importance since it is at this stage that the author encounters difficulties connected with the failure to satisfy *all* the requirements for a term. Consequently, terminological units cannot be called perfect and the reflection of these imperfections is observed in the corresponding terminological dictionaries.

Therefore, the purpose of this paper is not only to carefully study the issue of terminological codification but also to identify and classify the main inconsistencies between real terms and the requirements for terminological units found in a number of terminological dictionaries of law published in the UK and the USA.

3. MATERIAL AND METHODS

The material for the research includes English legal terms recorded in the following authoritative terminological dictionaries: Black's Law Dictionary [Garner, 2004], Oxford Dictionary of Law [Law & Martin, 2009], Collins Dictionary of Law [Stewart & Burgess, 2002], The Longman Dictionary of Law [Curzon & Richards, 2007], Oran's Dictionary of the Law [Oran, 2000], Nonprofit Law Dictionary [Hopkins, 2015], as well as online Merriam-Webster's Law Dictionary (<https://www.merriam-webster.com/legal>). These dictionaries have been published in the last 20 years and reflect the current situation in the legal terminology of the English language. Macmillan Online Dictionary (<https://www.macmillandictionary.com/>) and Oxford Online Advanced Learner's Dictionary (<https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>) are also involved in the analysis as non-terminological English dictionaries.

For the research, the method of definitional analysis has been used, which allowed us to specify semantic relations within English legal terms. However, a definition does not always provide the complete insight into the meaning of a term. Therefore, the method of descriptive analysis has also been used in the research in order to establish a framework for advanced analysis of meanings of the terminological units of law.

4. RESULTS AND DISCUSSION

The inconsistencies between the requirements for terms and real units found in written sources can be classified in the same way as those requirements, i. e. the inconsistencies at the level of the content plane, the inconsistencies at the level of the expression plane, the inconsistencies at the level of functioning.

At the level of the content plane, the inconsistencies identified during the extensive research include first of all:

- the semantic discrepancy between the terminological unit and the corresponding word of everyday language.

Legal terminology is characterized by a large number of consubstantial terms, i. e. terms that originated in the everyday language, and such discrepancies between a special word and an everyday word are inevitable. It is of paramount importance to differentiate between terminological and general vocabulary. The majority of terms of the Humanities are consubstantial, i.e. they can be found both in terminological and general vocabulary, and to differentiate between a term and a word of the general language it is necessary to use the definability test. This test was developed by the scholars of the English department of Lomonosov Moscow State University. The main idea of

this test is to compare the definition of a certain term given in a specialized terminological dictionary with its description in a general language dictionary.

There are many examples of the discrepancy between a term and the corresponding word of everyday language when it comes to significant ‘narrowing’ of the semantics of a terminological unit in comparison with the corresponding word of everyday language. So-called ‘narrowing’ makes it possible to imagine, to a certain extent, that the terminological meaning can be considered a semantic element of the general meaning. Consider the following examples and their definitions:

list (s)

- as an everyday language word in a general language dictionary “sets of names, numbers etc. that are written or printed one below another” [Macmillan Dictionary];
- as a legal term in a specialized dictionary of law “calendars of cases awaiting trial” [Law & Martin, 2009, p. 220].

plea

- as an everyday language word in a general language dictionary “an urgent or emotional request for something” [Macmillan Dictionary];
- as a legal term in a specialized dictionary of law “in criminal proceedings, a formal statement made in court by an accused person as a response to the charge made against him” [Law & Martin, 2009, p. 408].

cruelty

- as an everyday language word in a general language dictionary “behavior that deliberately causes pain to other people or animals, or that makes them unhappy or upset” [Macmillan Dictionary];
- as a legal term in a specialized dictionary of law “behavior serious enough to injure a spouse’s physical or mental health” [Law & Martin, 2009, p. 148].

In each case it is possible to identify a common seme that can combine the two meanings as sharing some underlying concept: with the word **lists** it is the idea of “a group of things, facts, ideas, principles of the same type”, with the word **plea** – “a statement reflecting someone’s need or clarifying someone’s position”, with the word **cruelty** – “violent behaviour”.

The following question can be raised: is it absolutely necessary for legal dictionaries to include one more meaning that is not related to law? It can be concluded that it is not sensible to include the general meaning in a terminological dictionary, which is usually avoided since the compilers of dictionaries have already agreed on the fact that the information that is not directly related to a particular professional field is considered unnecessary for a terminological dictionary and of zero professional value.

The next inconsistency at the level of the content plane is:

- a large number of polysemantic terms.

Reflecting on the phenomenon of polysemy, scholars suggest a broad variety of reasons. The main problem probably arises from “the reluctance of social scientists to accept neologisms, i.e. new words, phrases or acronyms that can unambiguously name a concept. Because of this reluctance, new meanings are often stipulated for old words, leading to polysemy” [Zgusta, 2006]. This point of view is supported by a number of western scholars [Catford, 1978; Chesterman, 1997; Fawcett, 1998; Maurais & Morris, 2004]. In numerous terminology studies [Reformatsky, 2004; Lotte, 1968; Akhmanova, 1979; Gvishiani, 1993], Russian scholars express various opinions concerning this issue. At the same time, they consistently single out two primary reasons:

- the emergence of a new concept that has features resembling the concept already named by this term;

- the development and modification of the concept which is followed by the splitting of the semantics of the terminological unit.

The traditional point of view on polysemy in terminology is as follows: terms coinciding in form but having different meanings within the same terminological system are polysemantic. If the same situation is observed in two different terminological systems, the terms are homonyms.

With polysemy brought into focus, the question arises about the order of meanings as well as about their hierarchy. Therefore, frequency of use of terminological units with particular semantics is given a crucial role. Consequently, it seems logical to establish a link between codification as a stage of a dictionary creation process and corpus-based studies that help to find out the frequency of use of a term with a certain meaning. However, according to another point of view, the first dictionary entry should demonstrate the meaning that developed in the language earlier than others. Thus, chronology and frequency may contradict one another as criteria for the most appropriate order of meanings.

The examples of polysemantic terms are numerous; the order of meanings in two different dictionaries varies:

In the Merriam-Webster's Law Dictionary online (<https://www.merriam-webster.com/legal>):

judiciary I “the court system”;

judiciary II “the branch of government in which judges serve”;

judiciary III “the judges in a particular court system or in all court systems”.

In the Black's Law Dictionary [Garner, 2004, p. 2480-2481]:

judiciary I “the branch of government responsible for interpreting the laws and administering justice”

judiciary II “a system of courts”;

judiciary III “a body of judges”.

Thus, the first and second meanings of the term in these dictionaries are given in the reverse order, while the third meaning is the same.

In the Oxford Dictionary of Law [Law & Martin, 2009, p. 307-308]:

jurisdiction I “the power of a court to hear and decide a case or make a certain order”;

jurisdiction II “the territorial limits within which the jurisdiction of a court may be exercised”;

jurisdiction III “the territorial scope of the legislative competence of Parliament”.

In the Black's Law Dictionary [Garner, 2004, p. 2490-2497]:

jurisdiction I “a government's general power to exercise authority over all persons and things within its territory”;

jurisdiction II “a court's power to decide a case or issue a decree” (the right of a court to decide on a case or issue a ruling; administration of justice);

jurisdiction III “a geographic area within which political or judicial authority may be exercised”;

jurisdiction IV “a political or judicial subdivision within such an area”.

Although an ‘ideal’ term should be independent of the context, more often than not it is the context that makes it possible to distinguish between several meanings of polysemantic terms. Moreover, by the notion of *context* different dictionaries mean different things. While traditionally *context* includes the words surrounding a particular word, some compilers of terminological dictionaries interpret *context* as the very field of the application of a term. The given examples demonstrate that the number of meanings in the two dictionaries is not identical either. Besides, a

number of dictionaries record meanings of terms only acceptable in a certain region or community. Finally, the meaning recorded in one dictionary may not be found in another because it is rather narrow and is included in a more general meaning in another reference book.

In the Oxford Dictionary of Law [Law & Martin, 2009, p. 322]:

legislation I “the whole or any part of a country’s written law”;

legislation II “the process of making written law”.

In the Black’s Law Dictionary [Garner, 2004, p. 2635-2636]:

legislation I “the process of making or enacting a positive law in written form”;

legislation II “the law so enacted”;

legislation III “the whole body of enacted laws”.

The number of identified meanings in different terminological dictionaries is different too, which can be explained by several reasons. Firstly, narrow meanings of the term can be combined. Secondly, by contrast, the general meaning of a terminological unit can be given in different dictionary entries. Both processes provide a range of meanings arranged in a different order. For example, in the Oxford Dictionary of Law [Law & Martin, 2009, p. 425]:

privilege I “a special right or immunity in connection with legal proceedings conferred upon a person by virtue of his rank or office”;

privilege II “the right of a witness when testifying to refuse to answer certain types of question, or of a party when disclosing documents to withhold disclosure or inspection of certain types of documents on the ground of some special interest recognized by law”.

In the Black’s Law Dictionary [Garner, 2004, p. 3790-3795]:

privilege I “a special legal right, exemption, or immunity granted to a person or class of persons; an exception to a duty”;

privilege II “an affirmative defense by which a defendant acknowledges at least part of the conduct complained of but asserts that the defendant’s conduct was authorized or sanctioned by law”;

privilege III “a rule that gives a witness the option to not disclose the fact asked for, even though it might be relevant; the right to prevent disclosure of certain information in court”.

The latter dictionary contains a meaning not recorded in the former reference book, which is characterised as being semantically narrow without a direct equivalent in the target language.

Another inconsistency at the level of the content plane is:

- a large number of synonymous terms, for instance:

crime – offence – criminal offence;

cross-examination – cross-interrogation;

insider trading – insider dealing;

tenancy – lease;

third countries – third world.

A considerable number of dictionary entries include references to synonymous terminological units with the aim of facilitating productive use of the dictionary and better systematization. Some synonyms are provided with a specific dictionary entry because there is a crucial difference in semantics, while some are only mentioned among other terminological units.

At the level of the expression plane, after the analysis of a number of dictionaries, numerous pairs of terms characterized by different spellings (usually differing in one letter only) have been found in British and American diatopic variants of the English language, as, for example, in the following terminological units belonging to British English and American English respectively:

offence – offense;
judgement – judgment;
defence – defense;
misdemeanour – misdemeanor;
(Your) Honour – (Your) Honor.

Spelling naturally depends on the country where the dictionary was released, but there are certain editions that include both British English and American English variants.

At the level of functioning, the study of specialized dictionaries has demonstrated that some books include professional jargon as an important part of the English legal terminology:

rabbit – runaway criminal;
snitch – informant;
mole – informant, double agent;
five-o – policeman, cop;
bagman – racketeer;
ghetto penthouse – upper bunk (literally ghetto-penthouse);
hats and bats – prison guards.

5. CONCLUSION

Terminology is a core area in professional and business discourse, and it requires careful attention and consideration. Discrepancies between requirements for a term as the basic unit of terminology and real terms recorded in dictionaries can be observed at all levels.

At the level of the content plane, inconsistencies between the requirements for a term and existing terminological units found in specialized English legal dictionaries include:

- semantic discrepancy between the term and the word of the general language;
- a large number of polysemantic and synonymous terms.

At the level of the expression plane, the analysis has shown that there are a great number of pairs of terms with two different spellings in British English and American English.

At the level of functioning, specialized dictionaries include professional jargon as one of the integral parts of the English terminology of law.

The research concludes that terminographic work in the course of the codification of legal terms in dictionaries, has an excellent prospect for development and improvement. There are still debates concerning the issue whether it is chronology or frequency that should be the preferable criterion when listing the meanings of a polysemantic term as well as concerning different reasons for including either all existing synonyms in a dictionary entry or only some of them. Moreover, regional spellings of the same term and professional jargon are sometimes not considered to be worth including in an entry either. Codification work aimed at improving the existing dictionaries increases their overall quality and is extremely important for the compilers of new terminological dictionaries.

Conflict of Interest

The authors declare that they have no conflict of interest

REFERENCES

1. Akhmanova, O.S. (1979). *Lingvistika i semiotika [Linguistics and Semiotics]*. Moscow: Izd-vo MGU (in Russian).
2. Apresjan, Yu. (2000). *Systematic Lexicography. Translated by Kevin Windle*. Oxford: Oxford University Press.
3. Atkins, B.T., & Rundell, M. (2008). *The Oxford Guide to Practical Lexicography*. Oxford: Oxford University Press.
4. Bergenholz, H., & Tarp, S. (1995). *Manual of Specialised Lexicography: The Preparation of Specialised Dictionaries*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
5. Catford, J.C. (1978). *A Linguistic Theory of Translation. An Essay in Applied Linguistics*. Oxford: Oxford University Press.
6. Chesterman, A. (1997). *Memes of Translation: The Spread of Ideas in Translation Theory*. Amsterdam: John Benjamins.
7. Curzon, L.B., & Richards, P.H. (2007). *The Longman Dictionary of Law*. 7th ed. Pearson Longman.
8. Fawcett, P. (1998). Ideology and Translation. In M. Baker (Ed.). *Routledge Encyclopedia of Translation Studies* (pp. 106-110), London: Routledge.
9. Garner, B. A. (2004). *Black's Law Dictionary*. 8th ed. West Publishing Co.
10. Gerd, A. (1986). *Osnovy nauchno-tehnicheskoy leksikografii (Kak rabotat' nad terminologicheskim slovaryom) [Fundamentals of Scientific and Technical Lexicography (How to Work on a Terminological Dictionary)]*. Leningrad: Izd-vo LGU (in Russian).
11. Graudina, L.K., Shiryaev, E.N. (1999). *Kul'tura russkoj rechi. Uchebnik dlja vuzov [The Culture of Russian Speech. A Coursebook for High Schools]*. Moscow: NORMA-INFRA (in Russian).
12. Grinev-Grinevich, S.V. (2008). *Terminovedenie [Terminology Studies]*. Moscow (in Russian).
13. Gvishiani, N.B. (1993). *Terminology in English Language Teaching (with a Glossary of Russian-English Linguistic Terms)*. Moscow: Vysshaja Shkola.
14. De Groot, G.-R., & van Laer, C. J. P. (2006). The Dubious Quality of Legal Dictionaries. *International Journal of Legal Information: The Official Journal of the International Association of Law Libraries*, 34 (1), 65-86.
15. Dubichinskij, V. (2020). Nekotorye Sovremennye Voprosy Terminografii [Some of the Modern Issues of Terminography]. *Rasprave*, 46/2, 547–566 (in Russian).
16. Hopkins, B. R. (2015). *Nonprofit Law Dictionary*. Wiley.
17. Khokhlova, E.L. (2005). *Soderzhanie terminologicheskogo polya v mnogoyazychnoj terminografii: primenitel'noe k istoricheskoy terminologii v anglijskom, francuzskom, nemeckom i russkom jazykakh [The Contents of Terminology Field in Multilingual Terminography: A Case Study of History Terminology in English, French, German and Russian]*. Moscow (in Russian).
18. Law, J., & Martin, E.A. (2009). *A Dictionary of Law*. Oxford: Oxford University Press.
19. Lotte, D.S. (1968). *Kak rabotat' nad terminologiej. Osnovy i metody [How to Work on Terminology. Fundamentals and Methods]*. Moscow: Nauka (in Russian).
20. Lejchik, V.M. (2007). *Terminovedenie: predmet, metody, struktura [Terminology Studies: Subject, Methods, Structure]*. Moscow: URSS (in Russian).
21. Lukasik, M. (2012). Terminological Dictionary as a Comprehensive Cognitive and Linguistic Tool. *Language in Different Contexts: Research Papers*, 5 (1), 98–108.
22. Macmillan Online Dictionary. Retrieved from <https://www.macmillandictionary.com/> (accessed: 15 May, 2021).

23. Marchuk, Yu.N. (1992). *Osnovy terminografi [Fundamentals of Terminography]*. Moscow: Izd-vo MGU (in Russian).
24. Maurais, J., & Morris, M. (2004). *Languages in a Globalising World*. Cambridge: Cambridge University Press.
25. Merriam-Webster's Law Dictionary. Retrieved from <https://www.merriam-webster.com/legal> (accessed: 15 May, 2021).
26. Oran, D. (2000). *Oran's Dictionary of the Law*. West Legal Studies Thomson Learning.
27. Oxford Online Advanced Learner's Dictionary. Retrieved from <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (accessed: 15 May, 2021).
28. Reformatsky, A.A. (2004). *Vvedenie v yazykovedenie: uchebnik dlja vuzov [Introduction to Linguistics: A Coursebook for High Schools]*, 6th edition. Ed. by V.A. Vinogradova. Moscow: Aspekt Press (in Russian).
29. Shelov, S.D (2018). *Ocherk teorii terminologii: sostav, ponyatijnaya organizaciya, prakticheskie prilozheniya [Review of the Theory of Terminology: Composition, Conceptual Organisation, Practical Applications]*. Moscow: PrintPro (in Russian).
30. Stewart, W.J., & Burgess, R. (2002). *Collins Dictionary of Law*. Harper Collins Publishers.
31. Van Sterkenburg, P. (2003). *A Practical Guide to Lexicography*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
32. Zakirova, E.S. (2013). Terminografiya kak rezul'tat formirovaniya yazyka dlya special'nyh celej [Terminography as a Result of the Formation of a Language for Specific Purposes]. *Izvestiya MGTU "MAMI"*, 4 (18), 2 (in Russian).
33. Zgusta, L. (2006). Lexicography Then and Now: Selected Essays. In F.S.F. Dolezal & Th.B.I. Creamer (Eds.). *International Journal of Lexicography*, 19(4) (pp. 483-487), Tübingen: Max Niemeyer.

About the authors:

Alexandra G. Anisimova is Dr. Sci. (Philology), professor in the Department of English linguistics at Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Nataliya Yu. Tikhonova is senior lecturer at Financial University at the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia) and PhD researcher at Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-3-19-27>

ЯЗЫК ФОНДОВОГО РЫНКА НА ПРИМЕРЕ ИСПАНСКОЙ БИРЖЕВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Ф.Ю. Сангинова

kelfat@mail.ru

А.В. Шалюхина

shaliukhina.a@yandex.ru

МГИМО МИД России (Москва, Россия)

Аннотация: В современном мире экономическая деятельность в целом, и финансовая в частности, играют большое значение. Изучение терминологии фондового рынка, который всегда оставался достаточно закрытым, а в последнее время проникает активнее в нашу жизнь через средства массовой информации, становится необходимым для того, чтобы ориентироваться в потоке важной информации и стать успешным игроком на финансовом рынке.

Цель статьи – проследить появление и развитие биржевой лексики за последние десятилетия. Поставленная цель предполагает решение следующих задач: уточнить происхождение терминов фондового рынка и выявить системные отношения в биржевом лексиконе. В рамках данного исследования был проведен анализ основных способов терминообразования в испанском языке фондового рынка. Биржевой язык не располагает особыми методами создания конкретных терминов. Анализ фондовых терминов показал, что биржевая лексика является гибридом терминов, заимствованных из других специальных языков (профессионального жаргона экономической, финансовой и торговой деятельности), стандартного языка и иностранных языков. Только если слово из общего языка используется в биржевом дискурсе, вступают в силу семантические и дедуктивные особенности, которые позволяют интерпретировать его наиболее правильным образом. Устный характер биржевого лексикона определяет его зависимость от экстралингвистических факторов.

Ключевые слова: термин, терминология, биржа, терминообразование, биржевая лексика, лексикон трейдеров.

Для цитирования: Сангинова Ф.Ю., Шалюхина А.В. (2021). Язык фондового рынка на примере испанской биржевой терминологии. *Дискурс профессиональной коммуникации*. 3(3), С. 19–27. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-3-19-27>

1. ВВЕДЕНИЕ

Биржа предстает перед посторонним взглядом как деятельность, в которой группа людей, выкрикивая и толкаясь, пытается осуществить свои сделки на рынке. На бирже все финансовые операции совершаются в устной форме, без необходимости в немедленном документарном оформлении, которое гарантировало бы законность сделки. Этот мир всегда был довольно закрытым. Вот почему неудивительно, что язык фондового рынка плохо известен людям, которые не являются специалистами в данной области.

Актуальность исследования связана с тем, что в последнее время язык биржи проникает в нашу жизнь все чаще через средства массовой информации (особенно печатную прессу), поскольку многие экономические процессы, особенно финансовые, тесно связаны с биржевой деятельностью. Кроме того, многие получили доступ к инвестиционным операциям и пытаются заработать деньги в этом секторе. Но перед лицами, проявляющими интерес к фондовому рынку, встает препятствие: так называемый биржевой жаргон, представляющий собой не что иное, как набор выражений, возникающих в результате развития биржевой жизни, влияния других языков (особенно английского) и, в конце концов, изолированности любой профессии от общества. Целью настоящего исследования является определение специфики образования биржевых терминов. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи:

- (1) определить специфику терминологии фондового рынка;
- (2) выявить основные способы терминообразования в языке биржи;
- (3) сравнить функционирование одного и того же термина в разных терминосистемах, а также в общелитературном языке.

2. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В данной работе задействованы следующие лингвистические методы: семантический анализ, контекстуальный анализ, а также элементы когнитивного анализа. Материалом исследования послужили статьи из испанских периодических изданий: *El País*, *ABC*, *Negocios*. Теоретическую базу исследования составили труды отечественных исследователей в области терминоведения, таких как А.А. Брагина [Брагина, 1973], М.Н. Володина [Володина, 2000], А.В. Суперанская [Суперанская, Подольская, Васильева, 2012], в которых рассматривается специфика понятия «термин», анализируются особенности терминосистемы, а также основные способы терминообразования.

3. РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ

Информация о фондовом рынке полна англицизмов и техницизмов, которыми маленький инвестор должен владеть, чтобы успешно действовать на фондовом рынке и в целом ориентироваться в мировой экономической конъюнктуре.

Язык фондового рынка - это не устная презентация, которой сопровождается или дополняется письменный отчет. Это не лекция, прочитанная группе клиентов или финансовых аналитиков [Левченко, Татарникова, 2017, с. 23]. Это единственная возможность осуществлять специализированную профессиональную деятельность. Большая часть письменных

материалов является результатом работы самых разных специалистов, таких как финансовые аналитики и экономисты, журналисты, специализирующиеся на финансовой или политической тематике, работающие как в печатных изданиях, так и в информационных агентствах (*Efe, Reuter, CNN*) или в электронных изданиях и т.д. Все эти источники предлагают брокеру огромное количество информации, которая не относится непосредственно к его профессиональной деятельности. Таким образом, мы должны рассматривать язык участников фондового рынка как специализированную форму речи [Суперанская, 2012, с. 89], которая использует как общую лексику, так и заимствует из специализированных языков.

Биржевой язык не располагает особыми методами создания конкретных терминов [Володина, 2000, с. 67]. Биржевая лексика является гибридом терминов, заимствованных из других специальных языков (профессионального жаргона экономической, финансовой и торговой деятельности), стандартного языка и иностранных языков. По мнению Е.В. Розена, только если слово из общего языка используется в биржевом дискурсе, вступают в силу семантические и дедуктивные особенности, которые позволяют интерпретировать его наиболее правильным образом [Розен, 1991, с. 102].

Биржевой язык заимствует из общелитературного языка, а также из других специальных подъязыков и арго, те термины, которые семантически адаптируются к номинативным потребностям [Лопатин, 1973, с. 78]. Таким образом, на бирже мы не находим обычной тенденции к созданию специальных терминов для исключительного использования в рамках той или иной научной дисциплины или технической деятельности, вне которой они были бы лишены смысла. Как отмечает А.А. Брагина, в случае биржевой терминологии правильнее было бы говорить о “специальном значении” тех или иных слов [Брагина, 1973, с. 112]. Словарный запас формировался из слов общего языка, которые приобрели новое значение, не совпадающее с его общепринятым значением.

Основной способ образования биржевой лексики – семантический: брокер заимствует смыслы из общего языка и адаптирует их содержание к среде и коммуникативным потребностям своей конкретной работы; обычно достаточно простого сужения содержания: глагол *tomar* в испанском языке обозначает конкретное действие *брать акции, облигации, валюту... (купить)*. Использование этого глагола, наряду с другим, более подходящим, таким как *купить*, имеет нелингвистическое объяснение. Когда на бирже все сделки заключались исключительно в устной форме, брокер должен был присутствовать в биржевом зале, кричать и размахивать бумагами, где были записаны все позиции. При покупке он «брал» из рук посредника бумагу, что формально означало покупку. Впоследствии брокерами, работающими на электронном рынке, был осуществлен метонимический перенос значения слова *брать* исключительно на акт покупки.

В биржевой лексике семантический способ терминообразования в основном осуществляется с помощью следующих механизмов:

А. Сужение значения: стандартное значение слова, заимствованного из общего языка, ограничивается специализированным описанием или обозначением. В некоторых случаях, в результате подобного заимствования, значение слова изменяется и становится полностью отличным от первоначального значения.

Б. Метафоризация: метафора является широко используемым и продуктивным ресурсом для лексики фондового рынка. Метафора превосходно адаптируется к коммуникативным потребностям биржевой деятельности, поскольку аналогия способствует формулировке и обоснованию рассуждений, в то же время помогает сделать речь более лаконичной.

Очень ярким примером метафорического переосмыслиения является термин *burbuja* (*пузырь*), обозначающий искусственный подъем всех финансовых рынков или конкретного сектора, который может и часто приводит к резкому и значительному падению. Сходство явно подкрепляется изображением – мыльным пузырем, который может лопнуть при малейшем контакте. Таким образом, метафора расширяет значение терминов, устанавливает связи между новыми значениями и приводит к появлению новых значений, которые создают новые образы и коннотации.

Наиболее распространенным видом метафоры является олицетворение, поскольку оно позволяет нам понять лучше окружающий мир с точки зрения человеческих мотиваций и свойств [Кара-Мурза, 2003, с. 368]. Этот ресурс особенно полезен в языке биржи, где преобладают абстрактные понятия (цифры, индексы, графики, котировки и т. д.). Их понимание облегчается на основе нашего собственного опыта. Любопытным случаем является термин *parqué*, который обозначает *настил пола* в помещении (двойная метонимия), где проходят торги. У этого термина нет конкурентов, хотя иногда используется слово *corros* в том же смысле.

Очень часто объектудается название его места происхождения или местоположения. Для обозначения Нью-Йоркской или Лондонской фондовой биржи используются такие понятия, как *Уолл-Стрит* или *Сити*. Часто говорят *o la bajada de Nueva York* (Нью-йоркском падении).

В. Метонимия: это еще один из распространенных ресурсов образования биржевых терминов, представляет собой перенос наименования с одного предмета на другой на основе смежности. Такой перенос становится возможным благодаря аналогии. Сходство может быть связано с формой, то есть основываться на “графической” имитации (*dientes de sierra, horquilla, karaoke, pecera...*), с типом действия (*rebotar, acumular, absorción, cuidar...*), с ориентацией в пространстве (*techo, suelo, baja, arriba, parqué, caer...*) или ориентацией во времени (*apertura, cierre, reapertura, ciclos, futuros...*) и т. д.

Этот механизм, хотя и опирается на аналогию, не является метафорой, поскольку говорящий не стремится объяснить одно понятие за счет другого, с которым он имеет сходство, а заимствует все или часть известного значения и создает новое понятие. Часто используемые в повседневном языке глаголы, такие как *caer* (падение котировок), *tomar* (купить), *soltar* (продать), *poner* (разместить), *hacer* (закрыть сделку), сохраняют свое обычное значение, когда они используются в биржевой терминологии.

Наряду с этими примерами у нас есть другие, в которых переход слова из стандартного языка в специализированный ведет к изменению значения. Такое изменение значения можно наблюдать на примере слова *acción*. Эта функция привела к тому, что данный термин используется специалистами фондового рынка только в том значении, которое необходимо в рамках специального языка их профессиональной деятельности. Таким образом, термин *acción* является продуктом процесса значительного сужения значения, которое привело к универсальности слова, взятого из общего языка. В настоящее время значение слова *acción* (акция) записано в общих словарях как стандартное значение.

Что касается влияния английского языка, то важно учитывать растущую глобализацию фондового рынка благодаря развитию системы электронных торгов, которая позволила соединить все мировые биржи и тем самым сформировать единый крупный рынок, на котором все преимущественно общаются на английском языке [Солганик, 1996]. Кроме того, ведущие англоязычные страны – Англия и Соединенные Штаты – сохранили экономическое

превосходство над остальными странами, в том числе это касается и фондовых рынков. Таким образом, неудивительно, что большинство финансовых продуктов, фондовых индексов, методов технического анализа (графиков), отчетов и анализа рынка используют английский язык в качестве исходного языка.

Одна из проблем английской терминологии заключается в том, что она отражает финансовые реалии американских и английских бирж. Зачастую таким понятиям трудно найти академический перевод и приходится соглашаться на неофициальный консенсус-ный перевод, предложенный профессионалами, говорящими на английском и испанском языках.

Что касается англицизмов, то здесь прослеживается следующая закономерность: использование иностранного термина предпочтительнее его перевода [Васильева, 1982, с. 80]. Одна из причин этого явления – социально-экономическая. Это также позволяет понять, почему испаноговорящий специалист склоняется к метафоре или метонимии при создании биржевой терминологии: именно эти способы терминообразования позволяют создавать точные термины, которые могли бы обозначать сложные операции: *maquillar* или *picotear*. Другим важным аспектом является склонность говорящего копировать или адаптировать из английского языка способы образования данных терминов: метафоризацию (*bear market*, *bigbang*), метонимию (*blue chip*), аббревиацию (*NYSE*) и т. д.

Однако коммуникационная потребность говорящих, в данном конкретном случае испаноязычных, а также стилистические особенности постоянно заставляют адаптировать иностранный термин (займствование или кальку) к специфике местного языка [Брагина, 1973, с. 120]. Поэтому не странно, что такие слова, как *bear market* (медвежий рынок), имели небольшой успех среди испанских брокеров. Случаи заимствования в языке биржи достаточно редки, гораздо чаще встречается буквальный перевод (калька). Приведем некоторые из многих зарегистрированных примеров: *dinero caliente* (*hot money*), *futuros* (*futures*), *suelo* (*floor*) и т. д.

В некоторых случаях в испанском языке приживаются обе формы: как кальки, так и исходный термин, при этом чаще в обиходе используется иностранный термин. Это относится к *insider trading* (использование инсайдерской информации), *management* (управление компанией), *crash* (падение) и т. д. Отдельно следует упомянуть слова, которые определяют и позволяют дифференцировать различные типы брокеров. Их перевод на испанский язык вызывает дополнительную сложность: *dealer*, *trader*, *sale*.

Большинство ученых Королевской академии языка не согласны с тем, что существуют финансовые термины на английском языке, которым невозможно найти эквиваленты в испанском языке.

Зарубежные исследователи-испанисты Ж. А. Бельц [Belz, 2002], П. А. де Миранда и Х. Поло [De Miranda & Polo, 2002] отмечают, что неологизмы в биржевой терминологии немного. Одним из примеров является термин *fidelizar*, который недавно перешел в общий словарный запас, прежде всего, благодаря его использованию в средствах массовой информации.

Язык биржи, как и общелитературный язык, не остается в стороне от влияния различных подъязыков, которые легко проникают в него, таких как молодежный сленг или ненормативная лексика [Попов, 1996, с. 71]. Некоторые термины арготического или маргинального происхождения были легко интегрированы в лексикон биржи, идеально адаптируясь к коммуникативным потребностям и заполнив вакуум, который трудно заполнить техническими или специализированными выражениями.

Брокер может безоговорочно заменить *comprar* на *pillar*. Мы полагаем, что устный характер биржевого языка позволяет словам из разговорного языка закрепляться в лексике брокеров.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате данного исследования автор приходит к следующим выводам.

Биржевой язык не располагает особыми методами создания конкретных терминов. Зависимость лексикона от экстралингвистических факторов является неизбежным следствием его исключительно устного характера. Отсутствие письменных биржевых документов не позволяет установить в качестве нормы используемые термины. Хотя существует много фиксированных терминов, таких как, например, *accionista, empresa, corretaje*; можно также встретить те термины, перевод которых без контекста представляется невозможным: *bono basura, ir contra el mercado...*

Достаточно трудно однозначно определить границы различных источников, из которых заимствуется биржевая лексика, поскольку в языке фондового рынка смешиваются и co-существуют термины различного происхождения, включая слова из молодежного сленга, мира корриды или игрового сленга.

В любом случае появление новых терминов не должно вызывать трудностей. Данная лексика должна обогащать лексикон говорящих, поскольку это позволит им хорошо понимать происходящие события и эффективно участвовать в них.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дилеев М. 22 профессиональные книги для трейдеров [Электронный ресурс]. URL: <https://equity.today/knigi-dlya-trejderov.html> (дата обращения: 14.06.2018).
2. Баранова Л.А. О папарацци, стрингерах и таблоидах // Русская речь. 1998. № 4. С. 49-53.
3. Брагина А.А. Неологизмы в русском языке. Москва: Просвещение, 1973.
4. Былинский К.И. Язык газеты. Москва: Издательство МГУ, 1997.
5. Васильева А.Н. Газетно-публицистический стиль речи. Москва: Русский язык, 1982.
6. Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию. Москва, 1996.
7. Володина М.Н. Когнитивно-информационная природа термина (на материале терминологии средств массовой коммуникации). Москва: Изд-во МГУ, 2000.
8. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. Москва: ЭКСМО, 2003.
9. Левченко А.В., Татарникова И.В. Англоязычные биржевые термины: способы их образования и особенности перевода // Современное состояние и перспективные векторы развития филологии, лингвистики, языковедения: сб. науч. труд. (Москва, 30 июня 2017 г.). Москва, 2017. С. 22-27.
10. Лозовский Л.Ш., Благодатин А.А., Райзберг Б.А. Биржа и ценные бумаги: Словарь. Москва: Экономика, 2001.
11. Лопатин В.В. Рождение слова: неологизмы и окказиональные образования. Москва: Наука, 1973.
12. Попов Р.Н. Новые слова и словосочетания в языке современной прессы // Русский язык в школе. 1996. № 1. С. 70-73.

13. Розен Е.В. Новые слова и словосочетания в русском языке. Москва, 1991.
14. Сангинова Ф.Ю. Актуальные процессы терминообразования в испанских печатных СМИ (на материале экономической терминологии) (Дисс. канд. филол. наук). Москва, 2005.
15. Солганик Г.Я. Газетные тексты как отражение важнейших языковых процессов в современном обществе (1990-1994) // Журналистика и культура русской речи. 1996. Вып. 1.
16. Средства массовой информации в современном мире: тезисы научно-практической конференции. СПб.: Издательство СпбГУ, 2001.
17. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология. Вопросы теории. Изд.6-е. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.
18. Yépez A.G. El Lenguaje hablado en la bolsa: aproximación a la jerga bursátil [Электронный ресурс]. Universidad de Complutense, 2002. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/19709392.pdf> (дата обращения: 23.01.2020).
19. Belz J. A. Social Dimensions of Telecollaborative Foreign Language Study. *Language Learning & Technology*. 2002. Vol. 6, no. 1. P. 60-81.
20. Devis Márquez P. Fundamentos teóricos básicos de Morfología y Semántica oracionales. Málaga: Agora, 2000.
21. De Miranda P.A. & Polo J. Lengua y diccionarios. Estudios ofrecidos a Manuel Seco. Madrid: Arco/Libros, 2002.

REFERENCES

1. Dileev, M. 22 professional'nye knigi dlya trejderov [22 professional books for traders]. Retrieved from <https://equity.today/knigi-dlya-trejderov.html> (accessed: 14 June, 2018) (in Russian).
2. Baranova, L.A. (1998). O paparazzi, stringerah i tabloidah [About paparazzi, stringers and tabloids]. *Russkaya Rech [Russian Speech]*, 4, 49–53 (in Russian).
3. Bragina, A.A. (1973). *Neologizmi v russkom yazike [Neologisms in Russian]*. Moscow: Prosveshchenie (in Russian).
4. Bylinskij, K.I. (1997). *Yazik gazeti [Newspaper language]*. Moscow: MSU Editorial (in Russian).
5. Vasil'eva, A.N. (1982). *Gazetno-publicisticheskij stil'rechi [Newspaper publicist style of speech]*. Moscow: Russkij jazyk (in Russian).
6. Vinokur, G.O. (1996). *Zametki po russkomu slovoobrazovaniyu [Notes on Russian word formation]*. Moscow (in Russian).
7. Volodina, M. N. (2000). *Kognitivno-informacionnaya priroda termina (na materiale terminologii sredstv massovoj kommunikacii) [Cognitive – informational nature of a term (based on the terminology of mass communication)]*. Moscow: Izd-vo MGU (in Russian).
8. Kara-Murza, S. G. (2003). *Manipulaciya soznaniem [Manipulation of consciousness]*. Moscow: Eksmo (in Russian).
9. Levchenko, A.V., Tatarnikova, I.V. (2017). Angloyazichniye birzheviye termini: sposobi ih obrazovaniya i osobennosti perevoda [English-language stock exchange terms: the ways of their formation and peculiarities of translation]. In T. N. Pleskanyuk (Ed.), *Sovremennoe sostoyanie i perspektivnye vektorы razvitiya filologii, lingvistiki, yazykoznaniya: sb. nauch. trud. [Current state and prospective vectors of development in philology and linguistics: proceedings (pp. 22-27)]*. Moscow (in Russian).
10. Lozovsky, L.Sh., Blagodatin, A.A., Rayzberg, B.A. (2001). *Birzha i cenniye bumagi [Stock exchange and securities]: Dictionary*. Moscow: Ekonomika (in Russian).

11. Lopatin, V.V. (1973). *Rozhdeniye slova: neologizmi i okkazionalniye obrazovaniya* [The birth of the word: neologisms and occasional formations]. Moscow: Nauka (in Russian).
12. Popov, R.N. (1996). *Noviye slova i slovosochetaniya v yazike sovremennoy pressy* [New words and phrases in the language of the modern press]. *Russkiy yazik v shkole* [The Russian Language at School], 1, 70-73 (in Russian).
13. Rozen, E.V. (1991). *Noviye slova i slovosochetaniya v russkom yazike* [New words and phrases in Russian]. Moscow (in Russian).
14. Sanginova, F. Yu. (2005). *Aktualniye processi terminoobrazovaniya v испанских печатных СМИ (на материале экономической терминологии)* [Current processes of term formation in the Spanish print media (based on the material of economic terminology)] (PhD thesis). Moscow, Russia (in Russian).
15. Solganik, G.Ya. (1996). *Gazetnie texti kak otrazhenie vazhneyshikh yazikovikh processov (1990-1994)* [Newspaper texts as a reflection of the most important language processes in modern society (1990-1994)]. *Zhurnalistika i kultura russkoy rechi* [Journalism and culture of Russian speech], 1 (in Russian).
16. *Sredstva massovoy informacii v sovremennom mire: tezisi nauchno-prakticheskoy konferencii* [Mass media in the modern world: proceedings of the scientific and practical conference], 2001. Saint-Petersburg: Izdatelstvo SPGU (in Russian).
17. Superanskaya, A.V., Podolskaya, N. V., Vasilyeva, N.V. (2012). *Obshchaya terminologiya. Voprosy teorii* [General terminology. Theoretical issues]. Moscow: LIBROCOM (in Russian).
18. Yépez, A.G. (2002). *El Lenguaje hablado en la bolsa: aproximación a la jerga bursátil* [The Language Spoken in the Stock Market: An Approach to Stock Market Jargon]. Universidad de Complutense. Retrieved from <https://core.ac.uk/download/pdf/19709392.pdf> (accessed: 23 January, 2020).
19. Belz, J. A. (2002). Social Dimensions of Telecollaborative Foreign Language Study. *Language Learning & Technology*, 6 (1), 60-81.
20. Devis Márquez, P. (2000). *Fundamentos teóricos básicos de Morfología y Semántica oracionales* [Basic theoretical foundations of Semantics and Morphology]. Málaga: Agora.
21. De Miranda, P.A. & Polo, J. (2002). *Lengua y diccionarios. Estudios ofrecidos a Manuel Seco* [Language and dictionaries. Studies offered to Manuel Seco]. Madrid: Arco/Libros.

THE PECULIARITIES OF SPANISH STOCK MARKET AND TRADING TERMINOLOGY

Fatima Yu. Sanginova

kelfat@mail.ru

Anna V. Shalyukhina

shaliukhina.a@yandex.ru

MGIMO University (Moscow, Russia)

Abstract: In the modern world, economic activity in general and financial activity in particular play an important role. The study of the stock market terminology, which has always remained quite closed, and has recently started to penetrate into our lives more actively through the media, proves necessary for those who need to navigate the flow of essential information and become a successful player in the financial market.

The purpose of the article is to trace the emergence and development of stock exchange vocabulary over the past decades. The goal is to solve the following tasks: to clarify the origin of the stock market terms and to identify the systemic relations in the exchange lexicon. The paper analyzes the main ways of term formation in the Spanish language of the stock market. The stock exchange language does not have special methods for creating specific terms. The analysis of stock terms shows that the stock exchange vocabulary is a hybrid of terms borrowed from other special languages (professional jargon of economic, financial and trading activities), standard language and foreign languages. A word from general language, used in the stock exchange discourse, can be interpreted in the right way only when the semantic and deductive features are taken into account. The oral nature of the stock exchange lexicon determines its dependence on extralinguistic factors.

Key words: term, terminology, stock exchange, term formation, stock exchange vocabulary, trading terminology.

How to cite this article: Sanginova F.Yu., Shalyukhina A.V. (2021). The Peculiarities of Spanish Stock Market and Trading Terminology. *Professional Discourse & Communication*, 3(3), pp. 19–27. (in Russian). <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-3-19-27>

About the authors:

Fatima Yu. Sanginova is Cand. Sci. (Philology), associate professor in the Department of the Spanish language at MGIMO University (Moscow, Russia).

Anna V. Shalyukhina is Cand. Sci. (Philology), senior lecturer in the Department of the Spanish language at MGIMO University (Moscow, Russia).

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-3-28-38>

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОЙ КОМПРЕССИИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АННОТАЦИЙ К СТАТЬЯМ, ВХОДЯЩИМ В МЕЖДУНАРОДНЫЕ РЕФЕРАТИВНЫЕ БАЗЫ ДАННЫХ)

М.В. Черкунова

Самарский национальный исследовательский университет

имени академика С.П. Королева (Самара, Россия)

m.cherkunova@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается явление языковой компрессии в малоформатных метатекстах современного англоязычного научного дискурса. Исследование выполнено на материале аннотаций к научным статьям, размещенным в международных научометрических базах данных, а именно – на платформах Scopus и Web of Science. В частности, компрессия рассматривается как ключевой параметр аннотации, качество и содержательная полнота которой являются определяющими предпосылками для дальнейшей интеграции результатов проведенного исследования в общенаучное когнитивное поле. Исходя из положения о том, что вторичный малоформатный текст представляет собой точную семантическую копию оригинала, компрессия трактуется как механизм перераспределения функциональной нагрузки редуцируемых текстовых единиц за счет повышения информативности внутритекстовых элементов вторичного малоформатного образования. В процессе pragмасемантического и дискурсивного анализа выявляется комплекс специфических способов смысловой компрессии на всех уровнях организации научной аннотации, в частности, описываются механизмы сжатия смысла на уровне структурно-семантического наполнения текстового пространства, а также выявляются морфологические, лексические, синтаксические и графические способы концентрации смысла. Выявленные закономерности, с одной стороны, расширяют сведения о способах уплотнения смыслового пространства малоформатных текстов в целом, а с другой стороны, полученные в ходе анализа практические данные могут быть использованы широким кругом исследователей при составлении англоязычных аннотаций к публикациям в высокорейтинговых международных научных изданиях.

Ключевые слова: научный дискурс, малоформатный текст, вторичный текст, метатекст, аннотация, реферативные базы данных, Scopus, Web of Science, языковая компрессия.

Для цитирования: Черкунова М.В. (2021). Специфика языковой компрессии в современном англоязычном научном дискурсе (на материале аннотаций к статьям, входящим в международные реферативные базы данных). *Дискурс профессиональной коммуникации*. 3(3), С. 28–38. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-3-28-38>

1. ВВЕДЕНИЕ

В современном мире процессы глобализации и интеграции пронизывают все без исключения сферы жизнедеятельности человека, включая область научного знания. Развитие цифровых технологий в сочетании с закреплением лидирующих позиций английского языка в качестве средства международного общения сделало возможным беспрепятственный обмен результатами интеллектуального труда между учеными всего мира, что в конечном итоге способствует созданию единого научного пространства и оптимизации процессов генерации нового знания. Именно с этой целью в настоящее время активно создаются разного рода электронные площадки, обеспечивающие исследователям возможность обнародовать результаты своих изысканий на международной арене. Подобные базы данных аккумулируют результаты научных разработок в самых разных областях знания, в связи с чем они предоставляют колоссальные возможности как для поиска необходимых материалов в различных отраслях наук, так и для отслеживания связей между исследованиями внутри одного научного направления. Широко известными в научном мире платформами, на которых размещаются крупнейшие международные базы данных, являются *Scopus* и *Web of Science*.

Результаты научных изысканий традиционно представляются в научометрических базах в виде англоязычных аннотаций. Именно этот тип малоформатного метатекста дает возможность исследователям оперативно ознакомиться с основными положениями и результатами того или иного исследования, на основании чего принять решение о необходимости обращения к полнотекстовой версии публикации. В этих условиях интенсивной коммуникации аннотация приобретает первостепенное значение, так как именно от качества и полноты представления результатов научного труда в рамках вторичного текстового образования зависит дальнейшая судьба проделанной работы и успех интеграции ее результатов в мировое научное поле.

Аннотация к научной статье представляет собой периферийный текст вторичного порядка, созданный на основе оригинального текста статьи. С одной стороны, к аннотациям предъявляются жесткие требования по объему (как правило, аннотация не превышает порога в 300 слов), однако при таком малом объеме вторичный текст должен зеркально отражать смысловую структуру первичного текста [Кушнина, Филипсон, 2020, с. 9]. Жанровая трансформация исходного текста в метатекст предполагает перекодирование информации, сопровождающееся смысловой компрессией оригинала, позволяющей создать его краткую, но в то же время семантически адекватную версию, обладающую при этом своей собственной логико-композиционной структурой [Blake, 1993, р. 131].

2. МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Таким образом, целью данного исследования является выявление способов смысловой компрессии в малоформатных текстах аннотаций к научным статьям, размещенным в международных научометрических базах данных. В качестве материала для исследования были использованы 150 аннотаций (*abstracts*), отобранных методом сплошной выборки из актуальных (апрель-декабрь 2020 г.) выпусков электронных версий журналов, входящих в международные базы данных *Scopus* и *Web of Science* (*WoS*). В частности, выборка была

произведена на основе таких источников, как *English Today*, *European Journal of English Studies*, *Intercultural Pragmatics*, *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, *Language and Speech* (Scopus), *Language Variation and Change* (WoS), *Lingua* (Scopus), *Literature and Theology* (Scopus), *The Journal of Comparative Germanic Linguistics* (WoS). Все журналы, вошедшие в выборку, посвящены лингвистической проблематике, в связи с чем полученные выводы, помимо общей практической ценности для исследователей, планирующих публикации в международных изданиях, могут оказаться наиболее полезными для специалистов, работающих в области гуманитарных, в частности языковедческих, наук.

При анализе материала использован метод дискурсивного анализа, а также метод лингвистического описания, дополненный приемами лингво-стилистического анализа.

3. ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Традиционно, среди важнейших требований к качеству вторичного научного метатекста выделяют его нейтральность и объективность; семантическую адекватность; полноту отражения содержания первоисточника; краткость и точность; логическую стройность и связность; композиционную завершённость; единство стиля [Леденева, Зинкевич, 2020, с. 84]. Выполнение данных требований предполагает осуществление ряда последовательных мыслительных и языковых операций, направленных на смысловую компрессию оригинального текста с последующим полным и точным воспроизведением текста оригинала в максимально сжатом, конденсированном виде. При этом под компрессией понимается «...упрощение поверхностной структуры текста за счет повышения информативности языковых единиц ... без изменения его информационной стороны по сравнению с исходным текстом» [Умерова, 2011, с. 260]. Универсальный механизм языковой компрессии заключается в транспонировании функциональной нагрузки компрессируемой единицы за счет расширения функционала элементов конечного текстового продукта. Традиционно, к числу наиболее распространённых инструментов повышения информативной плотности текстового пространства относят разного рода сокращения лексических единиц (аббревиатуры, акронимы и т.п. единицы); эллиптизацию; уменьшение объема предложений, использование скобок; введение графических и иконических элементов [Аликаев, Бредихин, 2015; Овчинникова, 2014; Плохая, 2018; Толстолузкая, 2016]. Однако, в связи с этим следует подчеркнуть, что специфика способов компрессии, применяемых для конденсации смысловой структуры того или иного текста, определяется требованиями жанра, особенностями информационного носителя, а также коммуникативной установкой конечного продукта.

В частности, анализ практического материала показал, что основным средством информационной компрессии текста англоязычной аннотации является унификация организации ее смыслового пространства. По мнению Л.В. Кушниной и С.К. Филипсон, смысловая структура научного текста соотносится с квантом знания, иными словами – с эпистемической ситуацией, ядро которой составляют онтологический, методологический и аксиологический компоненты. При этом онтологический аспект соотносится с предметным содержанием знания; методологический связан с описанием способов получения знания; аксиологический компонент отражает оценку результативности научной деятельности [Кушнина, Филипсон, 2020, с. 11-12]. Внутренняя структура 99% рассмотренных аннотаций содержит все три указанных компонента, которые следуют друг за другом строго в указанной последовательности, что отражает поступательную логику процесса научного поиска. Так, при компрессии

содержания первичного текста научной статьи ее суть сводится к трем ключевым аспектам: какое явление было выбрано в качестве объекта исследования и что конкретно стало предметом изучения; какие процессуальные шаги были предприняты при изучении материала; и, наконец, какой результат был получен в итоге.

В ходе семантического анализа текстов выборки было установлено, что данные аспекты имеют приблизительно равнозначную удельную значимость в границах смыслового пространства аннотации, поскольку каждому из них соответствуют приблизительно равные по объему фрагменты вторичного текста. При этом в полнотекстовых версиях статей наибольшее внимание уделяется методологическому и аксиологическому аспектам содержания, которые, в конечном итоге, и подвергаются наибольшему сжатию в процессе жанровой трансформации.

Кроме того, нами было установлено, что для каждого из аспектов содержания в тексте аннотации существует набор языковых клише, своего рода триггерных единиц, которые обозначают тот или иной смысловой сегмент аннотации, запуская тем самым соответствующие когнитивные операции у реципиента. Это в конечном итоге облегчает навигацию по смысловому пространству вторичного текста и оптимизирует процесс вычленения необходимой информации. Данный механизм, на наш взгляд, также можно причислить к способам информационной компрессии материала.

Так, для актуализации онтологического аспекта наиболее часто используется лексема *to investigate*; далее по степени уменьшения частотности располагаются единицы *to examine*, *to explore*, *to explain*; периферийное положение занимают такие обороты, как *to describe*, *to contribute*, *to illustrate*, *to offer an account*, *to concern*, *to consider*, *to analyze*, *to focus on*, *to report on*, etc. Также в ряде случаев функцию актуализации онтологического сегмента аннотации выполняют противительные союзы *however* / *although*. В качестве примера приведем следующие фрагменты аннотаций:

- *This study investigates whether the scope of advanced lexical planning is constrained by a head-adjunct dependency between words in a sentence* [Lingua].
- *This paper describes the structural derivation of possessive -də construction in Mehri* [Lingua].
- *This article explores the global influences of Chinese mysticism...* [Literature and Theology].
- *However, little is known about AAE regional variation regarding prosodic rhythm and melody* [Language and Speech].

Для обозначения методологического сегмента используются такие единицы, как *using* / *uses* / *making use of* / *adopting* в сочетании с лексемами *framework*, *parameters*, *analytic perspective*, *approach*, *procedure*, *model*, etc.; помимо этого, нам встретились единичные случаи использования оборотов *regarding*, *to present methodological innovations*, etc.

- *The paper analyses 120 authentic blind reviews ... using a pragmatic, contextual and contrastive methodology* [Intercultural Pragmatics].
- *In this study over 250,000 observations ... were analyzed in a generalized linear mixed-effect model...* [Language Variation and Change].
- *By adopting the frame-analytic perspective ... we provide an interpretive and critical analysis within the frames of geopolitics, geoeconomics and identity* [Lingua].

Аксиологический блок маркируется посредством существительных *the results/findings* / *data/outcomes* в сочетании с глаголами *suggest*, *indicate*, *provide*, *show*, *confirm*, *expand*. Периферийное положение в этой смысловой матрице, обеспечивающей эффективность механиз-

ма компрессии, занимают обороты *to shed light on, to provide new evidence, the implications are, to provide insight into, etc.*, например:

- *These results suggest that ... there is a significant role for language in ... [Language and Speech].*
- *These findings provide new evidence for diachronic changes... [Language Variation and Change].*
- *The data clearly show that quotation marks are pronounced... [International Journal of Bilingual Education and Bilingualism].*

В качестве образца организации смыслового пространства аннотации можно привести следующий текст:

Онтологический компонент	Interpreting other people's intentions during communication represents a remarkable challenge for children. Although many studies have examined children's <i>understanding</i> of, for example, sarcasm, less is known about their <i>interpretation</i> .
Методологический компонент	Using realistic audiovisual scenes, we invited 124 children between 8 and 12 years old to watch video clips of young adults using different speaker intentions. After watching each video clip, children answered questions about the characters and their beliefs, and the perceived friendliness of the speaker.
Аксиологический компонент	Children's responses reveal age and gender differences in the ability to interpret speaker belief and social intentions, especially for scenarios conveying teasing and prosocial lies. We found that the ability to infer speaker belief of prosocial lies and to interpret social intentions increases with age. Our results suggest that children at the age of 8 years already show adult-like abilities to understand literal statements, whereas the ability to infer specific social intentions, such as teasing and prosocial lies, is still developing between the age of 8 and 12 years. Moreover, girls performed better in classifying prosocial lies and sarcasm as insincere than boys. The outcomes expand our understanding of how children observe speaker intentions and suggest further research into the development of teasing and prosocial lie interpretation. [Rothermich, 2020, p. 689]

Таким образом, можно говорить о том, что унификация структурно-смыслового плана аннотаций к научным статьям и четкое структурирование информации внутри текста при помощи конкретных лингвистических маркеров выступают в качестве инструмента смысловой компрессии, так как с одной стороны, позволяют максимально емко отразить эпистему научно-познавательного процесса, а с другой стороны, дает реципиенту возможность соотнести содержащийся в статье квант знания со своими научными/профессиональными потребностями и принять решение о дальнейшем использовании предлагаемых материалов для расширения знаниевой парадигмы.

В данной связи необходимо отметить, что в рассмотренном нами корпусе выборки представлены аннотации, смысловая структура которых представляет собой отклонения от предложенной выше схемы развертывания информации. Так, отражение онтологического параметра является обязательным для 100% аннотаций, в то время как в ряде текстов методологический либо аксиологический параметры не находят своего вербального выражения. Однако, подобных примеров в нашей выборке менее 1%, что позволяет отнести их к разряду случайных флюктуаций и лишний раз подтверждает идею об облигаторном характере отражения в тексте аннотации эпистемической ситуации во всей полноте ее составляющих.

На следующем этапе исследовательской схемы были рассмотрены способы смысловой компрессии аннотаций на различных языковых уровнях. Так, к морфологическим средствам повышения информативности текста можно отнести аффиксы, которые зачастую имеют дефиксное написание и позволяют экономно и в то же время емко модифицировать значение лексических единиц. Так, наиболее частотными являются префиксы *non-* (*non-stereotypical, non-consonantal, non-dynamic, non-dominant, non-formal, non-literalness, non-name-informing*), *post-* (*posttonic, post-secular*), *pre-* (*pre-request, pre-closing, pre-vocalic*), *re-* (*reanalyze*,

recontextualize, reformulate), de- (decontextualize, de-emphasize), co- (co-construct, coargument), pro- (prosocial), cross- (cross-linguistic), semi- (semivowels), auto- (autocorrelation), sub- (submodule), over- (over-accentuate), multi- (multi-party), а также суффиксы *-like* (*idiom-like, adult-like*) и *-hood* (*speaker-hood*). Как видно из приведенных примеров, многие аффиксальные образования (в частности *non-literalness, non-name-informing, reanalyze, recontextualize, decontextualize, de-emphasize, co-construct, coargument, speaker-hood*, а также *generalizability, lexicalization* и ряд других) имеют характер окказионально-терминологических единиц и позволяют кратко и точно вербализовать необходимые элементы определенного когнитивного сегмента.

К лексическим средствам смысловой компрессии в текстах научных аннотаций относятся, прежде всего, разного рода аббревиатуры. Данные единицы отличаются большим разнообразием; они содержат как буквенные, так и цифровые символы, а также специальные обозначения в различных комбинациях, например: *P300, N400, IH, L1, L2, PossP, MIRCs, LL, AAE, C#C, UH, F3, NEAT; KCSAT; D-SIS, ZPD, BCC, FILMIP, AmNo, etc.*

Кроме того, концентрация смысла в текстах научных аннотаций достигается за счет использования большого количества сложных слов, имеющих дефисное написание, таких как *solidarity-building, talk-in-interaction, requesting-in-interaction, speech-to-text transcripts, motion-event frame, German-dominant speakers, language-internal factors, organism-internal submodules, conceptual-intentional system, hotel-guest encounter, higher-order thinking skills, discourse-based interpretation, etc.* Как показывают примеры, подавляющее большинство подобных лексем выполняют атрибутивную функцию и дают возможность многоаспектно охарактеризовать явление, используя емкую и краткую лексическую единицу.

Также в текстах аннотаций широко представлен механизм уплотнения смысловой нагрузки лексем за счет объединения в одну словоформу двух семантически отдельных единиц. Данный эффект достигается, в частности, путем заключения отдельных морфем (а в ряде случаев и отдельных лексем, входящих в состав словосочетаний) в скобки, как, например, в следующих образцах: *(in)definiteness, (im)politeness, (self-)narrative, fictional(ised), trans(ing), fan(fiction), (part of) responses; of (digital) media.*

На уровне синтаксического оформления аннотаций смысловая компрессия достигается путем употребления полиятрибутивных словосочетаний типа *consonant-final carrier phrase, a matched-guise social-perception experiment, electroencephalographic evoked response potentials, sentence-final complement noun phrase, two-noun modifier structures, think-aloud retrospective tasks, etc.* Семантическая плотность подобного рода конструкций достигается благодаря сокращению количества служебных элементов и насыщения высказывания значимыми смысловыми конституентами.

Специфическая форма эллипсиса, характерная для текстов научных аннотаций, проявляется в использовании графического символа в виде косой черты (так называемый «слэш», «/») для уплотнения текстового пространства: *subject/object; self-representation/trans representation; history/eternity; singularity/variance; chance/necessity; absence/presence; yes/no answer; gender/sexuality based categories, performance/interpretive systems; non-literal/metaphorical meanings; etc.*

Кроме того, синтаксически осложненная структура предложений, включающих целый ряд придаточных, инфинитивных и герундиальных конструкций, однородных членов и парентезных включений, оформленных при помощи скобок, способствует повышению информационной плотности высказывания. В качестве типичного образца синтаксического оформления текстового пространства аннотации можно привести, в частности, следующее

предложение: *This study confirms the well-known effects of token and type frequency, finding that formal similarities can be both a driving and conservative force in language change and demonstrates that not all members (i.e., preterites and past participles) of a verb paradigm change at the same time, which is both an effect of their frequency and their formal coherence within the paradigm* [De Smet, 2020, p. 241].

Однако, для структурирования квантов смысла внутри подобных многокомпонентных синтаксических образований используются разного рода списки с разными вариантами оформления. Так, в частности, присутствуют числовые маркеры (...*the results show that (1) the thematic roles ... interact and fuse...; (2) the argument realization ... is also constrained by...etc.* [Antonova-Unlu, 2020]); буквенные (... *desire to find a response in (i.) a Surrealist ontology..., and (ii.) a theodicy of love* [Zhao, 2020, p. 363]) и вербальные, выражающиеся посредством лексем *first, second, third, etc.* [Coats, 2020, p. 799].

Еще одной формой смысловой компрессии, специфичной для аннотаций к научным статьям, является использование параллелизма на различных уровнях организации высказывания: морфологическом (*geopolitical and geoeconomic influences; reanalysis and reconstruction; related or unrelated; possessed and possessor, the causer and the causee; multilingualism and multiculturalism; decontextualized and recontextualised; etc.*); лексическом (*ranging from various frequency measures to various form-related factors; studies conducted in widely varying locations with widely varying foci; etc.*); и синтаксическом (*nouns cannot occur as bare elements as well as cannot linearly be adjacent; those with more educational attainment, those of service and professional occupations, and those from Huelva; etc.*). Использование подобных элементов внутри текстовой структуры позволяет, на наш взгляд, актуализировать смежные понятийные элементы и тем самым сократить количество когнитивных операций, необходимых адресату для обработки представленной информации.

В качестве графических средств смысловой компрессии в текстах научных аннотаций можно отметить широкое использование курсива для проставления логических акцентов и выделения смысловых доминант.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, подводя итог проведенному исследованию, необходимо еще раз подчеркнуть, что для малоформатных текстов аннотаций к научным статьям компрессивность является облигатным свойством, представляющим собой инструмент донесения до адресата «...самой сути примарной когнитивной информации» [Аликаев, Бредихин, 2015, с. 122]. Смысловая компрессия заключается в сокращении верbalного плана текста при максимальном сохранении содержательного компонента, что имеет принципиальное значение для текста научной аннотации. Компрессия достигается путем перераспределения функциональной нагрузки редуцируемых единиц за счет расширения функциональной парадигмы разноуровневых элементов вторичного текстового продукта. Таким образом, смысловая компрессия осуществляется на всех уровнях организации текста аннотации, в частности, унификация структурно-смыслового плана аннотаций с обязательным отражением онтологического, методологического и аксиологического компонентов ситуации научного поиска является действенным механизмом сжатия смысла. Кроме того, использование деривационного механизма аффиксации для создания контекстуально-обусловленных терминологических образований способствует смысловому сжатию текста. Специфическая комбинация

различных лексико-синтаксических приемов также позволяет достичь максимальной компрессии текста, что, в совокупности, формирует концентрированное пространство малоформатного научного метатекста, отражающего способы рефлексивного и эмпирического познания мира и способствующего неизменному приращению знаниевого компонента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аликаев Р.С., Бредихин С.Н. «Схемы действования» как маркер дискурсивности научного текста: формальная логика vs. герменевтика // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкоznание. 2015. № 2 (26). С. 121–127.
2. Бредихин С.Н., Серебрякова С.В., Лиховид А.А. Способы компрессии когнитивной информации в научно-популярном тексте // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 3. С. 139-145.
3. Кушнина Л.В., Филипсон С.К. Текст научной аннотации в эпистемическом освещении // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкоznания и педагогики. 2020. № 2. С. 8-19.
4. Леденева Т.В., Зинкевич Н.А. Проблема обучения современных студентов реферированию иноязычного текста // Филологические науки в МГИМО. 2020. № 23 (3). С. 80-87.
5. Овчинникова Н.Д. О некоторых способах актуализации первичной компрессии при жанровой трансформации в английском публицистическом тексте // The Bryansk State University Herald. 2014. № 2. С. 370-374.
6. Плохая Е.Е. Способы языковой компрессии в энциклопедическом тексте // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2018. №3. С. 71-76.
7. Толстолуцкая Е.В. Комбинации различных способов компрессии информации в текстах малого формата французской печатной прессы // Перевод и сопоставительная лингвистика. 2016. № 12. С. 24-26.
8. Умерова М.В. Языковая компрессия: виды и уровни реализации // Актуальные вопросы современной науки. 2011. Вып. 17 (1). С. 260- 269.
9. Antonova-Unlu E., Wei L. Examining Possible Sources of L2 Divergence at the Pragmatics Interface: Turkish Accusative in the End-State Grammar of L1 Russian and L1 English Users of L2 Turkish // Lingua. 2020. Volume 244. doi: 10.1016/j.lingua.2020.102868
10. Blake G., Bly R.W. The Elements of Technical Writing. New York: Macmillan Pub. Co., 1993.
11. Coats S. (2020). Articulation Rate in American English in a Corpus of YouTube Videos // Language and Speech. 2020. № 63(4). P. 799-831. doi:10.1177/0023830919894720
12. De Smet I., Van de Velde F. A Corpus-Based Quantitative Analysis of Twelve Centuries of Pret erite and Past Participle Morphology in Dutch // Language Variation and Change. 2020. № 32(2). P. 241-265.
13. English Today. Retrieved from <https://www.cambridge.org/core/journals/english-today> (accessed: 7 December, 2020).
14. European Journal of English Studies. 2020. Volume 24. Issue 1. Retrieved from <https://www.tandfonline.com/toc/neje20/current> (accessed: 7 December, 2020).
15. Intercultural Pragmatics. November 2020. Volume 17. Issue 5. Retrieved from https://www.degruyter.com/view/journals/iprg/iprg-overview.xml?tab_body=latestIssueToc-78033 (accessed: 7 December, 2020).

16. International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. 2020. Volume 23. Issue 10. Retrieved from <https://www.tandfonline.com/toc/rbeb20/23/10?nav=tocList> (accessed: 7 December, 2020).
17. Language and Speech. December 2020. Volume 63. Issue 4. Retrieved from <https://journals.sagepub.com/toc/lasa/current> (accessed: 7 December, 2020).
18. Language Variation and Change. July 2020. Volume 32. Issue 2. Retrieved from <https://www.cambridge.org/core/journals/language-variation-and-change/issue/AB1F311312A36F10A2A-76076F2AFD182> (accessed: 7 December, 2020).
19. Lingua. September 2020. Volume 244. Retrieved from <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0024384120301285> (accessed: 7 December, 2020).
20. Literature and Theology. September 2020. Volume 34. Issue 3. Retrieved from <https://academic.oup.com/litthe/issue/34/3> (accessed: 7 December, 2020).
21. Rothermich K., Caivano O., Knoll L.J., Talwar V. Do They Really Mean It? Children's Inference of Speaker Intentions and the Role of Age and Gender // Language and Speech. 2020. № 63(4). P. 689-712.
22. The Journal of Comparative Germanic Linguistics. April 2020. Volume 23. Issue 1. Retrieved from <https://link.springer.com/journal/10828/volumes-and-issues/23-1> (accessed: 7 December, 2020).
23. Zhao F. Ng. (2020). Mad Love: Surrealism and Soteriological Desire // Literature and Theology. 2020. № 34 (3). P. 363–385.

REFERENCES

1. Alikayev, R.S., Bredikhin, S.N. (2015). "Skhemy deystvovaniya" kak marker diskursivnosti nauchnogo teksta: formal'naya logika vs. germenevtika [“Schemes of acting” as a discourse marker of a scientific text: formal logics vs. hermeneutics]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta: Yazykoznanije [Science Journal of Volgograd State University: Linguistics]*, 2 (26), 121–127 (in Russian).
2. Bredikhin, S.N., Serebriakova, S.V., Likhovid, A.A. (2019). Sposoby kompressii kognitivnoy informatsii v nauchno-populyarnom tekste [Ways of cognitive information compression in a popular science text]. *Aktualniye problem filologii i pedagogicheskoy lingvistiki [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics]*, 3, 139-145 (in Russian).
3. Kushnina, L.V. Tekst nauchnoy annotatsii v epistemicheskem osveshchenii [Research paper abstracts from epistemic perspective] / L.V. Kushnina, S.K. Filipson. *PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*. 2020, no.2, pp. 8-19. (In Russ.)
4. Ledeneva, T.V., Zinkevich, N.A. (2020). Problema obucheniya sovremennykh studentov referirovaniyu inoyazychnogo teksta [The problem of teaching modern students to summarize a foreign text]. *Filologicheskiye nauki v MGIMO [Philological Sciences in MGIMO]*, 23 (3), 80-87 (in Russian).
5. Ovchinnikova, N.D. (2014). O nekotorykh sposobakh aktualizatsii pervichnoy kompressii pri zhanrovoy transformatsii v angliyskom publitsisticheskem tekste [On some methods of actualizing primary compression during genre transformation in an English publicistic text]. *The Bryansk State University Herald*, 2, 370-374 (in Russian).

6. Plokhaya, E.E. (2018). Sposoby yazykovoy kompressii v entsiklopedicheskem tekste [Ways of language compression in encyclopedia text]. *Professionalnaya kommunikatsiya: aktualniye voprosi lingvistiki i metodiki* [Professional communication: topical issues of linguistics and methodology], 3, 71-76 (in Russian).
7. Tolstolutskaya, E.V. (2016). Kombinatsii razlichnykh sposobov kompressii informatsii v tekstakh malogo formata frantsuzskoy pechatnoy pressy [The combination of different means of information compression in small sized texts of French print press]. *Perevod i sopostavitelnaya lingvistika* [Translation and comparative linguistics], 12, 24-26 (in Russian).
8. Umerova, M.V. (2011). Yazykovaya kompressiya: vidy i urovni realizatsii [Language compression: types and levels of implementation]. *Aktualniye voprosy sovremennoy nauki* [Actual questions of modern science], 17 (1), 260- 269 (in Russian).
9. Antonova-Unlu, E., & Wei, L. (2020). Examining Possible Sources of L2 Divergence at the Pragmatics Interface: Turkish Accusative in the End-State Grammar of L1 Russian and L1 English Users of L2 Turkish. *Lingua*, Volume 244. doi: 10.1016/j.lingua.2020.102868
10. Blake, G., & Bly, R.W. (1993). *The Elements of Technical Writing*. New York: Macmillan Pub. Co.
11. Coats, S. (2020). Articulation Rate in American English in a Corpus of YouTube Videos. *Language and Speech*, 63(4), 799-831. doi:10.1177/0023830919894720
12. De Smet, I., & Van de Velde, F. (2020). A Corpus-Based Quantitative Analysis of Twelve Centuries of Preterite and Past Participle Morphology in Dutch. *Language Variation and Change*, 32(2), 241-265.
13. *English Today*. Retrieved from <https://www.cambridge.org/core/journals/english-today> (accessed: 7 December, 2020).
14. *European Journal of English Studies*, volume 24, issue 1, 2020. Retrieved from <https://www.tandfonline.com/toc/neje20/current> (accessed: 7 December, 2020).
15. *Intercultural Pragmatics*, volume 17, issue 5, November 2020. Retrieved from https://www.degruyter.com/view/journals/iprof/iprof-overview.xml?tab_body=latestIssueToc-78033 (accessed: 7 December, 2020).
16. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, volume 23, issue 10, 2020. Retrieved from <https://www.tandfonline.com/toc/rbeb20/23/10?nav=tocList> (accessed: 7 December, 2020).
17. *Language and Speech*, volume 63, issue 4, December 2020. Retrieved from <https://journals.sagepub.com/toc/lassa/current> (accessed: 7 December, 2020).
18. *Language Variation and Change*, volume 32, issue 2, July 2020. Retrieved from <https://www.cambridge.org/core/journals/language-variation-and-change/issue/AB1F311312A36F10A2A-76076F2AFD182> (accessed: 7 December, 2020).
19. *Lingua*, volume 244, September 2020. Retrieved from <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0024384120301285> (accessed: 7 December, 2020).
20. *Literature and Theology*, volume 34, issue 3, September 2020. Retrieved from <https://academic.oup.com/litthe/issue/34/3> (accessed: 7 December, 2020).
21. Rothermich, K., Caivano, O., Knoll, L.J., Talwar, V. (2020). Do They Really Mean It? Children's Inference of Speaker Intentions and the Role of Age and Gender. *Language and Speech*, 63(4), 689-712.
22. *The Journal of Comparative Germanic Linguistics*, volume 23, issue 1, April 2020. Retrieved from <https://link.springer.com/journal/10828/volumes-and-issues/23-1> (accessed: 7 December, 2020).
23. Zhao, F. Ng. (2020). Mad Love: Surrealism and Soteriological Desire. *Literature and Theology*, 34 (3), 363–385.

MEANS OF SEMANTIC COMPRESSION IN MODERN ENGLISH SCIENTIFIC DISCOURSE (BASED ON ABSTRACTS TO THE ARTICLES FROM INTERNATIONAL SCIENTIFIC CITATION DATABASES)

Marina V. Cherkunova

Samara National Research University (Samara, Russia)

m.cherkunova@mail.ru

Abstract: The article explores the phenomenon of semantic compression in small format metatexts within the contemporary English scientific discourse. Abstracts to scientific articles from international citation databases, in particular those of Scopus and Web of Science, are analysed with the aim of eliciting ways of semantic compression. The latter is viewed as a key parameter of a scientific abstract, whose semantic quality is the main factor responsible for further integration of the research results into the global knowledge pool. It is presumed that an abstract, being a secondary small-format text, represents an exact semantic copy of the original scientific article, hence compression is viewed as a mechanism of redistributing the functional load of the eliminated units of the original by means of increasing the informative potential of the remaining elements within the secondary small-format text. In the process of pragma-semantic and discourse analysis, a specific complex of semantic compression methods is revealed on every level of scientific abstract organization; in particular, compression means are elicited on the structural and semantic textual levels, as well as on the morphological, lexical, syntactic and graphical ones. The revealed patterns, on the one hand, expand our understanding of compression mechanisms typical of small-format texts in general; on the other hand, the practical data obtained as a result of the analysis can be used by a wide range of researchers while writing abstracts in English for publications in high-ranking international scientific journals.

Key words: scientific discourse, small-format text, secondary text, metatext, abstract, abstract and citation database, Scopus, Web of Science, semantic compression.

How to cite this article: Cherkunova M.V. (2021). Means of Semantic Compression in Modern English Scientific Discourse (Based on Abstracts to the Articles From International Scientific Citation Databases). *Professional Discourse & Communication*, 3(3), pp. 28–38. (in Russian). <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-3-28-38>

About the author:

Marina V. Cherkunova is Cand. Sci. (Philology), associate professor in the Department of English philology at Samara National Research University (Samara, Russia).

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-3-39-51>

THE GORONTALO LANGUAGE IN PROFESSIONAL COMMUNICATION: ITS MAINTENANCE AND NATIVE SPEAKERS' ATTITUDES

Ulfa Zakariya

ulfazakaria_7317157786@mhs.unj.ac.id

Ninuk Lustyantie

ninuk.lustyantie@unj.ac.id

Emzir

emzir.unj@unj.ac.id

Jakarta State University (Indonesia)

Abstract: This study aims to describe the maintenance of the Gorontalo language in the workplace by Gorontalo speakers. To carry out qualitative research we collected data through interviews, observations and field records, and then analysed it employing Spradley's model (used in ethnography). The research reveals that: (1) the Gorontalo language is used in the work interactions between all employees, or between employees and customers who are fluent in the Gorontalo language; customers will start conversations using the Gorontalo language if they have close relationships with their interlocutors; (2) the attitudes of the speakers who actively use the Gorontalo Language in the workplace towards the language under discussion can be positive and negative depending on the backgrounds of the speakers; (3) the factors that affect Gorontalo language preservation can be classified into two groups: factors from the outside of the community, including changes in the composition of multi-ethnic society and the exposure to global information, and factors from within the community, such as the lack of public awareness of the urgency to maintain the Gorontalo Language as the local pride.

Key words: language preservation, Gorontalo, workplace, professional discourse, business discourse.

How to cite this article: Zakariya U., Lustyantie N., Emzir (2021). The Gorontalo Language in Professional Communication: its Maintenance and Native Speakers' Attitudes. *Professional Discourse & Communication*, 3(3), pp. 39–51. (in Russian). <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-3-39-51>

1. INTRODUCTION

Gorontalo is a region located in the West part of North Sulawesi Province, which is inhabited by the Gorontalo ethnic group. The regional language (the Gorontalo language) is used in interaction among community members who live in Gorontalo and part of Gorontalo Regency (in ethnological publications, it is listed by the International Organization for Standardization under code 639-3). The Gorontalo language has many dialects, including Atinggola, Bune, and Gorontalo itself. However, the most dominant dialect used is the Gorontalo dialect, which has another name – Hulontalo.

With the arrival of immigrants from other regions who have brought a variety of cultures and languages, the Gorontalo people have gradually become multi-ethnic and multilingual. Until now, the Gorontalo people understand at least three languages, including: the Gorontalo language, which is used among Gorontalo ethnic groups, the Malay Manado dialect, and the Indonesian language, which is often used as the lingua franca or the common language of several ethnic groups. Manado Malay and Indonesian have become the two language choices that are commonly used by multiethnic communities in Gorontalo. The assimilation of the immigrant communities who have come to Gorontalo since 1953 exerts a significant influence on the Gorontalo language.

The existence of other languages within the Gorontalo community makes it difficult to maintain the original language of Gorontalo. Because of this, the Language Development Agency of the Ministry of Education and Culture has listed Gorontalo as one of the endangered regional languages. The observers of the Gorontalo language and the local government have announced issues and policies regarding the status of the language. The measures related to the maintenance of the Gorontalo language have still no impact on strengthening the position of the Gorontalo language in different spheres of people's lives, including the work environment involving Gorontalo speakers from different social backgrounds. In this article, we study conversations occurring in the trading environment, transportation services, traditional markets, and offices.

The use of the Gorontalo language in the workplace differs from the use of the Gorontalo language in other spheres of life, such as at home. In the work environment, Gorontalo-language speakers often have difficulty choosing which language they should use for interaction, as they remember that every person has a different background. Within the work environment, especially the places mentioned above, Gorontalo language speakers also face challenges in using the Gorontalo language which may come from the speaker's attitude towards the language itself. Moreover, the maintenance of the Gorontalo language in the workplace is also influenced by the factors that come from both inside and outside of the Gorontalo language speaking community.

In such situations, language contacts become an inevitable problem. Thomason [Thomason, 2001] defines language contact as a dynamic process that occurs in the interactions between speakers of two different languages in order to avoid communication gaps [Stolz, Bakker & Palomo, 2008]. Language contacts that occur for a long period of time can trigger a language shift if they are not considered as a phenomenon that harms the language or as what is called the neglect of the language [Pauwels, 2016].

Slowly but surely, the language shift will be followed by the language death as a consequence of language contacts that happened before [Riley, 2007]. Various research results have revealed that the causes of language shifts can be triggered by the speakers' choice of the language as they may actually "leave" their language [Fought, 2006] and the impact of acculturation on certain cultures [Ribes & Llanes, 2015].

This is what happened to the Gorontalo language, which is starting to be forgotten because its speakers prefer to adapt their language to the languages of immigrant people. This also concerns other regional languages in Indonesia mapped by the United Nations Education, Science and Culture Organization (UNESCO) [Harimansyah et al., 2017].

Basically, a language that has been “shifted” can still be saved as long as there is still a positive attitude from the speakers towards the language. Language preservation efforts can be the only way to reduce the language shift. According to Crystal [Crystal, 2002] and Batibo [Batibo, 2005], language preservation is an effort to adopt special steps in order to maintain a language in its speaking community even though it is under pressure from another language which is more dominant.

Language preservation efforts can obtain a great attention from all groups of society. Language maintenance should be the responsibility of every element in society even though it does not guarantee preservation of the language. According to Holmes [Holmes, 2008], a strong determination to defend a language has been shown when minority groups managed to revive Welsh and Hebrew as they valued their distinct identity and made their languages an important symbol of this identity. Similar cases occur within the community of Zapotec speakers [Pérez, 2012] and Voro language community [Brown, 2010], which have a strong desire to defend their original languages.

Motivation to make efforts to maintain a language is basically inseparable from people's perspective on the language [Odango, 2015; Jagodic, 2011]. The Gorontalo language is one of the languages that have prolonged contacts with other languages within the community. Language contacts are the reason for choosing the language that will be used by a group of people in the course of social interactions. The various life conditions of the Gorontalo people have led to the different attitudes of the speakers towards the Gorontalo language.

In terms of language attitudes, Vassberg [Vassberg, 1993] argued that the attitudes towards language varieties reflect the attitudes of speakers to the motivation of language choice and the effects on the language use. The attitudes shown by speakers towards a language can be divided into positive and negative ones. Pateda [Pateda, 2001] explains that the positive attitude of language speakers is reflected in a sense of responsibility and a sense of belonging to the spoken language. Conversely, negative attitudes are shown by the speakers who ignore their language.

This research does not describe how the Gorontalo language survives in all aspects of people's lives, but focuses on the work environment. The structure of this study can be formulated in the following order of research problems:

- (1) The process of using the Gorontalo Language in the workplace;
- (2) Speakers' attitudes towards the language;
- (3) Factors that influence the maintenance of the Gorontalo language in the workplace;

The description below reveals the results of the strong defence of the Gorontalo language in the work environment. This can be the first step to solve the problems that threaten the existence of the language which symbolizes the identity of Gorontalo people. The answers of the respondents to the questionnaires, related to the language attitudes and the form of using the Gorontalo language, serve as the information parameters regarding the maintenance of the Gorontalo language.

2. METHODOLOGY

This research is an ethnographic study conducted by applying the ethnographic model of Spradley (developed in 1979) to obtain the description of the Gorontalo language conservation in society. The territory covered by the research is limited to the central area of Gorontalo. The study

concerns the environment of workplaces that allow the interaction among workers and customers. Those observations are complemented by interviews and tapping of language use occurring in the workplace. In this case, the observation focuses more on the language used by permanent and freelance workers (employees) and independent workers. The research was carried out inside four workplace areas, including: (1) the shopping area in the downtown of Gorontalo where the shop employees communicate with their customers, (2) transportation services, with interaction between the drivers and the passengers, (3) the seller-buyer market environment, (4) the office environment, with the communication between office employees and the public being served.

For the sake of systematic data collection, the respondents are divided into the following groups: (1) teenagers – the age ranging between 12 and 25 years old; (2) adults - between 26 and 45 years old; and (3) the elderly – above 46 years old (based on the 2009 data about general age categories from the Indonesian Ministry of Health Regulation); (4) those who have no problem in the language articulation; (5) those who possess good skills at the Gorontalo language; (6) those who represent the groups of secondary education background in the workplace or office environment; (7) those who work but are uneducated or have only basic education. The total number of the respondents is 110 people. Below we can see the workplace descriptors that are studied in this research:

- 1) shops: crowded (50 buyers a day), employ the minimum of 25 people who have a standard educational background, 50 percent of the employees are native speakers of Gorontalo;
- 2) transportation services: motorized becak (Bentor) type of transportation, the driver joins another group of drivers at Bentor station, participates in the conversation with other drivers, the driver belongs to the original people of Gorontalo;
- 3) traditional market: the sellers that are visited by many buyers, the seller is the original person of Gorontalo;
- 4) office work: the offices that serve general public (urban village offices, state electricity company offices, telecommunications offices, health service offices).

The analysis of the research data is based on the approach by Spradley and Saville-Troike [Saville-Troike, 2003]. The stages of the data analysis in this study can be described in the following table:

Table 1. General Stages of Research Data Analysis

Sources	Activity	Purposes	Results
Raw Data	Early Classification	Sorting out usable data	The transcription of recorded data
Transcription of initial classification results	Further Classification	Grouping data per research focus	Recording data transcriptions per research focus
Data transcription per research focus	Early analysis	Describing the research findings	Description of the research findings
Description of research findings	The Analysis of Research Findings	Compiling a discussion of research findings	Description of the results and discussions
Description of the discussion of research results	Formulation of the research results synthesis	Compiling the research conclusions	The formulation of the research conclusions

From the table above, it can be seen that the stages of the research data analysis include sources, activity, purposes and results.

3. RESULTS, ANALYSIS AND DISCUSSION

The environment of work is one of the life aspects that have a big influence on the survival of society. Differences in social, educational, and economic backgrounds create diversity in the use of the language by employees in their work places where people get involved in numerous conversations.

Taking into account the similarities between the social backgrounds of the respondents, we distinguish between two groups of the work environment: first, the area of shops and offices; second, the outdoor markets and public transportation services.

In this research, the term “worker” refers to the store employees, drivers at transportation services and market sellers.

3.1. The use of the Gorontalo language in the workplace

It is well-known that educational, social, economic and cultural aspects of a person's background find their reflection in the way the person uses a language. The use of language is influenced by the conditions of the work environment, the situation and interaction between workers in the workplace. In order to maintain good relationships in the workplace, business owners apply language proficiency standards to their employees. This policy can be observed in stores and offices. Some businesses demand that their employees use the Indonesian language with customers, while others do not stipulate the use of any language.

This condition generates three kinds of language use: 1) employees automatically use Indonesian in their interaction with customers; 2) employees use the Malay Manado language combined with the Gorontalo language; 3) in conversations between fellow employees, one of the interlocutors uses the Gorontalo language and the opponent can respond in either the Gorontalo language or the Malay Manado language.

As it has already been mentioned, in this research we single out two kinds of the work environment: stores/offices and the outdoor workplaces (markets and Bentor transportation).

Below are the examples of conversations from the two types of work environment that occurred around Gorontalo City. The *italicized phrases* indicate the Gorontalo Language and the underlined phrases refer to the Malay Manado language, the translation into English is carried out by the authors of the article (Table 2).

Table 2. The Conversation between Store Keepers

	Conversation	Ref.
A	Ey, ada orang di lantai tiga?	Eh, are there any people on third floor
B	<i>Dia'a</i>	No
	<i>Lati teeto boito</i>	Maybe that's a ghost
A	<u>Ampadua</u>	Four and two
C	Wey, lantai tiga, tidak ada orang lantai tiga?	Hei, is there any person on third floor?
A	Mana te Yaya?	Where is Yaya?
B	<u>Bakasekaluar barang di sablah dia.</u>	He is taking out a thing in the other (room)
C	<i>Ey, te Aki ini tidak bolemo tolong?</i>	Hey, don't you want to help Aki?
	<i>Aati tolong kasana dia.</i>	He needs help
A	Hari Minggu?	On Sunday?
C	Iyo.	Yes.
B	<u>Napa barang grosir, baru tidak ada yang moba ini.</u>	This is a wholesale item, then who else to take care of it.
		20.57

The conversation in the table above shows the mixed language use of Gorontalo, Malay Manado and Gorontalo-Manay Manado. However, the interlocutors use the Malay Manado language more often than the Gorontalo Language. Out of the three participants above, interlocutor B uses the Gorontalo Language more frequently as can be seen in data 20.46 to 20.48. While other employees tend to use the Malay Manado language during the conversation. Based on the observed conversations, it can be concluded that the elements of language that stand out in this conversation are forms of personal pronouns because the pronouns of both languages are very easy to find in daily conversations.

Based on the results of the interview it was found that when the store keepers are in their respective family domains they can still interact by using the Gorontalo language, especially when talking to the elderly people (parents). The language used in the family can be different from the language used at work.

The involvement of speakers and customers from various circles of society who mostly use Malay Manado into the process of work urges them to adapt the language they use when they interact with others. Besides, in their interviews, the employees admit that it is the long period of time they work that has developed their language habit. The analysis of the conversation in an office shows similar results.

Table 3. The Conversation between Office Employees

		Conversation	Ref.
A	Mari, Tante Ece.	Please come in.	31.10
	<i>Mopigipa ti Aya?</i>	Do you want to meet the headman?	31.11
B	<i>Saya. Ada dorang?</i>	Yes. Is he in his place?	31.12
A	<u>Ada stau, tadi dapa dengar ada ba telpon.</u>	Yes, I hear he is still on his phone	31.13
	Tunggu wa, <u>molia kamari. Dudu dulu.</u>	Wait a minute, I will check it	31.14
B	<i>Saya</i>	yes	31.15
C	<i>Sapa? TiAya?</i>	Who? The headman?	31.16
A	<i>Iyo</i>	Yes	31.17
C	<u>Barukaluar kasana, depe anak somo melahirkan.</u>	He has just left, his daughter will soon give birth	31.18
B	Oh	Oh	31.19
A	<i>Ah iyo, ti Susi aati</i>	That's right	31.20
B	<i>Pata'o?</i>	So?	31.21
	<u>Bolemo sayakase tinggal kasana ini berkas? Atau nanti besok? Bo ini walingoliobolo ini hari.</u>	Can I leave this file? Or should I deliver it back tomorrow? But it is stated that the time is only for today.	31.22
C	<i>Berkas wolopo'olooli Ta Ece? Ah, olo kartu ye?</i>	What's the file, Ta Ece? Oh for the registration?	31.23
B	<i>Saya</i>	Yes	31.24
A	<u>Bolemose tinggal Ta Monu ye? Kan ti Tante Ece so tidak mobatanda tangan to?</u>	Have I left it here? Or there is another file I need to sign?	31.25
B	<i>Saya, bolo kartu keluarga yang mo antar.</i>	Yes, this is just a family registration.	31.26
	<i>Soba tanda tangan kalamarin.</i>	I signed it yesterday.	31.27
C	<u>Oh kasettinggal jo, de ma teleponuolami mola ti Ta Ece wanuwoluo u duhengalo.</u>	Oh just leave it, we'll call you later if there is any data needed.	31.28

The conversation data from the office environments demonstrate the use of the Malay Manado language mixed with Gorontalo languages. **Table 3** shows that participants A and C tend to use the Malay Manado language more often, while participant B (the person who visits the office) speaks the Gorontalo language.

There is a change in the language used by the office staff (C), they use the Gorontalo language to respond to the visitor. Similar characteristics of the use of the Gorontalo language are also observed in the interactions between sellers and buyers at the traditional markets.

Table 4. The Conversation between Fishmongers and Buyers at the Traditional Market

		Conversation	Ref.
A	Barapa itu, Om?	How much is that?	11.45
	Yang tiga pulima itu?	Thirty five?	11.46
B	Iyo	Yes	11.47
	Boleh <u>mo</u> kupas itu ibu, ye	Can you peel the skin?	11.48
	Basardepe ikan, Ibu	It's a big fish.	11.49
	Potongan	Cut it	11.50
C	Om, <u>depe</u> tambah tadi mana?	Where is the bonus?	11.51
B	<u>Depe</u> tambahan situ mana ye?	What bonus?	11.52
	Ada, Bu	Oh, here it is	11.53
D	Yiii	Ih	11.56
B	Yii <u>kiapangana</u> ?	Ih, what's wrong?	11.57
	Comburu <u>ngana</u> ?	You want bonus too?	11.58
D	<i>Bangganga</i>	Nope	11.59
B	Yiiha	Alah (ah)	11.60
D	<i>Polelema'olinenemu</i>	Tell that grandmother	11.61
B	<i>Tinene yito bo tiyombumu, nunu</i>	Grandma is a parent of your parent, dear	11.62
	<i>Tanu ta toonu li baapumu</i>	I don't know who your grandpa is	11.63
	<i>Ti nene yito mantan li baapumu</i>	That grandma is the ex of your grandpa	11.64
	<i>Ti baapumu lonika to Amurang</i>	Your Grandpa was married in Amurang	11.65
	<i>Lo nika to Jakarta yilalite Ahok</i>	Yes, if they were married in Jakarta, they will be like Ahok	11.66
	<i>Pata'o ma le ulungo</i>	And then they will get into prison	11.67

Table 4 shows that people at the traditional market have a high diversity of backgrounds. Sellers and buyers are not always the original people of Gorontalo. It is easy to find newcomers that mingle up with indigenous people at the traditional market. Generally, the sellers at the traditional markets, when selling their wares, use the Malay Manado language but occasionally they use the Gorontalo language.

Buyers can also be found interacting in the Gorontalo language and other languages. The use of the Gorontalo language tends to appear when buyers make transactions. The seller will respond to the buyer in the same language, as can be seen from **Table 4** above.

The situation when interlocutors use the same language can create a good communication relationship between the two sides. That is why buyers and sellers often use the Gorontalo language to facilitate the achievement of the transaction.

Generally, the Gorontalo language is used by adults when they talk to elderly people, while the younger generation, both sellers and buyers, tend to use the Malay Manado Language more often.

The interaction between a traditional transportation driver and his customers is of the same character. See **Table 5** below.

Table 5. The Conversation between a Driver and a Customer

		Conversation	Ref.
A	<u>Sokamana poli kitape</u> helem ini?	Where is my helmet?	11.45
B	<u>Sopipa ti mama janda Nunu.</u>	Gone	22.31
A	<u>Yih tinggolopumu</u>	Damn. (cursing)	22.32
B	<u>Wolo?</u>	What did you say?	22.33
A	Eh tida <u>mobakusedukita, napa ti oma monae. Co</u> mana uti <u>ambe kamari!</u> Tunggu Oma wa?	I am not joking. I have a passenger to be delivered. Please, bring my helmet back!	22.34
C	Capat sadiki sayang	Quick quick	22.35
D	<u>Sabar Oma, memang dia ini jamo'otame</u>	Be patient Oma, he really can't be expected.	22.36
C	<u>Alihe'o Nune, madi patu lo dulahu</u>	Quick please, the sun is burning.	22.37

	Conversation	Ref.
A	Iya Oma. Wey co ambe kamari uti. Ka'l <u>nga</u> yang jagabapancuritape helen	Okay, Oma. Hey, bring my helmet back. Your brother often stole it.
E	Ey huangangamu, tinggaharapumu wa'u mota'owa delo tiyombumu	Hey, shut up, do you think I'm a thief like your grandfather?!
C	Astagfirullah	Astagfirullah
A	Juga Oma. Usah dengar dorang Oma	Let's go oma. Don't hear them up!
B	Wey ti Oma <u>somokase</u> tinggal <u>ngana</u> ini	Looks like Oma will leave you.

When Bentor passengers use the Gorontalo language (22.37), the drivers can still understand and respond in the Malay Manado Language (22.38). In other words, the younger generation of people who are active in the environment of work can still passively interact in the Gorontalo language. Thus, the use of the Gorontalo language in a highly diverse society can also be seen in the environment of public transportation by Bentor (transportation) drivers.

Basically, store employees, office employees, sales people, and drivers mentioned in this research use the Gorontalo language in the situations of close relationships. According to the workers' opinion, the use of the Gorontalo language is considered as a "barrier" between the purpose of the conversation in the workplace and the aim of the conversation between several parties who belong to the non-working society. It creates an *image* in the society that the conversations of workers at the traditional market and the conversations of public transportation drivers tend to be vulgar. Thus, their speech is commonly considered to be characterized by bad or abusive language. Outdoor workers often use elements of insults which seem normal to them. Such kind of insult words could not be found in the speech of office workers and the store keeper.

The research suggests that the use of the Gorontalo language is limited to certain situations and conditions, which include moments: (1) during the interaction between fellow workers who understand the Gorontalo language and have close relationships with each other in the work place and (2) during the interaction between the worker and the customer or client, if the latter starts the conversation in the Gorontalo language. Outside these two conditions, workers who understand the Gorontalo language show a tendency to ignore it and choose to speak another language. For example, when a customer who interacts with a worker starts the conversation in Malay Manado or Indonesian. The reason for such language choice is because they have to build a good relationship with their customers. The workers' answers regarding the use of the Gorontalo language in the workplace also reflect their language attitudes.

3.2. Speakers' attitudes towards the Gorontalo Language

Language defense cannot be separated from the speakers' attitudes towards their original language. Generally, attitudes to a language are strongly influenced by the social structure of a particular society [Saville-Troike, 2003]. The attitude to a language is not something that is only simply formed; this is a long process. Language attitudes potentially experience various changes because they depend on interrelated causes. The existence of different languages in society is alleged to contribute to the change of speakers' attitudes towards a language. The same concerns the Gorontalo language, which competes with other languages in speakers' lives. The development of positive attitudes towards the Gorontalo language is a challenge that needs to be faced in an effort to preserve the language as a symbol of ethnic identity.

Meanwhile, the speakers who use this language at work are rarely able to determine their attitude to it. However, the in-depth research carried out through interviews and observations shows

that the attitudes shown by the speakers in the workplace can be categorized as positive and negative ones. A positive attitude is characterized by respect and loyalty to the Gorontalo language while a negative attitude is characterized by disrespect and disloyalty. Both kinds of attitudes towards the Gorontalo language can be seen in every age group. A positive attitude shown by adult workers encourages them to use the Gorontalo language in their interactions in the workplace and voluntarily provide direction to other workers who have difficulty using proper Gorontalo. They are aware of the urgency to support the Gorontalo language in society. Adult and elderly speakers claim to use the Gorontalo language in their interactions with everyone.

Some workers of different age groups demonstrate a negative attitude towards the language as it is no longer suitable for use by people in the city. The necessity to interact with society members from various social backgrounds is the reason for leaving the Gorontalo language, which seems to interrupt the assimilation of diverse society. Both attitudes are motivated by various aspects of life that each speaker has. The similarity of background is not an indicator of the similarity of people's attitude to the language.

At every job there are workers from different backgrounds. Shop keepers and office workers may have various levels of education, economic status and social background. The educational background of the workers in social service offices observed in this research includes different levels – from the general secondary school education level to the undergraduate level. As for traditional market sellers and Bentor drivers, the situation is different – they generally have from primary to junior secondary education. A high level of education does not guarantee the positive attitude to the Gorontalo language, and vice versa. The language attitudes that were shown by the workers in the shopping areas, offices, markets and transportation services indicate the complexity of the problem and the necessity to support and preserve the Gorontalo language.

The workers deal with their partners and colleagues, who are not only Gorontalo speakers but may use other languages, to establish good communication. Besides, the rules for using a language, which are applied in the workplace (the use of the standard language in customer service), also become an obstacle for workers to regularly use the Gorontalo language. Regarding this situation, several workers who were interviewed admit that before being the respondents of this study they were completely unaware of the problems of the Gorontalo language. Furthermore, the participants of the research actually got motivated to take part in the effort of further language preservation.

Several informants say they actually realize the shift in the role of the Gorontalo language in their lives; however, they choose to be ignorant. In these conditions, language preservation will require hard effort. Speakers who are ignorant of their language make it difficult for the Gorontalo language to regain its vitality and dignity. Such attitude of the speakers to the language can be observed not only in the workplace, but also in other aspects of their life. Some people believe that the Gorontalo language is not suitable for the current time, especially in urban areas. Another assumption is that Gorontalo is a language that is only used by the elder generation.

On the other hand, the Gorontalo language serves as a symbol of ethnic identity, which is seen as a separate motivation to intensify the use of the Gorontalo language at least in the family environment. Some employees admit that their children have no difficulty understanding the Gorontalo language even though they only have the ability to understand the meaning and are not fluent in using the Gorontalo language. A positive attitude towards the Gorontalo language can be built through teaching it to the younger generation. This is related to the research results of Nuryani [Nuryani, 2019] on the use of the language in family relationships and its impact on a person's language attitudes.

In the end, the attitudes towards the Gorontalo language of the people who actively use it in the workplace as was observed in this study are divided into two categories and include positive and negative ones. Both categories depend on the background of the employees and their treatment of the Gorontalo language as the local pride that should be preserved. To obtain more accurate data regarding the quantity and quality of the attitudes to the Gorontalo language, further quantitative research should be carried out.

3.3. The factors that affect the maintenance of the Gorontalo language in the workplace

Social development and changes that occur in society have an indirect impact on language preservation. Social changes observed in this study concern changes in people's behavior or attitudes towards the Gorontalo language. In multi-ethnic Gorontalo, people use several languages. Apart from the Gorontalo language as the local language, other languages can also be used, namely the Malay-Manado language and the Indonesian Language that are getting increasingly widespread in various spheres of life. The use of languages other than the Gorontalo language by society members can easily be explained: it is due to the aim of facilitating communication with other ethnic groups from outside Gorontalo. The purpose of the communication act can be achieved, however, it will gradually decrease the use of the Gorontalo language and put it into a position of being replaced by other languages.

A different reality was put forward by Aliakbari & Khosravian [Aliakbari & Khosravian, 2014] in their research on the phenomenon of language choice. The widespread use of Persian as the state language in multi-ethnic Iran does not completely obstruct the maintenance of mother tongues of various local ethnicities. For example, the Turkic ethnic society in Iran still maintains the use of the Turkish language in the communication among group members, especially in informal situations [Nouri, 2015].

In other words, the pressure from other languages on the mother tongue can be overcome by the determination of the speakers to maintain the language. If Gorontalo language speakers can overcome external factors that affect the existence of their language, then the survival of the Gorontalo language can definitely be provided. Society leaders who clarify this matter admit that the reason for choosing another language as a means of communication is to show respect to the guests or newcomers who do not understand the Gorontalo language. In fact, in different situations of communication with fellow Gorontalo speakers, other languages may still be used.

Apart from social changes, another external factor that influences language preservation is the influx of global information flows. Through various media, representatives of all levels of society can have an easier access to the information from outside of the world. Such access to information is available not only in the downtown. Nowadays, thanks to the latest technological advances, people in the outskirts of towns can also easily access global information.

The exposure to information in various languages is another factor that affects the use of the language in Gorontalo. This concerns the use of the language by the adult group of Gorontalo speakers, especially by those belonging to the younger generation. Younger generation speakers are a group that is prone to experience language changes which they encounter through the media both through interaction with their social environment and through the use of languages that are used in the mass media. Meanwhile, adult speakers admit that they are trying to adapt their language to the language used by the modern younger generation. As Yuliati points out in her research, young speakers inherit the language of adult speakers within the family and through other environments [Yulianti, 2013]. Judging by the answers of the respondents, it is

the response of the society to external factors that indirectly impacts the conditions of language retention.

Gorontalo language speakers who go to work admit that their lack of knowledge about the necessity to protect this language is also due to their low awareness of the state of the Gorontalo language. This is an important reason for implementing Gorontalo language defense socialization which should penetrate various layers of society. Nowadays, the socialization process is carried out by the Gorontalo language Office. As for the wider society, they have not experienced the effects of the Gorontalo language preservation. However, the local government has begun to intensify the use of the Gorontalo language in different public spaces that are accessible to various groups. Regarding this matter, the participants of this study claim to realize that they now have a desire to use the Gorontalo language more wisely.

Most of the young informants see this wise use of the Gorontalo language by adults as a sufficient example that the younger generation should follow. However, in the workplace interaction, there are many adult speakers who use the Gorontalo language only in certain situations, such as during the interaction with adult partners and when adult workers make jokes with fellow workers.

The problem that arises is that when workers make fun of each other the Gorontalo language they use tends to contain swear words. As Halim Dukei told us in his private interview on the 20th of August, 2018, an abusive joke is a common matter in the conversations between workers (in this case, the Bentor drivers and the traditional market sellers) without any age limit. In order to be preserved the Gorontalo language needs to enjoy a positive attitude from its users.

4. CONCLUSION

Gorontalo is the mother tongue of the Gorontalo people. Nowadays, Gorontalo speakers are mainly adults and elderly people. Based on the explanation above, there are several conclusions.

First, the Gorontalo language is used in various workplaces in the interaction between employees who fluently speak the Gorontalo language and have close relationships with each other and between workers and customers who make conversations in the Gorontalo language. On the other hand, employees with Gorontalo language skills indicate a tendency to ignore this language and choose to use another language. They argue that in this way it is possible to facilitate the interaction in work environments that involve language speakers who have difficulty understanding the Gorontalo language.

Second, the attitudes of Gorontalo language speakers who actively use the language in the workplace can be divided into positive and negative ones. A positive attitude is revealed in the appreciation of the Gorontalo language expressed in its proper use or personal motivation to maintain the language. A negative attitude is shown by disrespecting the position of the Gorontalo language and the tendency to ignore the use of proper Gorontalo.

Third, the factors that influence the preservation of the Gorontalo language can be classified into (a) factors from the outside of the society, which include a change in the composition of a multi-ethnic society and exposure to global information; and (b) factors from within the society, which include a lack of community awareness caused by low understanding of the urgency to maintain the Gorontalo language for the sake of the Gorontalo people.

This research is also aimed to promote further studies of other minority languages that face extinction.

REFERENCES

1. Aliakbari, M., & Khosravian, F. (2014). Linguistic Capital in Iran: Using Official Language or Mother Tongue. *Procedia - Social and Behavioral Sciences*, vol. 98, 190–199. doi:10.1016/j.sbspro.2014.03.406.
2. Batibo, H. (2005). *Language Decline and Death in Africa*. Bristol, Blue Ridge Summit: Multilingual Matters. doi: 10.21832/9781853598104
3. Brown, K. (2010). Teachers as Language-Policy Actors : Contending with the Erasure of Lesser-Used Languages in Schools. *Anthropology & Education Quarterly*, vol. 41, no. 3, 298–314.
4. Crystal, D. (2002). *Language Death* (Canto). Cambridge: Cambridge University Press. doi: 10.1017/CBO9781139871549
5. Fought, C. (2006). *Language and Ethnicity* (Key Topics in Sociolinguistics). Cambridge: Cambridge University Press. doi: 10.1017/CBO9780511791215
6. Harimansyah, G., Rivai, O. S., Setiawan, D., Solihah, A., Aritonang, B., Susamto, D. A., & Cesarai, D. L. (2017). *Pedoman Konservasi Dan Revitalisasi Bahasa*. Jakarta: Badan Pengembangan dan Pembinaan Bahasa (in Indonesian).
7. Holmes, J. (2008). *An Introduction to Sociolinguistics*. Harlow, England: Pearson Longman.
8. Jagodic, D. (2011). Between Language Maintenance and Language Shift: The Slovenian Community in Italy Today and Tomorrow. *Esuka-Jeful*, Vol. 2 (No. 1), 195–213.
9. Nouri, N. (2015). Thats Turki Azerbaijan the Dead Language? *Theory and Practising in Language Study*, Vol. 5(No. 7), 1476–1481.
10. Nuryani. (2019). The language Attitude of Urban Teenagers Towards Indonesian in The Millennial Era. *Kandai*, Vol. 15(No. 1), 1–12. <https://doi.org/10.26499/jk.v15i1.1266>
11. Odango, E. L. (2015). Austronesian Youth Perspectives on Language Reclamation and Maintenance. *The Contemporary Pacific*, Vol. 27(No. 1), 74–108.
12. Pateda, M. (2001). *Sosiolinguistik* (Pertama). Viladan.
13. Pauwels, A. (2016). *Language Maintenance and Shift*. Cambridge University Press.
14. Pérez, G. (2012). The Unexpected Role of Schooling and Bilingualism in Language Maintenance within the San Lucas Quiaviní Zapotec Community in Los Angeles. *Anthropological Linguistics Trustees of Indiana University*, Vol. 54(No. 4), 350–370.
15. Ribes, Y., & Llanes, À. (2015). First Language Attrition : The Effects of Acculturation to The Host Culture. *Procedia - Social and Behavioral Sciences*, Vol. 173, 181–185.
16. Riley, K. C. (2007). To Tangle or Not to Tangle: Shifting Language Ideologies and the Socialization of Charabia in the Marquesas, French Polynesia. In M. Makihara & B. B. Schieffelin (Eds.), *Consequences of Contact: Language Ideologies and Sociocultural Transformations in Pacific Societies* (pp. 70–95). Oxford University Press.
17. Saville-Troike, M. (2003). *The Ethnography of Communication: an Introduction* (third). Blackwell Publishing Ltd.
18. Stoltz, T., Bakker, D. & Palomo, R. (2008). Aspects of Language Contact. Berlin, New York: De Gruyter Mouton. doi: 10.1515/9783110206043
19. Thomason, S. G. (2001). *Language Contact*. Edinburgh University Press..
20. Vassberg, L. M. (1993). *Alsatian Acts of Identity: Language Use and Language Attitudes in Alsace*. Multilingual Matters Ltd.
21. Yulianti, W. (2013). Javanese Language Retention in Solo and Yogyakarta. *Kandai*, Vol. 9(No. 1), 49–58.

About the authors:

Ulfa Zakaria is researcher at Jakarta State University (Indonesia)

Ninuk Lustyantie is lecturer at Jakarta State University (Indonesia)

Prof. Dr., Emzir, M.PD is lecturer in the Department of the Arabic language at Jakarta State University (Indonesia)

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-3-52-64>

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ИНТЕНЦИЙ ПОРИЦАНИЯ И ПОХВАЛЫ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В.М. Глушак

v.glushak@my.mgimo.ru

Ю.Э. Мюллер

j.mueller@my.mgimo.ru

*Московский государственный институт международных отношений (Университет)
МИД России (Москва, Россия)*

М. Ковач

marina.zarudko@uni-due.de

Университет Дуйсбург-Эссен (Дуйсбург, Эссен, Германия)

Аннотация: Настоящая статья посвящена рассмотрению особенностей немецкоязычного педагогического дискурса, в частности устной речи учителя. Педагогический дискурс как вид институционального дискурса характеризуется ярко выраженным культурным компонентом, связанным с различиями образовательных систем, традиций и современных практик коммуникативного взаимодействия между педагогами и обучающимися. Целью исследования является анализ оценивающих и содействующих стратегий педагога, реализующихся в речевых актах порицания и похвалы. Материалом исследования служат речевые средства на немецком языке, рекомендуемые учителям для использования на занятиях в немецких школах. Для тематической дифференциации объектов похвалы и порицания учащихся был применен метод контекстуального анализа, затем с помощью процедуры выявления интенций учителя были разграничены речевые акты похвалы и порицания. Анализ грамматико-синтаксического построения высказываний позволил определить языковые средства реализации похвалы и порицания в немецкоязычном учительском дискурсе, а также выявить корпус языковых средств, основной функцией которых является увеличение или уменьшение смысловой и эмоциональной значимости компонентов высказывания.

Ключевые слова: немецкоязычный педагогический дискурс, оценивающие стратегии учителя, речевые акты, интенции порицания и похвалы.

Для цитирования: Глушак В.М., Мюллер Ю.Э., Ковач М. (2021). Вербализация интенций порицания и похвалы в немецкоязычном педагогическом дискурсе. *Дискурс профессиональной коммуникации*. 3(3), С. 52–64. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-3-52-64>

1. ВВЕДЕНИЕ

Особенности педагогического дискурса неоднократно становились объектом исследования в работах отечественных и зарубежных лингвистов. Исследуя характеристики образовательного дискурса в средней школе США, С. С. Беркнер и Б. В. Пеньков выделяют его разновидности: школьно-административный, учительский и ученический, – и отмечают, что образовательный дискурс включает такие разностилевые элементы, как разговорная речь, общелитературный язык, профессиональный язык педагогов и официально-бюрократический стиль школьной администрации [Беркнер, Пеньков, 2003, с. 40]. Б. В. Пеньков отмечает, что учительский дискурс характеризуется большей дифференциацией, в связи с многообразием ситуаций и целей речевой деятельности учителя. Исследователь проводит различие между устной формой речи (урок, консультация, беседа) и произносимой письменной речью (лекция, доклад) [Пеньков, 2009, с. 64]. Отмечается, что важной составляющей учительского дискурса являются стратегии поведения учителя во время урока, направленные, например, на поддержание дисциплины, а также на выражение позитивного отношения к ученикам и похвалы. Устная речь учителя характеризуется наличием разговорной лексики с вкраплениями фамильярной [Пеньков, 2010, с. 18].

Несмотря на выделение различных подвидов, исследователи едины во мнении относительно того, что педагогический дискурс имеет институциональную природу. В рамках данного дискурса педагоги как представители общественного института призваны обучать и воспитывать подрастающее поколение [Карасик, 2002]. Отмечая важную роль личностного компонента в педагогическом дискурсе, В. И. Карасик указывает на лингвокультурные различия данного компонента в образовательных системах разных стран на примере США и России. Автор также анализирует коммуникативное взаимодействие в рамках педагогического дискурса и выделяет объясняющую, оценивающую, контролирующую, содействующую и организующую стратегии [Ibid., с. 213], не вдаваясь, однако, в детали их языковой реализации.

В соответствии с целями настоящего исследования остановимся подробнее на оценивающей стратегии педагога, которая включает в себя речевые акты похвалы и порицания. При этом мы опираемся на положение о том, что в педагогическом дискурсе необходимо нивелировать языковую асимметрию положительной и отрицательной оценки, заключающуюся в том, что в естественном языке преобладают слова с отрицательным оценочным значением [Скворцова, 2014, с. 342]. В целях обеспечения эффективности коммуникации учителя и ученика необходимо разграничивать оценивание выполнения учебных задач и оценку личности обучаемого, чтобы не задеть его чувство собственного достоинства. По этой причине в учебных заведениях США и Великобритании не практикуется публичное порицание. В. И. Карасик связывает процесс критического обсуждения результатов работы обучаемых с оценочными стереотипами, характеризующимися стандартным набором признаков, например, определенный алгоритм и оформление решения задачи. Кроме того, оценочные стереотипы могут затрагивать и систему ценностей адресата, таких как умение подчиняться общим правилам и контролировать свое поведение. Разграничивая оценивающую и содействующую стратегии, автор отмечает, что последняя исходит из постулата безусловного положительного отношения к адресату с целью формирования оптимальных условий для

развития личности [Карасик, 2002, с. 213].

Стратегический аспект взаимодействия педагога и учеников неоднократно рассматривался в лингвопрагматических исследованиях. Так, например, М. Ю. Олешков, рассматривая лингвопрагматические аспекты дидактической коммуникации, классифицирует стратегии педагогического дискурса в соответствии с их целями и выделяет информационно-аргументирующую, манипулятивно-консолидирующую, экспрессивно-апеллятивную и контрольно-оценочную стратегии. Экспрессивно-манипулятивная стратегия включает в себя такие тактики, как формирование эмоционального настроя (комплимент) и дискредитация (оскорбление, насмешка, осуждение), в то время как оценочная стратегия объединяет тактики оценки усвоения материала, поведения и отношения к учебе и эмотивной оценки – похвалы или порицания [Олешков, 2006].

В исследованиях по проблемам педагогического дискурса отмечаются различия в вербальном поведении преподавателей из различных лингвокультурных общностей. Так, Е. В. Ковалева и О. А. Рыжкина исследуют речь англоязычных и русскоязычных преподавателей английского языка в русскоязычной аудитории и констатируют значительные расхождения в коммуникативном поведении данных групп преподавателей. В частности, чтобы похвалить и ободрить студентов, англоязычные преподаватели используют экспрессивные лексические единицы и речевые формулы, характеризующие хорошо выполненное задание. Русскоязычные преподаватели чаще прибегают к положительной характеристике самого студента, хорошо справившегося с заданием. Делая критические замечания, англоязычные преподаватели предпочитают более мягкие и обтекаемые формы высказываний, в то время как русскоязычные преподаватели высказывают критику более прямо и категорично. В целом, для англоязычных преподавателей характерен более индивидуальный и партнерский подход к студентам, что проявляется, в частности, в применении тактик похвалы и порицания, не задевающих чувство собственного достоинства обучаемых [Ковалева, Рыжкина, 2009].

К похожим выводам приходит Л. М. Осиновская [Осиновская 2012], проанализировавшая особенности педагогического дискурса в русской и американской лингвокультурах. Автор отмечает традиционность официальных отношений между российскими учителями и учениками и противопоставляет этому сочетание вежливости общения и коммуникативного демократизма, свойственных американскому педагогическому дискурсу. Следует отметить, что личность обучающего и способы взаимодействия с обучающимися зачастую является определяющим фактором мотивации в учебе [Ibid., с. 157]. В связи с этим стоит обратить внимание на исследование Минны Майяла, которая в результате опросов финских студентов, изучающих немецкий язык в качестве второго иностранного языка, приходит к выводу, что одним из главных мотивирующих или демотивирующих факторов является личность преподавателя и его коммуникативное поведение [Maijala, 2012].

Одним из важных аспектов коммуникативного взаимодействия в рамках педагогического дискурса, выявленным в исследованиях педагогического дискурса, является категоричность/некатегоричность речевого поведения преподавателя [Becker-Mrotzek, 1993; Spiegel, 2006]. В частности, Ф. Фанг и Р. Фрейденберг-Финдайзен, описывая типы ошибок китайских студентов, изучающих немецкий язык, предостерегают преподавателей от категоричных формулировок при оценке результатов работы студентов и исправлении ошибок, так как это снижает мотивацию студентов и подрывает их веру в собственные силы [Fang, Freudenberg-Findeisen, 2019].

Таким образом, в научной литературе по вопросам педагогического дискурса подробно

разработаны теоретические основания этого вида дискурса, выделены и проанализированы коммуникативные стратегии, отдельные тактики и виды речевых актов учителей. Исследователи отмечают важную роль личностного и эмоционального компонента коммуникативного поведения педагога и выявляют его характерные признаки в различных культурах, анализируют особенности национальных педагогических дискурсов в сопоставительном аспекте.

Цель настоящего исследования состоит в рассмотрении оценивающих и содействующих стратегий учителя, реализуемых в речевых актах похвалы и порицания в рамках немецкоязычного педагогического дискурса.

2. МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом исследования послужил сборник коммуникативных ситуаций речевого взаимодействия учителя и учеников „Unterrichtssprache Deutsch“ [Butzkamm, 2011], в котором содержатся речевые средства и клише учителя на немецком языке, рекомендуемые для использования на занятиях в немецких школах. Для лингвистического анализа было отобрано около 250 примеров, которые отвечают интенциям учителя, направленным на похвалу или порицание учащихся.

На основе метода контекстуального анализа отобранных речевых образцов была осуществлена тематическая дифференциация объектов похвалы и порицания учащихся, а с помощью процедуры выявления интенций учителя были разграничены речевые акты похвалы и порицания. Анализ грамматико-синтаксического построения речевых актов позволил определить типичные языковые средства реализации похвалы и порицания в немецкоязычном учительском дискурсе.

Для определения степени воздействующего потенциала похвалы или порицания, выражаемых учителем в адреса ученика, применялся метод компонентно-смыслового анализа лексем с семантикой градации действий и признаков.

3. РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ

3.1. Вербализация интенций порицания учащихся

Анализ коммуникативных ситуаций речевого взаимодействия учителя и учеников в немецких школах показал, что порицание учителем представляет собой важный аспект воспитательного процесса и может быть направлен на различные виды деятельности учеников. Прежде всего, порицание является реакцией на неудовлетворительные результаты и качество ответов или игнорирование учениками процесса учебной деятельности, а также на отклоняющееся от общепринятых стандартов поведение обучающихся на уроках.

Приводя отрицательный отзыв на устный ответ ученика, учитель может указать на низкое качество ответа, при этом учитель старается избегать абсолютной категоричности своих высказываний. Исправления ошибок должны мотивировать учащихся и давать им правильную модель [Westdörg, 2010, p. 4]. С этой целью используются средства эпистемической модальности – частицы *doch noch, schon mal, nicht so, ein paar*. Целям снижения категоричности могут служить также сравнительные конструкции *nicht so gut wie das letzte Mal* и литота, сконструированная на базе отрицания противоположного, употребляемая для смягчения обозначаемого качества или свойства *nicht so besonders / nicht so toll* (вместо *schlecht*),

например:

*Das habt ihr schon mal besser gemacht.
Das ist nicht so gut wie das letzte Mal.
Das war nicht so besonders / nicht so toll.
Das muss doch noch besser gehen.
Da sind noch ein paar Schwierigkeiten / Probleme mit ...*

Смягчая категоричность своего порицания, учитель также может подбодрить учеников, высказывая надежду на то, что ответ будет лучше, и использует для этого модальные глаголы и временные формы со значением будущего:

*Der nächste Versuch wird hoffentlich besser.
Ihr sollt nicht raten, sondern genau überlegen.*

Воздействующий потенциал порицаний учителя связан с категорией градации – увеличением или уменьшением смысловой и эмоциональной значимости компонентов высказывания. Так, например, при оценивании работ учащихся учитель указывает на отдельные ошибки и степень их серьезности, производя градацию ошибок с помощью синонимов к слову *Fehler* (*Versehen, Schnitzer*), прилагательных в роли определения (*leicht, klein, schwer, grob* и т.д.) и глаголов в переносном значении (*stecken, wimmeln*):

*Das ist ein Versehen / ein Schnitzer.
Das ist ein leichter / kleiner / mittelschwerer / schwerer / grober / schlimmer Fehler.
Die Arbeit ist fehlerhaft / voller Fehler / steckt voller Fehler / wimmelt von Fehlern.*

Учитель прибегает к выражению высокой степени категоричности лишь в случае стабильно плохих результатов и неудовлетворенности качеством работы учащегося, используя для реализации интенции порицания модальные слова и выражения с усиливательной семантикой *sehr, völlig, einfach nicht, gar nicht, nicht ausreichend*, лексемы со значением разочарования (*lässt zu wünschen übrig, enttäuscht, nicht zufrieden, unakzeptabel*):

*Ich bin von deiner Arbeit ziemlich enttäuscht.
Deine Leistungen lassen sehr zu wünschen übrig.
Unter dem Strich sind deine Leistungen einfach nicht ausreichend.
Das ist einfach unakzeptabel.
Ich bin mit deiner Leistung gar nicht zufrieden.
Das ist völlig daneben.*

Для выражения полного недовольства результатами учебной деятельности учитель может нарушить максимы вежливости и требования институциональной коммуникации, прибегнув к разговорным фразеологизмам (*keinen blassen Schimmer haben; unter aller Kanone*) и даже инвективам (*Blödsinn*):

*Du hast keinen blassen Schimmer.
Deine Arbeit war unter aller Kanone.
Das ist totaler Blödsinn.*

Нарушение принципов вежливости, сформулированных Р. Лакоффом, имеет место в случае, когда учитель обращает внимание учеников на то, что низкое качество ответов может быть вызвано ленью, небрежностью, невнимательностью или отсутствием концентрации. В частности, такие высказывания идут вразрез с правилом прагматической компетенции «Обращайся так, чтобы собеседник чувствовал себя с Вами комфортно – будьте дружелюбными!» [Lackoff, 1973, р. 303]. В следующих высказываниях учитель указывает на отсутствие прилежания, используя отрицание как способ выражения недостаточности (*nicht sehr viel, nicht besonders*), а также наречия, местоимения и частицы для смягчения или,

наоборот, усиления категоричности (*etwas, wirklich zu*):

Da hast du dir nicht sehr viel Mühe gegeben.

Du hast dich nicht besonders angestrengt.

Du tust wirklich zu wenig in der letzten Zeit.

Du bist in der letzten Zeit etwas faul gewesen.

Высказывая пожелание быть более прилежными, учитель часто использует различные речевые средства, общей особенностью которых является использование сравнительной степени наречия *viel (mehr)* и прилагательных *gut (besser)* и *eifrig (eifriger)*, например:

Du musst ein bisschen mehr üben.

Du musst dich mehr anstrengen.

Du musst dir wirklich mehr Mühe geben.

Du solltest dich wirklich mehr zusammenreißen, wenn du deine gute Note behalten willst.

Du musst die Vokabeln besser lernen.

Du könntest schon etwas eifriger bei der Sache sein.

Если учитель не использует каких-либо средств эпистемической модальности, то его высказывание отличается высокой степенью категоричности, как в следующих примерах, в которых учитель, говоря о небрежности учащихся, не использует средства смягчения для лексем с семантикой ущербности действий (*nachlässig, schluderig, nicht sorgfältig, schludern*). Более того, он использует модальные слова (*zu, sehr*) для подчеркивания своего недовольства действиями учеников:

Du nimmst das zu leicht.

Du hast sehr nachlässig / nicht besonders sorgfältig / (ugs.) schluderig gearbeitet.

Wenn du weiter so schluderst, bin ich gespannt, ob es mit deiner Versetzung klappt.

При указании на отсутствие концентрации учитель сравнивает невнимательность ученика с мечтаниями (*Gedanken... nicht bei der Arbeit*) или даже сном (*aufwachen!*), или, наоборот, называет ученика непоседой, используя прецедентный феномен *Zappelphilipp*, представляющий собой непоседливого и вертлявого персонажа известной детской книги:

Du musst besser aufpassen.

Du träumst Tom, aufwachen!

Ihr seid mit euren Gedanken nicht bei der Arbeit.

Du bist ein richtiger Zappelphilipp!

Важным аспектом на каждом уроке является требование поддерживать дисциплину – не опаздывать, не разговаривать громко, не мешать другим ученикам, не перебивать друг друга и т.п. Делая замечания по поводу дисциплины, учитель в некоторых случаях использует инфинитив в роли императива. При отсутствии эпистемических средств такие высказывания характеризуются высокой степенью категоричности и выражают крайнее недовольство и раздраженность говорящего:

Nicht abschreiben!

Nicht reden!

Nicht vorsagen!

Nicht durcheinander reden!

Использование повелительной конструкции в форме повествовательного предложения с модальным глаголом *sollen* также является выражением категоричного требования следовать установленным правилам:

Ihr sollt nicht alle auf einmal reden.

Ihr sollt die anderen aussprechen lassen.

Ihr sollt den anderen nicht ins Wort fallen.

Разговорные, эмоционально окрашенные слова (*herumalbern*, *herumkaspern*, *herumkramen*), а также слова с уничижительным для адресата смыслом однозначно говорят в пользу того, что учитель находится в состоянии высокой степени раздражения:

Hört endlich auf, herumzualbern / herumzukaspern.

Seid doch nicht so albern.

Hör endlich auf, in deiner Tasche herumzukramen.

В то же время косвенные речевые акты несколько снижают категоричность высказывания. Говоря ученику «Я не глухой» или «Ты мешаешь другим», учитель призывает его не выкрикивать свои ответы и намекает на то, что он может помешать другим и, соответственно, должен вести себя более дисциплинированно:

Ihr braucht die Antworten nicht zu rufen, ich bin nicht schwerhörig.

Du störst die anderen.

Несомненно, шум является одним из самых раздражающих факторов на уроке, поэтому речевые средства для призыва учащихся к соблюдению тишины весьма разнообразны. Учитель может констатировать, что в классе царит шум, мешающий нормальной работе, при этом используются лексемы *Lärm*, *Krach*, *laut*:

Was ist denn das für ein Lärm?

Müsset ihr solchen Krach machen?

Macht nicht so viel Lärm / Krach.

Ihr seid so laut, man versteht sein eigenes Wort nicht mehr!

Учитель требует соблюдения тишины на уроке, используя лексемы *Ruhe*, *Aufmerksamkeit*, *leise* и наречия, местоимения и прилагательные, обозначающие степень тишины *ein bisschen*, *etwas mehr*; *absolut*:

Etwas mehr Ruhe, damit wir anfangen können.

Darf ich um etwas Ruhe bitten?

Ich warte darauf, dass hier endlich Ruhe ist!

Wir fangen nicht eher an, als bis ihr ruhig seid.

Absolute Ruhe bitte, damit wir weiterarbeiten können!

Darf ich um Aufmerksamkeit bitten?

Geht das ein bisschen leiser? Da fallen einem ja die Ohren ab!

Косвенные речевые акты позволяют разнообразить способы выражения призывов к тишине и в сочетании с иронией и парадоксальностью высказывания (*С вашего разрешения; для разнообразия послушайте меня*) усилить их воздействие:

Darf ich – mit eurer Erlaubnis – anfangen?

Könntet ihr zur Abwechslung auch einmal mir zuhören? Danke für eure Aufmerksamkeit!

Частым нарушением дисциплины, вызывающим нарекания, являются также опоздания. Наряду с нейтрально окрашенным указанием на частые опоздания ученика с применением сочетания смягчающего модального слова *mal* и наречия *wieder*, учитель может выразить высокую степень недовольства, используя, например, разговорные лексемы (*trödeln*) или обвиняя опоздавшего в обмане или лжи относительно истинной причины опоздания:

Du bist mal wieder zu spät.

Ihr kommt aus der Turnhalle? Erzählt mir keine Geschichten, ihr habt getrödelt.

3.2. Вербализация интенций похвалы учащихся

Важным аспектом коммуникативного взаимодействия учителя и учеников в немецкоязычных школах является также похвала со стороны учителя. Так же, как и порицание, похвала может быть направлена на отдельные формы деятельности и поведение учеников. Как правило, похвала направлена на качество устных ответов или результаты письменных работ, затрагивая такие аспекты, как креативность идей, точность формулировок или удачную аргументацию. Похвала может относиться также к прилежанию обучающихся и их социальным компетенциям.

Характеризуя неполный ответ или ответ, содержащий ошибки, учитель в некоторых случаях предпочитает лишь косвенно указать на несовершенства, подчеркивая прогресс учащегося. При этом используются такие языковые средства, как наречия со значением градации *fast, ein wenig, viel, wesentlich* в сочетании с прилагательными и фразеологизмами, представляющими собой концептуальные метафоры направления, например *auf dem richtigen Weg*:

Diesmal war es fast richtig.

Das war schon ein wenig / viel / wesentlich besser.

Du bist auf dem richtigen Weg.

В случае совершенно правильного ответа учитель использует различные градации прилагательного *richtig (ganz, vollkommen)*, прибегает к словосложению с компонентом *gold-*, придающим номинации концептуально-метафорическое значение «отличный», «превосходный», а также использует контекстуальные синонимы, например:

Richtig. So ist es ganz richtig / vollkommen richtig. Da liegst du goldrichtig.

Genau. Stimmt (vollkommen).

Для оценки качества ответа или письменной работы учитель может применять прилагательные со значением «отличный», «исключительный», а также градуатор *mit Abstand* и существительное *Spitze* в переносном значении «превосходно»:

Wunderbar! Ausgezeichnet! Einwandfrei!

Das ist eine hervorragende Antwort / mit Abstand die beste Antwort.

Das ist eine gelungene / großartige / vorzügliche / ausgezeichnete Arbeit.

Das ist Spitze!

Учитель может похвалить не только ответ или письменную работу, но и самого ученика и отметить его прогресс в изучении предмета, улучшение результатов, используя прилагательные различной градации *gute, enorme, erstaunliche*, наречие с функцией усиления *rundherum*, прилагательное *dick* в переносном значении и эмоционально окрашенные прилагательные *erstaunliche, erfreuliche*, существительные *Anerkennung, Glückwunsch*, фразеологизм *Spaß machen*, выражющие радость, удовлетворение и восхищение преподавателя успехами ученика, например:

Du machst gute / enorme / erstaunliche / erfreuliche Fortschritte. Weiter so!

Ein dickes Lob für dich.

Meine Anerkennung! Mein Glückwunsch!

Ich bin mit deinen Leistungen rundherum zufrieden.

Es macht Spaß, wenn man eine so gute Arbeit in die Hand bekommt.

Для похвалы ответа ученика учитель может использовать косвенные речевые акты, выражающие не только правильность, но и предельную точность ответов, что может свиде-

тельствовать о хорошей и целенаправленной подготовке ученика к уроку, например:

Das ist genau das, was ich hören wollte.

Besser hätte ich es auch nicht sagen können!

Учитель может не только выразить общую похвалу успехов ученика, но и выделить отдельные аспекты его ответа, такие, как отсутствие ошибок, креативность и оригинальность идей, точность формулировок и убедительность аргументации. Так, в анализируемом корпусе для похвалы письменной работы или устного ответа, не содержащих ошибок, выявлены прилагательные с семантикой безошибочности, безупречности, такие как *fehlerfrei*, *einwandfrei*, а также усиливательные элементы, как, например, прилагательное *einzig*:

Die Arbeit ist fehlerfrei / einwandfrei.

Du hast keinen einzigen Fehler gemacht.

Прилагательные *interessant*, *bemerkenswert*, *vortrefflich*, *treffend*, *eigen* характеризуют идеи ученика как оригинальные и заслуживающие внимания, как в следующих примерах:

Deine Beispiele sind interessant / treffend gewählt.

Das ist eine bemerkenswerte / vortreffliche Idee.

Erfreulich war, / dass sie auch eigene Vorschläge einbrachte.

Похвала, направленная на стройность и ясность формулировок, выражается соответствующими прилагательными *sehr schön und klar*, а также с помощью фразеологизмов *auf den Punkt bringen* и *den Nagel auf den Kopf treffen*:

Sie haben das sehr schön und klar formuliert.

Sie haben die Sache auf den Punkt gebracht.

Das trifft den Nagel auf den Kopf.

Для характеристики аргументации учащихся как разумной и убедительной в анализируемом корпусе учитель нередко прибегает к причастию *überzeugend* и прилагательным *klug* и *vernünftig*, усиливая их значение наречием *sehr*:

Das klingt überzeugend.

Ich finde, du hast da sehr klug argumentiert.

Was du sagst, hört sich sehr vernünftig an.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ речевого поведения учителей немецких школ на занятиях показал, что для реализации интенций порицания и похвалы учащихся используется обширный корпус языковых средств, основной функцией которых является градуирование, т.е. увеличение или уменьшение смысловой и эмоциональной значимости компонентов высказывания. Для реализации обозначенной функции используются не только наречия степени действия, но и другие номинации – существительные, прилагательные и причастия, которые выступают как концептуальные метафоры ВЫШЕ – НИЖЕ, ДАЛЬШЕ – БЛИЖЕ, БОЛЬШЕ – МЕНЬШЕ, ПОЛНО – ПУСТО и другие. Целенаправленное использование учителем номинаций отсылает учащихся к концептуальным метафорам в виде обозначенных оппозиций и заставляет их ассоциировать свои неудачи и успехи с одним из полюсов оппозиции. В случае с порицанием работы учеников учитель старается так организовать свое речевое поведение, чтобы создать контраст между оценкой учебной деятельности учащихся и имеющимися представлениями об успешной учебе. При этом учитель выражает свою эмоциональную подавленность,

связанную с недостаточными успехами учеников. Высказывая похвалу, учитель так подбирает языковые средства, чтобы с их помощью указать на соответствие ответов и поведения учеников принятым нормам и продемонстрировать свое эмоциональное удовлетворение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беркнер С.С., Пеньков Б.В. Лексико-семантическая специфика субъзыка школы (на материале языка американской школы) // Филологические науки в МГИМО. Вып. 14. М.: МГИМО (У), 2003. С. 40-50.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
3. Ковалева Е.В., Рыжкина О.А. Обучение иностранным языкам через призму межкультурного профессионального общения // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. Том 7, выпуск 1. С. 78-83
4. Олешков М.Ю. Моделирование коммуникативного процесса. Нижний Тагил: Нижнетагильская гос. социально-пед. акад. 2006.
5. Осиновская Л.М. Особенности педагогического дискурса в русской и американской лингвокультурах // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 1. С. 154-163.
6. Пеньков Б.В. Дифференциация институционального дискурса: образовательный дискурс // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. 2009. № 4. С. 63-68.
7. Пеньков Б.В. Признаки институционального дискурса: образовательный дискурс // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. 2010. № 3. С. 15-22.
8. Скворцова Е.В. Несимметричность положительных и отрицательных языковых оценок в языке и при его функционировании в речи // Известия Тульского государственного университета. 2014. № 1. С. 342-347.
9. Becker-Mrotzek M. Kommunikation und Sprache in Institutionen. Ein Forschungsbericht zur Analyse institutioneller Kommunikation. Teil IV: Arbeiten zur schulischen Kommunikation // Deutsche Sprache. 1993. № 3. S. 264-282.
10. Butzkamm W. Unterrichtssprache Deutsch. Wörter und Wendungen für Lehrer und Schüler. Ismaning: Hueber Verlag. 2011.
11. Fang F., Freundenberg-Findeisen R. Wie verarbeiten Lernende Dozentenfeedback und welches Feedback ist für Lernende effektiv? Eine empirische Untersuchung zum Feedback-Verarbeitungsprozess und zu Feedback-Effekten // Info DaF. 2019. № 46 (2). S. 256-286.
12. Lackoff R. The logic of politeness, or, minding your p's and q's // Papers from the 9th Regional Meeting of the Chicago Linguistics Society (CLS 9): April 13-15. Chicago: Chicago Linguistic Society. 1973. 292-305.
13. Maijala M. Kernkompetenzen der Lehrerpersönlichkeit im Unterricht Deutsch als Fremdsprache zwischen Anspruch und Wirklichkeit // Info Daf. 2012. № 4. S. 479-498.
14. Spiegel C. Unterricht als Interaktion. Gesprächsanalytische Studien zum kommunikativen Spannungsfeld zwischen Lehrern, Schülern und Institution. Radolfzell: Verlag für Gesprächsforschung. 2006.
15. Westdörp A. Möglichkeiten des gezielten Einsatzes der Lehrersprache in kontextoptimierten

Lernsituationen zum sprachfördernden Unterricht // Sprachheilarbeit. 2010. № 1. S. 2-8.

REFERENCES

1. Berkner, S.S., Pen'kov, B.V. (2003). Leksiko-semanticeskaya specifika sub"yazyka shkoly (na materiale yazyka amerikanskoy shkoly) [Lexical and semantic specificity of the sublanguage of a school (using the language of an American school)]. *Filologicheskie nauki v MGIMO*, 14, 40-50 (in Russian).
2. Karasik, V.I. (2002). *Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs* [The linguistic circle: identity, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena (in Russian).
3. Kovaleva, E.V., Ryzhkina, O.A. (2009) Obuchenie inostrannym yazykam cherez prizmu mezhkul'turnogo professional'nogo obshcheniya [Foreign language teaching through the prism of intercultural professional communication]. *Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhekul'turnaya kommunikaciya*, 7 (1), 78-83 (in Russian).
4. Oleshkov, M.Yu. (2006). *Modelirovanie kommunikativnogo processa* [Modelling the communication process]. Nizhnij Tagil: Nizhnetagil'skaya gosudarstvennaya social'no-pedagogocheskaya academia (in Russian).
5. Osinovskaya, L.M. (2012) Osobennosti pedagogicheskogo diskursa v russkoj i amerikanskoy lingvokul'turah [Peculiarities of pedagogical discourse in Russian and American linguistic cultures]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19. Lingvistika i mezhekul'turnaya kommunikaciya*, 1, 154-163 (in Russian).
6. Pen'kov, B.V. (2009). Differenciaciya institucional'nogo diskursa: obrazovatel'nyj diskurs [Differentiating institutional discourse: educational discourse]. *Vestnik RUDN. Seriya Lingvistika*. 4, 63-68 (in Russian).
7. Pen'kov, B.V. (2010) Priznaki institucional'nogo diskursa: obrazovatel'nyj diskurs [Features of institutional discourse: educational discourse]. *Vestnik RUDN. Seriya Lingvistika*, 3, 15-22 (in Russian).
8. Skvortsova, E.V. (2014). Nesimmetrichnost' polozhitel'nyh i otricatel'nyh yazykovyh otsenok v yazyke i pri ego funkcionirovaniyu v rechi [The asymmetry of positive and negative linguistic evaluations in language and when it functions in speech]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 1, 342-347 (in Russian).
9. Becker-Mrotzek, M. (1993). Kommunikation und Sprache in Institutionen. Ein Forschungsbericht zur Analyse institutioneller Kommunikation. Teil IV: Arbeiten zur schulischen Kommunikation [Communication and Language in Institutions. A research report on the analysis of institutional communication. Part IV: Work on school communication]. *Deutsche Sprache*, 3, 264-282 (in German).
10. Butzkamm, W. (2011). *Unterrichtssprache Deutsch. Wörter und Wendungen für Lehrer und Schüler* [German as a Language of Instruction. Words and phrases for teachers and students]. Ismaning: Hueber Verlag (in German).
11. Fang, F., & Freundenberg-Findeisen, R. (2019). Wie verarbeiten Lernende Dozentenfeedback und welches Feedback ist für Lernende effektiv? Eine empirische Untersuchung zum Feedback-Verarbeitungsprozess und zu Feedback-Effekten [How do learners process instructor feedback and what feedback is effective for learners? An empirical study on feedback processing and feedback effects]. *Info DaF*, 46 (2), 256-286 (in German).
12. Lackoff, R. (1973). The logic of politeness, or, minding your p's and q's. *Papers from the 9th Regional Meeting of the Chicago Linguistics Society (CLS 9)*: April 13-15 (pp. 292-305). Chicago:

- Chicago Linguistic Society.
13. Maijala, M. (2012). Kernkompetenzen der Lehrpersönlichkeit im Unterricht Deutsch als Fremdsprache zwischen Anspruch und Wirklichkeit [Core competences of the teaching personality in teaching German as a foreign language between aspiration and reality]. *Info Daf*, 4, 479-498 (in German).
  14. Spiegel, C. (2006). *Unterricht als Interaktion. Gesprächsanalytische Studien zum kommunikativen Spannungsfeld zwischen Lehrern, Schülern und Institution* [Teaching as interaction. Conversation-analytical studies on the communicative tension between teachers, pupils and institution]. Radolfzell: Verlag für Gesprächsforschung (in German).
  15. Westdörp, A. (2010). Möglichkeiten des gezielten Einsatzes der Lehrersprache in kontextoptimierten Lernsituationen zum sprachfördernden Unterricht [Possibilities of the targeted use of teacher language in context-optimised learning situations for language-promoting teaching]. *Sprachheilarbeit*, 1, 2-8 (in German).

VERBALISATION OF CRITICISM AND PRAISE INTENTIONS IN GERMAN-LANGUAGE PEDAGOGICAL DISCOURSE

Vasiliy M. Glushak
v.glushak@my.mgimo.ru

Julia E. Mueller
j.mueller@my.mgimo.ru

MGIMO University (Moscow State Institute of International Relations)
(Moscow, Russia)

Marina Kovac
marina.zarudko@uni-due.de
University Duisburg-Essen (Duisburg, Essen, Germany)

Abstract: The paper deals with the peculiarities of the German-language pedagogical discourse, in particular teachers' oral speech. Pedagogical discourse as a type of institutional discourse is characterised by a pronounced cultural component related to the differences in educational systems, traditions and modern practices of communicative interaction between teachers and students. The aim of the study is to analyse teachers' evaluative and facilitative strategies which are implemented in the speech acts of criticism and praise. The examples under review are borrowed from German-language speech resources that teachers in German schools are recommended to use in class. To thematically differentiate between the objects of praise and criticism of students the article is based on contextual analysis, which helps to describe the speech acts of praise and censure, using the procedure of detecting teachers' intention. The analysis of the grammatical and syntactic construction of the utterances makes it possible to determine the linguistic means of implementing praise and criticism in the German-language teacher discourse and to identify the corpus of linguistic means whose main function is to increase or decrease the seman-

tic and emotional significance of the utterance components.

Key words: German-language pedagogical discourse, teachers' evaluation strategies, speech acts, criticism and praise intentions.

How to cite this article: Glushak V.M., Mueller J.E., Kovac M. (2021). Verbalisation of Criticism and Praise Intentions in German-Language Pedagogical Discourse. *Professional Discourse & Communication*, 3(3), pp. 52–64. (in Russian). <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-3-52-64>

About the authors:

Vasiliy M. Glushak is Dr. Sci. (Philology), professor in the Department of the German language at MGIMO University (Russia).

Julia E. Mueller is Cand. Sci. (Philology), associate professor in the Department of the German language at MGIMO University (Russia).

Marina Kovac, PhD is research assistant in the Department of Foreign Languages, Institute for Optional Studies at the University of Duisburg-Essen (Germany).

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-3-65-82>

МЕТАФОРИЗАЦИЯ И МЕТОНИМИЗАЦИЯ КАК СПОСОБЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ УЧЕБНИКОВ ПО ЭКОНОМИКЕ)

Светлана П. Анохина

Тольяттинский государственный университет

(Тольятти, Россия)

Anokhinasvetlana2016@yandex.ru

Аннотация: В статье на материале аутентичных учебных руководств по экономике исследуются два типа вторичной номинации – симилятивная и индикативная. В рамках симилятивной вторичной номинации описывается перенос по функции, который трактуется как один из самостоятельных видов метафоры и для которого предложен термин «акциональная метафора». В рамках индикативной вторичной номинации объектом анализа являются метонимия и синекдоха (как родственный метонимии приём), выбор которых обусловлен единым принципом переноса наименования с одного объекта на другой – на основе существенного признака. Описание семантической деривации осуществляется в предложении, представляющих собой одну из логических форм мысли – определения, что позволяет наглядно представить механизм метафоризаций и метонимизаций терминов и номенов в области экономики.

В ходе анализа были выявлены взаимоотношения моделей терминов и их функций как десигнаторов областей источника и цели, с одной стороны, и видов когнитивной метафоры (онтологическая, концептуальная) – с другой. В когнитивном аспекте выявлены типы акциональных метафор: онтологические и концептуальные простой и сложной структуры, а также простые и усложнённые метонимии, что рассматривается как специфика данного экономического дискурса в отношении семантической деривации. Ещё одной особенностью можно считать тенденцию к единобразию вторичного семиотического кода при описании метафоризированных терминов. Результаты анализа индикативной вторичной номинации позволили представить организацию метонимической лексики в виде многочленной оппозиции: термины и номены – термины – термины и общеупотребительная лексика (топонимы) – общеупотребительная лексика (топонимы). На основе контекстуального подхода выявлен также механизм образования смешанных видов вторичной номинации – метафтонимии и синекдохо-метонимии, что позволило выдвинуть гипотезу об акциональной метафоре как основе данных видов семантических дериватов.

Оба типа вторичной номинации в данной дискурсивной практике носят системный характер: метафора описывается в единицах другой искусственной системы; системная ор-

ганизация метонимий проявляется в полевом принципе их структурирования и наличии оппозиций.

Ключевые слова: симилятивная номинация, индикативная номинация, акциональная метафора, метонимия, синекдоха, термин, номен.

Для цитирования: Анохина С.П. (2021). Метафоризация и метонимизация как способы семантической деривации (на материале англоязычных учебников по экономике). *Дискурс профессиональной коммуникации*. 3(3), С. 65–82. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-3-65-82>

1. ВВЕДЕНИЕ

Настоящая статья посвящена описанию таких видов переносной номинации, как метафора на основе переноса по функции, метонимия и синекдоха (как родственный метонимии приём). В современной лингвистической теории приоритетным является динамический подход к метафоре и метонимии: изучение процессов метафоризации и метонимических преобразований в когнитивном ракурсе [Гвишиани, 2018; Лакофф, Джонсон, 2004; Алексеева, Мишланова, 2916; Красавский, 2020; Бородулина, Макеева, 2018; Задорнова, Матвеева, 2017; Маринченко, 2018; Charteris-Black, 2011; Schulzeck, 2014; Barcelona, 2003; Jakobson, 2002; Shutova, Kiela, Maillard, 2016 и многие другие].

Задачи настоящей статьи скромнее: структурно-семантический анализ средств вторичной номинации, функционирующих в англоязычных учебных руководствах в сфере экономики. Выбор объекта исследования обусловлен следующими факторами:

1. В большинстве работ перенос по функции лишь упоминается как один из видов метафоры, а не представляет собой объект отдельного анализа. Такая точка зрения вполне закономерна, так как и в этом случае перенос названия с одного объекта на другой происходит на основе сходства, подобия, что присутствует уже в античных определениях метафоры [Аристотель, 1983, с. 645-681]. При этом, однако, за рамками остается такое уточнение типа сходства, как внешнее (по форме, цвету, способу движения и т.п.) для собственно метафоры и внутреннее, то есть функциональное, – для переноса по функции [Реформатский, 1996], на основе существенного признака.

Другими словами, при собственно метафоре сходство объектов выводится прежде всего по результатам их чувственного восприятия; при переносе по функции чувственное восприятие играет вспомогательную роль, а ведущая роль принадлежит *ratio*. В свете вышесказанного представляется возможным трактовать данные виды вторичной номинации в рамках одного из подтипов симилятивной номинации [Щукина, 2014, с. 13] как атрибутивную метафору и акциональную метафору, соответственно, и представить их соотношение следующим образом:

2. Метонимия как один из видов индикативной вторичной номинации, основывающийся на «семантическом сдвиге», сближается с переносом по функции в том, что и в данном случае «из набора признаков понятия выбирается коммуникативно-релевантный» [Щукина, 2014, с. 18], то есть существенный признак. При синекдохе речь идёт, как известно, «не о «цельной» вещи, а об её существенной части, описанной важным признаком выделения – по функции» [Колесов, 2012, с. 254].

Таким образом, объекты настоящего исследования характеризуются в аспекте вторичной номинации единством существенного признака, на основе которого происходит перенос наименования с одного объекта на другой.

Тем не менее наши рассуждения не снимают тех различий, которые существуют между метафорой и метонимией, которые описаны подробно в ряде работ (см., например, [Балашова, 2015, с. 171-172; Лакоф, 2004, с. 208; Блэк, 1990, с. 162]) и которые лежат в основе нашего представления о них как об отдельных видах семантической деривации.

2. МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

В последнее время появился ряд работ, посвящённых исследованию метафоры в «языках для специальных целей» [Тихонова, 2021; Зубкова, 2016; Berger & Jaekel, 2015; Semino, Demjen & Demmen, 2018]. Что касается экономического дискурса, то наиболее близкими к теме нашего исследования являются работы Л.В. Ивиной и Г.Н. Александровой [Ивина, 2018; Александрова, 2006], в которых, однако, такая дискурсивная практика англоязычного экономического дискурса, как учебные руководства, не представляет собой отдельного объекта исследования.

В нашей работе принято определение термина, предложенное Г.Н. Александровой в результате изучения многочисленных работ в этой области и представляющее собой их ёмкое обобщение: «термин – это номинативная единица языка (слово, устойчивое слово-сочетание или их семантический вариант), десигнирующее научное понятие, относящееся к специальной предметной области» [Op. cit., с. 9].

В свете вышесказанного выбор источников эмпирического материала представляется достаточно актуальным. В качестве таковых служат:

1. L. Gayle Rayburn. Principles of Cost Accounting. Using Cost Management Approach (4th edition, 1989).
2. Erich H. Helfert. Financial Analysis Tools And Techniques. A Guide For Managers (2001).
3. Hal R. Varian. Intermediate Micro Economics. A Modern Approach (7th edition, 2005).
4. Robert J. Carbaugh. International Economics (10th edition, 2005).

Из данных работ методом сплошной выборки было отобрано 500 единиц.

При описании структурно-семантических характеристик единиц вторичной номинации использовались следующие методы и методики: анализ свободных ассоциаций, элементы формальной логики, элементы когнитивного анализа.

3. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОЦЕДУРА

3.1. Симилятивная вторичная номинация

При анализе эмпирического материала мы основываемся на двух структурно-семантических критериях: 1) модель термина; 2) тип предложения.

Под типом предложения понимаются предложения-определения, с одной стороны, и предложения, не являющиеся определениями, – с другой. Среди первых в нашем эмпирическом материале встречаются следующие:

- реальные определения; такие определения указывают на отличительные признаки предмета, названного словом [Рождественский, 2002, с. 74]; в нашем случае это предложения, содержащие наименования как области цели, так и области источника;
- операционные определения, «в которых свойства объекта, называемого словом, определяются по операциям с этим объектом» [Op. cit.]; в нашем случае это предложения с наименованием только области цели, то есть экономическим термином с глаголом-сказуемым, выражающим функцию объекта, обозначенного термином;
- предложения, содержащие оба этих типа определения: реальное в главном и операционное – в придаточном;
- номинальные определения, «которые служат истолкованию значения слова» [Op. cit.]; это также предложения, содержащие наименования обеих областей когнитивной метафоры, но глагольного типа (а не именного, как предложения-реальные определения).

Мы полагаем, что именно предложения-определения являются «материальным воплощением» процесса вторичной номинации. В предложениях, не являющихся определениями, содержится наименование только области цели.

В *предложениях-реальных определениях* представлены следующие одно- и двукомпонентные модели экономических терминов.

МОДЕЛЬ N

(1) *If conditions change, management should not feel that the budget is a straightjacket and that it cannot be revised* (Rayburn, p. 565).

(2) *Inventory is evidence of all management's problems* (Rayburn, p. 902).

Разновидностью данной модели является сочетание существительного с послелогом:

(3) *“Cash in” versus “Cash out” is the key driver to any economic analysis* (Helfert, p. 26).

Все термины выполняют дефиниционную функцию, «которая заключается в способности термина служить кратким определением соответственного научного понятия» [Александрова, 2006, с. 12]. Уподобление их предметам-области источника: психиатрия, юриспруденция, техника, – позволяет отнести их к онтологическим метафорам [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 180]. В основе переноса лежит сигнификативный компонент понятия-области источника [Балашова, 2015, с. 174], так как функция – это некое действие или процесс, то есть то, что представляет собой обобщённое грамматическое значение глагола, который, будучи предикатом предложения, соответствует его (предложения) сигнификативному уровню [Арутюнова, 1976, с. 37], что и нашло отражение в предложенном выше термине для данного вида метафоры – акциональная метафора.

В примере (3) наименование области источника представляет собой двойную акциональную метафору, вследствие чего всё целостное выражение (включая наименование области цели) представляется возможным определить как плеонастическую онтологиче-

скую метафору. Такое определение основывается на следующих соображениях: каждое из слов словосочетания *key driver* – и *key*, и *driver* – само по себе в отдельности является метафорой.

Термин может быть и наименованием области источника: (4) *All decisions are economic trade-offs* (Helfert, p. 23), порождая конвенциональную метафору структурного типа [Лакофф, Джонсон, с. 181], основывающуюся на возможности восприятия обоих видов деятельности (*decisions* и *trade-offs*) как материальных сущностей.

МОДЕЛЬ N₁ + N₂

Термины данной модели выполняют не только дефиниционную функцию (примеры (5), (6)), но и идентификационную, так как «в их внутренней форме содержатся не все категориальные признаки понятия» [Александрова, 2006, с. 12] (примеры (7), (8)).

(5) *Not only is the general operating budget or annual profit plan an important operating tool, but this plan also represents a formal communication channel within a company* (Rayburn, p. 551).

(6) *Another way to establish labor standards is to use test runs which are a last resort if management does not think time studies or past –performance averages are feasible* (Rayburn, p. 445).

Акциональный характер онтологической метафоры в (5) *profit plan = tool* подчёркивается как значением самого слова, десигнирующего понятие области источника – области техники, так и определением к нему – словом со значением действия (*operating*). Наличие наименования второй области источника – физики, позволяет представить данную метафору в целом как «биресурсную»: *operating tool = profit plan = communication channel*.

Идентификационная функция терминов области цели обусловлена тем фактором, что они и сами по себе являются онтологическим метафорами: акциональной (7) и атрибутивной в (8); область источника в обоих случаях – техника.

(7) *In the end every value driver is a lever for improved cash flow performance* (Helfert, p. 8).

(8) *The idea that successive waves of innovation are the main driver of long-term performance in a new or emerging business – or an existing one, of course appears to be sound...* (Helfert, p. 3).

Компоненты *driver*, *waves* позволяют переосмыслить сочетания: *value driver = a mechanism*, *waves of innovation = sea waves*, то есть это онтологические метафоры, вследствие чего целостные метафоры *value driver = lever*, *waves of innovation = driver* выступают как сложные концептуальные метафоры на основе двух онтологических метафор, семантизация которых представляет собой результат интерпретации высказывания «не как общего, отдельно взятого утверждения, а в индивидуальном контексте его функционирования» [Гвишиани, 2018, с. 6].

Лексемы *value*, *waves*, *innovation* широко употребляются в обществе и далеко не всегда специалистами в области экономики; значение слова *driver* известно также довольно большому кругу англоязычных реципиентов: когнитивным фоном здесь служат знания в области машино- и автомобилестроения, а также компьютерной техники. Таким образом, сочетания *value driver*, *waves of innovation* выражают не все категориальные признаки десигнируемого ими экономического понятия вследствие сложной структуры этих понятий, что и обуславливает невозможность выполнения этими единицами дефиниционной функции. В дальнейшем описании именно данные рассуждения служат основой для определения функции того или иного метафорического термина как идентификационной.

В отличие от этого, следующее далее высказывание (9) представляет собой не сложную, а простую концептуальную метафору, так как наименование области цели – это концептуальная метафора, имеющая «отгадочное» слово [Москвин, 2000, с. 145] (*competitors*), указывающее на её принадлежность к экономическому дискурсу:

(9) ‘*Competitors’ trash is a fair game once it leaves their offices – that is why there are shredders* (Gayle, p. 40).

Далее пример (10) иллюстрирует использование инициальной аббревиатуры, которая выполняет кумулятивную функцию [Александрова, 2006, с. 15]:

(10) *It (WTO) is also a watchdog of international trade, regularly examining the trade regimes of individual members* (Carbaugh, p. 181).

Предварительные результаты анализа семантической деривации в предложениях – реальных определениях можно обобщить следующим образом. При модели термина N наблюдается однозначная корреляция самой модели и функции термина как десигнатора понятия области цели, а также однозначная корреляция вида когнитивной метафоры (онтологическая/концептуальная) и статуса термина (наименование области цели/области источника), соответственно.

При модели N1 + N2 процесс метафоризации характеризуется причинно-следственными связями: термин-онтологическая метафора как наименование области цели > идентификационная функция > концептуальная метафора.

В *предложениях, сочетающих реальные и операционные определения*, встречаются, за редким исключением, те же модели терминов. Отличительной особенностью является их распределение по областям, составляющим когнитивную метафору. Модель N – термин с дефиниционной функцией, наименование области цели в онтологической метафоре; область источника – техника, например:

(11) *New investment is the key-driver of growth strategies that cause an enhanced shareholder value* (Helfert, p. 29).

(12) *In the United States, trade is the machine, that turns computer software, which the United States makes very well, into CD players, baseballs, and other things that it also wants, but does not make quite so well* (Carbaugh, p. 22).

МОДЕЛЬ Adj + N

В примере (13) наименование области источника представляет собой метафоризированный экономический термин модели Adj + N, в котором определение (*financial*) относит всё сочетание к сфере экономики, что обуславливает усложнённую онтологическую метафору; функция данного термина – наименование области источника – также дефиниционная:

(13) *Securities are financial instruments that promise certain patterns of payment schedules* (Varian, p. 197).

Сложная концептуальная метафора имеет место в (14), где обе области – термины модели N₁ + N₂, но термин области цели выполняет дефиниционную функцию, а термин области источника – идентификационную, так как это симиллятивная вторичная номинация, представляющая собой онтологическую метафору:

(14) *In this situation, machine-hours is the cost-driver which causes a certain pool of costs to increase* (Rayburn, p. 224).

В *предложениях–номинальных определениях* дефиниционная и идентификационная функции терминов «закреплены» за их моделями: модели N и Adj + N выполняют дефиниционную функцию, модель N₁ + N₂ – идентификационную. В последнем случае

необходимо оговорить тот факт, что сам термин представляет собой атрибутивную метафору. Область источника довольно разнообразна, хотя преобладает, как и в предыдущем материале, техника.

(15) *Also, companies hold **inventory** as a **buffer** at work centers ...* (Rayburn, p. 882).

(16) *The budgeting process also fails if management views **budgets** as a **scapegoat** on which all the company's problems can be blamed* (Rayburn, p. 546).

(17) *Foreign trade is viewed as a **channel** through which people in different nations make contacts* (Carbaugh, p. 304).

Как видим, индикаторами переноса по функции являются определение *at work* и скажуемые придаточных предложений, выраженные глаголами со значением действия, которое предписывается наименованию области цели.

Следствием метафорического характера термина—наименования области цели является не только его идентификационная функция, но и усложнённая онтологическая метафора на уровне целостного выражения.

(18) *When in fact **cash flows** are increasingly being recognized as the real **key** to building value...* (Helfert, p. 16) (*building* – индикатор функциональной метафоры).

Концептуальная метафора представлена в тех предложениях, в которых наименования области источника – средства повышенной образности, в том числе идиома (*penny-pinching; beggar-thy-neighbor policies*):

(19) *The word “**budget**“ often represents a penny-pinching, negative brand of managerial pressure* (Rayburn, p. 56).

(20) *It is little wonder that **traffic restrictions** designed to enhance nation's standard of living at the expense of its trading partner are referred to as beggar-thy-neighbor policies* (Carbaugh, p. 131).

В качестве предварительного итога анализа данного эмпирического материала отметим однозначные соответствия между типом определения, выраженного предложением, и структурными особенностями его пропозиции.

Предложения–операционные определения, содержащие вторичную номинацию, встречаются в нашем эмпирическом материале крайне редко, это единичные случаи, например:

(21) *The **credit slip** transfers the materials as accountability from the production department back to the storekeeper* (Rayburn, p. 101).

Более распространённым является сочетание операционного и номинального типов определения; индикаторами последнего служат наименования области источника, оформленные тем же союзом as:

(22) *Second, the **dollar** serves as a **safe haven** at times of political and economic uncertainty* (Carbaugh, p. 270).

(23) *Standard costs are closely related to budgets because they serve as **building blocks** for the construction of the budget* (Rayburn, p. 551).

Как видим, все описанные случаи представляют собой простые онтологические метафоры.

В предложениях, не являющихся определениями, в самом термине–акциональной метафоре имеется наименование области источника, так как это именные двукомпонентные или трёхкомпонентные модели, в которых термин—наименование области цели. Следствием такой структуры является снятие дефиниционной функции термина–компонента метафоризированного термина, который выполняет уже индентификационную функцию:

(24) Since it is difficult to protect lead time and inventory usage with a high degree of certainty, an **inventory buffer**, or safety stock, is needed to protect the company from stockouts (Rayburn, p. 1197).

(25) Companies that engage in value-based management ... develop relationships in their planning models and operational systems that focus on **value drivers** and shareholder value creation (Helfert, p. 331).

(26) Regardless of whether **tax shield** is considered, the computations assume that all sales are collected in cash (Rayburn, p. 672).

(27) How did President Hoover fall into such a **protectionist trap**? (Carbaugh ..., p. 176).

(28) Our main emphasis is the relation between costs and the one important variable that affects **costs – cost drivers** or activity levels (Rayburn, p. 155).

В примере (29) мы также относим к сфере экономики термин globalization, так как это его первоисточник:

(29) ... and this puts sands in the **gears of globalisation** (Carbaugh, p. 24).

Все описанные акциональные метафоры представляют собой в когнитивном аспекте простые онтологические метафоры, поскольку наименования области источника – материальные объекты, и за редким исключением, – объекты сферы техники.

Объектом дальнейшего описания являются акциональные метафоры, не относящиеся к терминосистеме экономики, но встречающиеся в нашем эмпирическом материале, что, по нашему мнению, дополняет заявленную тему настоящей работы.

Здесь также имеются предложения, в пропозиции которых содержатся наименования обеих областей метафоры, то есть реальные определения, а также операционные определения; в последних индикаторами акционального характера метафоры являются обстоятельства цели:

(30) The European Union's **emphasis** on health concerns was thus a smokescreen for protecting an industry with competitive disadvantage, according to the United States (Carbaugh, p. 167).

(31) The United States became an attractive **destination** for foreign investment (Carbaugh, p. 386).

(32) Moreover, developing countries worry that the Europeans want to use **environmental issues** as a **backdoor** to protectionism (Carbaugh, p. 189).

Концептуальные метафоры формируются на базе идиоматического характера наименования области источника:

(33) An even more stringent **test** is the **acid test**, or quick ratio, which is calculated on a portion of current assets ... (Helfert, p. 127).

(34) Instead of adopting fixed or floating rates, why not try a compromise **approach**, the **crawling peg**? (Carbaugh, p. 457).

Концептуальными метафорами могут выступать и глагольные средства:

(35) The best managed companies **tailor** their information systems and management incentives to minimize funds use relative to the level of each activity (Helfert, p. 89).

(36) Since objectives and constraints differ among companies, budgets should be **tailor-made** for the individual company (Rayburn, p. 76).

Представленный эмпирический материал акциональных метафор–нетерминов позволяет указать их отличие от акциональных метафор–терминов: в первых наименования областей источников – самые разнообразные, а во вторых выделяется приоритетная область – техника, которая отсутствует в метафорах–нетерминах. Следовательно, метафо-

ризированные термины описываются через одну из искусственных систем, то есть налицо тенденция к единообразию вторичного семиотического кода.

3.2. Индикативная вторичная номинация

3.2.1. Метонимия

В нашем эмпирическом материале метонимическая лексика представлена специализированными наименованиями, для которых в целях отграничения их от терминов, довольно удачным представляется термин «номен»: «слово или словосочетание языка для специальных целей, которое этикитирует объекты той или иной отрасли науки и техники» [Александрова, 2006, с. 9]. Самой многочисленной группой среди них являются наименования организаций: *factory, corporation, company, firm, business, bank, utility, organization* и т.п., а также учреждений, регулирующих экономическую деятельность, то есть то, что представляет собой такой вид метонимии, как «учреждение вместо ответственных лиц» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 65].

(37) *Initially there is no basis for trade, because each **firm** realizes a production cost of \$ 10.000 per auto* (Carbaugh, p. 75).

(38) *Also, a single monetary policy, run by an independent central **bank**, should promote price stability* (Carbaugh, p. 268).

(39) *Because of heavy fixed costs in electricity production, **utilities** attempt to keep plants operating close to full capacity* (Carbaugh, p. 79).

Данный вид метонимии носит более выраженный характер при именах собственных–наименованиях компаний:

(40) *Maidwell uses a standard cost system in accounting for materials* (Rayburn, p. 482).

(41) *Honda maintains both American and Japanese websites* (Carbaugh, p. 26).

(42) *Airbus has more than 1,500 suppliers in 27 countries...* (Carbaugh, p. 8).

(43) *If **GE** and **Boeing** each set their prices independently, they could decide to set their prices too high* (Varian, p. 653).

Напротив, если в состав номена входят слова *organization, association* и т.п., его метонимическая природа несколько стирается и приближается к персонаификации:

(44) *Import quotas on manufactured goods have been outlawed by the **World Trade Organization*** (Carbaugh, p. 140).

(45) *The National Association of Accountants has issued statement on Management Accounting Number 4B, ...* (Rayburn, p. 261).

В то же время, сочетания со словом *board* остаются классическими метонимиями, даже при наличии в них имён одушевлённых. При этом они являются терминами, а не номенами:

(46) *The president receives authority from the **board of directors*** (Rayburn, p. 16).

(47) *The most common form in which basic financial information is available publicly < ... > is the set of financial statements issued under guidelines of the Financial Accounting Standards Board of the public accounting profession and governed by the US Securities and Exchange Commission* (Helfert, p. 37).

Таким образом, метонимии данного вида, во-первых, образуют оппозицию «номены versus термины»; во-вторых, они организованы по полевому принципу: ядро (термины со словом *board*), околовядерная зона (номены–имена собственные), ближняя периферия

(номены—наименования учреждений), дальняя периферия (номены со словом *organization* и т.п.).

В следующем предложении содержится метонимический термин вида «имя собственное вместо объекта»:

(48) *The traditional name of this economic model is the **Robinson Crusoe** economy, after Defoe's shipwrecked hero* (Varian, p. 591).

В предложении (49) термин образован на основе метонимии вида «деперсонификация» (dehumanizing) [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 66]:

(49) *However, regulations provide **households** with cleaner water and air ...* (Carbaugh, p. 86).

Тот же вид метонимии представлен в следующем номене:

(50) *A total of five **positions** report to Smith: the production vice president, marketing vice president, vice president of quality control, vice president of research, and Jan Brown, controller* (Rayburn, p. 42).

Такой вид метонимии, как «используемый объект вместо пользователя» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 64] (при этом «объект» понимается в широком смысле) представлен терминами в (51), (52) и общеупотребительной лексикой в (53).

(51) *Presumably, the domestic **economy** will enjoy a higher average level of productivity and will be more competitive in world markets as a result of such policies* (Carbaugh, p. 82).

(52) *The audit also found that employees were required to work as long as 65-hour weeks, sometimes in unsafe conditions* (Carbaugh, p. 78).

(53) *Since Leontieff's time, many other studies have tested the prediction of the factor-endowment model* (Carbaugh, p. 71).

Аналогичная метонимия, дополненная видом «деятельность – результат деятельности», то есть усложнённая метонимия, наблюдается в термине предложения (54) и идиоматическом термине в (55):

(54) *The **Clayton Act** eliminates competitive methods considered to be potential weapons of monopoly* (Rayburn, p. 1062). (Заметим, что акциональная метафора *methods = weapons* подтверждает предыдущее заключение о многочисленности наименований областей источника для нетерминов).

(55) *Economists have termed this the **sheepskin effect**, in pretence to the fact that diplomas were often written on sheepskins* (Varian, p. 706) (*sheepskin effect* – значительный рост доходов после получения диплома о высшем образовании или учёной степени).

Итак, метонимии, как и метафоры, могут быть усложнёнными, но между ними есть и существенное отличие: усложнённая метафора есть результат взаимодействия наименований области цели и области источника, это целостное выражение в предложениях-определениях, а усложнённая метонимия есть результат соединения в слове двух её видов, то есть усложнённость метафоры основывается на структурно-семантических факторах, а усложнённость метонимии – только на семантических.

Локальные (или локативные) метонимии представлены несколькими видами:

(56) ***London** remains the largest center for foreign-exchange trading* (Carbaugh, p. 17).

В этом высказывании актуализируется метонимия «место вместо учреждения», индикатором которой является дополнение *for foreign-exchange trading*.

В (57) индикатором усложнённой метонимии *Washington* – «место вместо учреждения и людей», является существительное *help*, а *Detroit* представляет собой метонимию вида «место вместо людей»:

(57) *With or without Washington's help, the restructuring that may lie ahead for Detroit could be deep and painful* (Carbaugh, p. 184).

Ещё один вид локальной метонимии – «место вместо события» – представлен в (58), но это метонимическое выражение является термином:

(58) *An example of fixed exchanges rates is the **Bretton Woods System*** (Carbaugh, p. 448). (В 1944 г. в Bretton Woods, штат Нью-Гемпшир, состоялась встреча представителей 44 стран с целью выработки новой системы международных денежных отношений и торговых расчётов).

В результате анализа данного типа индикативной вторичной номинации можно заключить, что метонимическая лексика образует многочленную оппозицию по критерию «виды метонимии»: термины и номены – термины – термины и общеупотребительная лексика (топонимы) – общеупотребительная лексика (топонимы).

3.2.2. Синекдоха

Самым распространённым видом синекдохи в нашем материале является *pars pro toto* («часть вместо целого»). Это могут быть как экономические термины, так и общеупотребительная лексика. Примерами первых служат:

(59) *At present, the company has a **work force** of 40 employees, a reduction from the 100 workers employed during peak production* (Rayburn, p. 41).

(60) *Besides **blue-collar** jobs, service and **white-collar** jobs are increasingly vulnerable to operations being sent overseas* (Carbaugh, p. 23).

Примеры вторых:

(61) *Although **The Big Three** (GM, Ford, Daimler Crysler) controlled more than 90 percent of the US market ...* (Carbaugh, p. 14).

(62) *Modern trade theory is the product of an evolution of ideas in economic **thought*** (Carbaugh, p. 28).

(63) *Remember, the only time cash actually changed **hands** was when the assets were originally acquired* (Helfert, p. 66).

Синекдоха вида *totum pro parte* («целое вместо части») встречается гораздо реже, и это номен:

(64) *Today's business **world** has infinite variety* (Helfert, p. 24).

Таким образом, опираясь на наш эмпирический материал, мы можем проследить определённую тенденцию в области синекдохи: вид «часть вместо целого» более универсален и присущ терминам и общеупотребительной лексике; вид «целое вместо части» более специализирован и свойствен присущ номенам.

Отдельные случаи представляют собой совмещение синекдохи вида *totum pro parte* и метонимии вида «учреждение вместо ответственных лиц». Это прежде всего топонимы: наименования государств, стран и их административных единиц или имена нарицательные с таким значением, то есть это общеупотребительная лексика, довольно распространённая в данной дискурсивной практике, например:

(65) ...*why **Europe** and the **United States**, for example, trade in such great volume* (Carbaugh, p. 73).

(66) *The **Netherlands** import Loewenbraeu beer while exporting Heineken* (Carbaugh, p. 77).

(67) *As China produces fewer aircraft, its demand for capital decreases, and the price of capital falls* (Carbaugh, p. 65).

(68) *However, California is a major importer of French wines as well as a large exporter of its own wines* (Carbaugh, p. 77).

(69) *Given these circumstances, a nation will export that commodity for which a large amount of the relatively abundant (cheap) input is used* (Carbaugh, p. 64).

(70) ... *a country specializes in the manufacture of large amounts of a limited number of goods and trades for the remaining goods* (Carbaugh, p. 75).

Процесс переноса в этих случаях можно представить в следующем виде: целое (государство/страна/штат и т.п.) вместо части (учреждения) – синекдоха; учреждение вместо ответственных лиц – метонимия; следовательно, в таких случаях происходит активизация механизма метонимии. Мы рассматриваем наши рассуждения как определённый повод к дискуссии в области семантической деривации и вторичной номинации, так как, насколько нам известно, в лингвистической литературе такие смешанные или промежуточные типы не были предметом анализа, в отличие от явления метафтонимии, которое исследуется в современной когнитивной лингвистике довольно активно, причём в ряде работ подчёркивается, что она особенно характерна, в частности, для английского и немецкого языков.

3.3. Совмещение симилятивной и индикативной вторичной номинации

В существующих определениях метафтонимии акцент делается на принципиальное взаимодействие метафоры и метонимии (более подробно: [Балашова, 2015; Jakobson 2002]. В ряде работ отмечается приоритетность процесса метонимизации в формировании семантических дериватов такого типа: это «метафора от метонимии» [Goossens, 2002, p. 350; Barcelona, 2003].

Как показывает наш материал, в дериватах-словосочетаниях приоритетной является метафоризация. Мы основываемся при этом на дистрибуции компонентов словосочетания: акциональная метафора в препозиции к метонимии вида «учреждение вместо ответственных лиц» в примере (71), второе словосочетание в примере (72) и синекдохометонимия (описанная выше в п. 3.2.2.) (пример (73) и первое словосочетание в примере (72)), либо акциональная метафора в позиции предиката, то есть когда метафора является определяющим (новым), а метонимия – определяемым (известным).

(71) *Delta's Indian subsidiary returns its earnings to the parent company* (Carbaugh, p. 52) (метонимия вида «организация вместо ответственных лиц»).

(72) ... *including both the source country* (усложнённая метафтонимия) *where the parent organization* (простая метафтонимия) *is located and the host country* (усложнённая метафтонимия) *where subsidiary firms are established* (Carbaugh, p. 303).

(73) *Donor countries determine eligibility criteria, product coverage, the size of preference margins, and the duration of the preference* (Carbaugh, p. 231).

Как следует из вышеприведённых примеров, в основе усложнённой метафтонимии лежит синекдохометонимия, процесс образования которой можно представить следующим образом: в словосочетаниях *source country*, *host country*, *donor countries* второй компонент интерпретируется как синекдоха на основе отношения *totum pro parte* которая, в свою очередь, развёртывается как цепочка метонимий: страна вместо организации – ор-

ганизация вместо ответственных лиц. Данные положения и послужили к их трактовке как усложнённых метафтонимий.

Акциональная метафора в позиции предиката при образовании метафтонимии встречается гораздо реже, и, как и обычная метафора, в предложении типа «реальное определение + операционное определение».

(74) *Google and Yahoo are two popular searchengines that make money by selling ads triggered by search queries* (Varian, p. 318).

Как видим, все вышеприведённые случаи метафтонимии содержат онтологическую метафору как составную часть, в том числе и при усложнённом виде метафтонимии.

4. РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ

Предпринятый анализ эмпирического материала позволяет предложить для обсуждения следующие положения. Различие между симилятивной и индикативной вторичной номинацией обусловлено различными мыслительными процессами: при симилятивной номинации это уподобление одного целостного объекта другому; при индикативной номинации это отождествление одного целостного объекта с другим целостным объектом (метонимия), одного целостного объекта с частью другого объекта (синекдоха pars pro toto) либо отождествление множества объектов (или недискретного целостного объекта) с другим целостным объектом (синекдоха totum pro parte).

В предложениях – реальных и номинальных определениях встречаются термины – концептуальные метафоры как простой, так и сложной структуры. В первых простая концептуальная метафора является следствием онтологической метафоры в качестве наименования области источника; концептуальная метафора сложной структуры возникает в результате взаимодействия онтологических метафор в качестве наименований обеих областей. В предложениях – номинальных определениях простая концептуальная метафора обусловлена наличием идиоматической номинации области источника.

Виды метонимии можно представить как многочленную оппозицию по критерию: стилистическая принадлежность метонимической лексики: метонимические термины и номены – метонимические термины – метонимические номены – метонимические термины и неспециальная лексика – неспециальная лексика. Наиболее частотным видом синекдохи является синекдоха pars pro toto. С другой стороны, смешанный вид «синекдохо-метонимия» формируется на основе вида totum pro parte, который обусловливает и случаи сложной метафтонимии. Следовательно, именно данный вид синекдохи является причиной смешанного типа вторичной номинации: симилятивной и индикативной (для метафтонимии) и смешанного вида индикативной, что можно представить в виде последовательности: синекдоха > метонимия > метафора > метафтонимия. Опора на наш эмпирический материал позволяет выдвинуть гипотезу об акциональной метафоре как принципиальной основе, обуславливающей возможность возникновения переходных типов семантических дериватов.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Предпринятый анализ продемонстрировал конструктивность обращения к мысли в логической форме (то есть опору на предложение-высказывание) как основе выявления механизма переноса наименования с одного объекта на другой.

2. Наличие акциональных метафор и метонимий со сложной структурой в когнитивном аспекте, а также синекдохо-метонимии можно отнести к особенностям данных текстов. С большой долей уверенности можно утверждать, что именно вторичная номинация области источника в акциональных метафорах определяет в когнитивном аспекте их структурно-семантическую сложность.

3. Оба типа вторичной номинации в данной дискурсивной практике носят системный характер: метафора описывается в единицах другой искусственной системы, преимущественно, техники; системная организация метонимий проявляется в наличии оппозиций и полевого принципа их структурирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова Г.Н. Соотношение знаковой структуры и функций терминологических и квазiterминологических языковых единиц: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Самара, 2006. 18 с.
2. Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Пермская школа метафоры // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. № 3 (35). С.122-133. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_27125747_69404122.pdf (дата обращения: 15.05.2021).
3. Аристотель. Поэтика// Аристотель. Соч. в 4 т. Т.4. М.: Мысль, 1983. С. 645-681.
4. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976. 384 с.
5. Балашова Л.В. Динамическая концепция метафоры: от Аристотеля до современной когнитивной лингвистики // Вестник Омского университета. 2015. № 2. С. 169-177.
6. Блэк М. Метафора// Теория метафоры. М. Прогресс, 1990. С. 153-172.
7. Бородулина М.Ю., Макеева М.Н. Метафора «ИНТЕРНЕТ = Водное пространство» в печатных СМИ (на основе контент-анализа ресурсов Национального корпуса русского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов. 2018. № 2. С.13-20.
8. Гвишиани Н.Б. Референция и презентация в структуре концептуальной метафоры (в аспекте компьютерно-корпусного исследования и перевода)// Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 3. С. 5-15.
9. Задорнова В.Я., Матвеева А.С. Концептуальные метафоры в англоязычной поэзии. М.: Университетская книга, 2017. 206 с.
10. Зубкова О.С. Метафорическое моделирование современного коммуникативного пространства профессиональных языков с использованием тропической лексики // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2016. № 1. С. 16-21.
11. Ивина Л.В. Когнитивные основания зооморфной метафоры в инвестиционной терминологии английского языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 4. С. 189-198.
12. Колесов В.В. Оставить свой след ... // Вестник Омского университета. № 3. 2012. С. 253 -257.
13. Красавский Н.А. Метафора как способ экспликации ревности в русских и немецких художественных текстах // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Педагогические науки. Филологические науки. 2020. № 1 (144). С. 211-216.
14. Лакоф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

15. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
16. Marinchenko I.A. Vestimentарная метафора в парфюмерном дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4. С. 101-107.
17. Реформатский А.А. Введение в языкоковедение. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.
18. Рождественский Ю.В. Лекции по общему языкоznанию. М.: Добросвет, 2002. 344 с.
19. Тихонова И.Б. Метафорические наименования химических веществ как средство визуализации химической структуры и когнитивного моделирования в английском химическом дискурсе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Педагогические науки. Филологические науки. 2021. № 1 (154). С. 141-146.
20. Щукина Г.О. Виды фразеологической номинации в английском языке: автореф. дис.... канд. филол. наук, Самара, 2014. 24 с.
21. Barcelona A. On the plausibility of claiming a metonymic motivation for conceptual metaphor // Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective / ed. by A. Barcelona. Berlin-N.Y.: Mouton de Gruyter, 2003. P. 31 – 58.
22. Berger A. & Jaekel O. The cognitive role of metaphor in teaching science: examples from physics, chemistry, biology, psychology and philosophy // Philosophical Inquiries, 2015. № 3. P. 89-112.
23. Charteris-Black, J. Politicians and rhetoric. The persuasive power of metaphor. Palgrave Macmillan, 2011. DOI: 10.1057/9780230319899
24. Goosens L. Metaphonymy: The interaction of metaphor and metonymy in expression for linguistic action // Metaphor and metonymy in comparison and contrast / by R. Dirven, R. Porings (eds). Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 2002. P. 349 -377.
25. Jakobson R. The metaphoric and metonymic poles // Metaphor and metonymy in comparison and contrast / ed. by R. Driven, R. Porings. Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 2002. P. 41-47.
26. Schulzeck D. A frame approach to metonymical processes in some common types of German word formation // Frames and concept types. Springer International Publishing, 2014. P. 221-242.
27. Semino E., Demjen Z., & Demmen J. An integrated approach to metaphor and framing in cognition, discourse, and practice, with an application to metaphors for cancer // Applied linguistics. 2018. Vol. 39. № 5. P. 625-645.
28. Shutova E., Kiela D. & Maillard J. Black hotels and white rabbits: metaphor identification with visual features. HLT-NAACL, 2016. 72 p.

REFERENCES

1. Aleksandrova, G.N. (2006). *Sootnoshenie znakovoj struktury i funkcij terminologisheskikh i quasiterminologicheskikh jazykovyh edinic* [Interrelation between sign structure and functions of terms and quasiterms]. (Candidate thesis summary). Samara State Social and Pedagogical University, Samara, Russia (in Russian).
2. Aleksejeva, L.M., Mishlanova S.L. (2016). Permskaya shkola metafory [Metaphor school in Perm]. *Vestnik permskogo universiteta. Russijskaya i zarubezhnaya filologija* [Bulletin of Perm university. Russian and foreign philology], 3 (35), 122-133. Retrieved from: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_27125747_69404122.pdf (Accessed: 15 May 2021) (in Russian).
3. Aristotle (1983). *Poetika* [Aristotele's. Poetics]. *Sochineniya v chetyrekh tomakh, tom 4* [Aristotele's works in 4 volumes. Vol. 4]. Moscow: Mysl', 645-681, (in Russian).

4. Arutyunova, N.D. (1976). *Predlozhenie i ego smysl [Sentence and its meaning]*. Moscow: Nauka (in Russian).
5. Balashova, L.V. (2015). Dinamicheskaya koncepciya metafory: ot Aristotelya do sovremennoj kognitivnoj lingvistiki [Dynamic concept of metaphor: from Aristotle to present cognitive linguistics]. *Vestnik Omskogo universit'eta [Bulletin of Omsk university]*, 2, 169-177 (in Russian).
6. Barcelona, A. (2003). On the plausibility of claiming a metonymic motivation for conceptual metaphor. *Metaphor and metonymy at the crossroads: a cognitive perspective / ed. by A. Barcelona*. Berlin-N.Y.: Mouton de Gruyter, 31-58.
7. Black, M. (1990). Metafora [Metaphor]. *Teoriya metafory [Metaphor theory]*. Moscow: Progress, 153-172 (in Russian).
8. Berger, A. & Jaekel, O. (2015). The cognitive role of metaphor in teaching science: examples from physics, chemistry, biology, psychology and philosophy. *Philosophical Inquiries*, 3, 89-112.
9. Borodulina, M.Ju., Makejeva, M.N. (2018). Metafora “INTERNET = Vodnoye prostranstvo” v pechatnykh SMI (na ocnove content-analisa resursov national'nogo korpusa russkogo yazyka) [Metaphor “INTERNET = water space” in mass media (based on content-analysis of the Russian National Corpus)]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki [Issues of Cognitive Linguistics]*, 2, 13-20 (in Russian).
10. Charteris-Black, J. (2011). *Politicians and rhetoric. The persuasive power of metaphor*. Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/9780230319899
11. Goosens, L. (2002). Metaphonymy: the interaction of metaphor and metonymy in expression for linguistic action. *Metaphor and metonymy in comparison and contrast / by R. Dirven & R. Potings (eds)*. Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 349-377.
12. Gvishiani, N.B. (2018). Referenciya i representaciya v structure konceptual'noj metafory (v aspekte kompyuterno-korpusnogo issledovaniya i perevoda) [Reference and representation in the structure of conceptual metaphor (computer-corpus and translation aspects)]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki [Issues of cognitive linguistics]*, 3, 5-15 (in Russian).
13. Ivina, L.V. (2018). Kognitivnyya ocnovayniya zoomorfnoj metafory v investicionnoj terminologii anglijskogo yazyka [Cognitive grounds of zoomorphic metaphor in English investment terminology]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities]*, 4, 189-198 (in Russian).
14. Jakobson, R. (2002). The metaphoric and metonymic poles. *Metaphor and metonymy in comparison and contrast / ed. by R. Dirven, R. Porings*. Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 41-47.
15. Kolesov, V.V. (2012). Ostavit' sled ... [Leave a track ...]. *Vestnik Omskogo universiteta [Bulletin of Omsk university]*, 3, 253 – 257 (in Russian).
16. Krasavskij, N.A. (2020). Metafora kak sposob eksplikacii revnosti v russkikh i nemeckikh khudozhestvennykh tekstakh [Metaphor as the way of jealousy explication in Russian and German fiction texts]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Pedagogicheskie nauki. Filologicheskie nauki [News of Volgograd State Pedagogical University. Pedagogical Sciences. Philological Sciences]*, 1 (144), 211-216 (in Russian).
17. Lakoff, J., & M., Johnson M. (2004). *Metafory, kotorymi my zhivem [Metaphors we live by]*. Moscow: Editorial URSS (in Russian).
18. Lakoff, J. (2004). *Zhenshhiny, ogon' i opasnye veshchi: chto kategorii jazyka govoryat nam o myshlenii [Women, Fire and Hazardous Things: what language categories tell us about thought]*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury (in Russian).
19. Marinchenko, I.A. (2018). Vestimentarnaya metafora v parfyumernom diskurse [Verbal metaphor in perfume discourse]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki [Issues of cognitive linguistics]*, 4, 101-107 (in Russian).

20. Reformatskij, A.A. (1996). *Vvedenie v yazykovedenie [Introduction into language science]*. Moscow: Aspekt Press (in Russian).
21. Rozdenstvenskij, Yu.V. (2002). *Lekcii po obshchemu yazykoznaniju [Lectures on general language science]*. Moscow: Dobrosvet (in Russian).
22. Schulze, D. (2014). A Frame approach to metonymical process in some common types of German word formation. *Frames and concept types*. Springer International Publishing. 221-242.
23. Semino, E., Demjen, Z., Demmen, J. (2018). An integrated approach to metaphor and framing in cognition, discourse, and practice, with an application to metaphors for cancer. *Applied linguistics*, 39, no. 5, 625-645.
24. Shutova, E., Kiela, D., & Maillard, J. (2016). *Black hotels and white rabbits: metaphor identification with visual features*. HLT-NAACL.
25. Tikhonova, I.B. (2021). Metaforicheskije naimenovaniya khimicheskikh veshchestv kak sredstvo vizualizacii khimicheskoy struktury i kognitivnogo modelirovaniya v anglijskom khimicheskom diskurse [Metaphor naming units of the chemical substances as the means of the visualization of the chemical structure and the cognitive modeling in the English chemical discourse]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Pedagogicheskie nauki. Filologicheskie nauki [Bulletin of Volgograd State Pedagogical University. Pedagogical sciences. Philological sciences]*, 1 (154), 141-146 (in Russian).
26. Shchyukina, G.O. (2014). *Vidy frazeologiceskoj nominacii v anglijskom yazyke [Phraseology nomination types in English]*. (Candidate thesis), Samara, Russia (in Russian).
27. Zadornova, V.Ya., Matvejeva, A. S. (2017). *Konceptualnye metafory v angloyazychnoj poesii [Conceptual metaphors in English poetry]*. Moscow: University Book (in Russian).
28. Zubkova, O.S. (2016). Metaforicheskoje modelirovanije sovremennoj kommunikativnogo prostранства professionalnykh yazykov s ispolzovaniem tropeicheskoy leksiki [Metaphoric modeling of the present communicative space of professional languages by using tropes]. *Teoriya yazyka i mezhkulturnaya kommunikaciya [Language theory and crosscultural communication]*, 1, 16 -21 (in Russian).

METAPHORISATION AND METONIMISATION AS TOOLS OF SEMANTIC DERIVATION (BASED ON ENGLISH COURSEBOOKS ON ECONOMICS)

Svetlana P. Anokhina
Togliatti State University
(Togliatti, Russia)
Anokhinasvetlana2016@yandex.ru

Abstract: The paper studies two types of indirect (secondary) nomination: simulative and indicative ones, exemplified by extracts from English coursebooks on economics. The simulative nomination is actualised through functional transfer, which is interpreted as a separate kind of metaphor termed “actional metaphor”. The analysis of indicative nomination is focused on me-

tonymy and synecdoche (as its closely related device), which is conditioned by the same transfer principle on the basis of an essential attribute. The semantic derivates are considered in sentences representing such logic thought form as definition, which allows to reveal the metaphoric and metonymic processes in the field of English economic terminology.

The research discloses the interrelations between the analysed term models and their functions as designators for target and source domains on the one hand, and cognitive metaphor types (ontological and conceptual), on the other hand. The author comes to the conclusion that both types can have either simple or complicated structure. Similarly, there are simple and complicated metonymies. These phenomena make the peculiarities of the given economic discourse when considered from the angle of semantic derivation. The tendency to the uniform secondary semiotic code in term metaphor description can be viewed as another valid peculiarity of economic discourse.

With regard to the indicative secondary nomination, the main findings are as follows: the metonymic lexis is organized as a chain opposition: terms and nomens – terms – terms and common lexis – common lexis. The mechanism of forming “mixed” kinds of the indirect nomination, i.e. metaphony and synecdoche-metonymy, is revealed in the course of the context analysis. This leads the author to a hypothetical argument that it is the actional metaphor that underlies these mixed types of semantic derivatives.

Both types of the secondary nomination have a systemic nature: metaphor is described in other system units; metonymies have field structure and are actualised through specific oppositions.

Key words: similitive nomination, indicative nomination, actional metaphor, metonymy, synecdoche, term, nomen.

How to cite this article: Anokhina S.P. (2021). Metaphorisation and Metonimisation as Tools of Semantic Derivation (Based on English Coursebooks on Economics). *Professional Discourse & Communication*, 3(3), pp. 65–82. (in Russian). <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-3-65-82>

About the authors:

Svetlana P. Anokhina is Dr. Sci. (Philology), professor in the Department of theory and practice of translation at Togliatti State University (Russia)

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-3-83-91>

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ZOOM В ДИСТАНЦИОННОМ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

A.V. Гуреева

*Московский государственный институт международных отношений
(Москва, Россия)
anvitgur@yandex.ru*

Аннотация: В статье рассматривается использование технологии Zoom в дистанционном обучении иностранному языку. Целью исследования является рассмотреть возможности использования технологии Zoom в дистанционном обучении иностранному языку. Методами исследования послужили анализ научно-методической литературы по теме исследования, анализ инструментов Zoom для реализации возможностей дистанционного обучения иностранному языку. Обоснована востребованность дистанционных и онлайн-технологий. Определены критерии выбора эффективных технологий для проведения дистанционных и онлайн-уроков. Рассмотрены преимущества Zoom в процессе обучения иностранному языку. Представлены разные типы заданий и их реализация посредством Zoom. Определены проблемы, с которыми столкнулись преподаватели и обучающиеся в процессе использования онлайн-технологий в дистанционном обучении. В исследовании также описаны возможности интерактивного общения с обучающимися при работе над текстом художественного произведения. Представлена система упражнений в рамках использования технологии Zoom. Сделан вывод о том, что технология Zoom при обучении иностранному языку позволяет посредством использования различных инструментов повысить эффективность языковой подготовки, развития учебно-познавательных способностей обучающихся, что необходимо для дальнейшего изучения английского языка и для самообразования.

Ключевые слова: дистанционное обучение, Zoom, иностранный язык, онлайн-инструмент, языковая подготовка.

Для цитирования: Гуреева А.В. (2021). Использование технологии Zoom в дистанционном обучении иностранному языку. *Дискурс профессиональной коммуникации*. 3(3), С. 83–91. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-3-83-91>

1. ВВЕДЕНИЕ

В последние несколько лет роль дистанционных и онлайн-технологий в целом возросла. В работах исследователей обсуждались, анализировались возможности и перспективы их использования. А.С. Фомина, Ж.В. Смирнова, Н.Л. Романова, М. Джанелли изучали дистанционное обучение в рамках возможностей реализации определенных методик, технологий и содержания обучения [Фомина, 2016], [Смирнова, 2017], [Романова, 2018], [Джанелли, 2018].

Л. Л. Бабаева и М. А. Щадная анализировали дистанционные технологии с точки зрения проблем, перспектив развития и возможностей образования [Бабаева, 2020], [Щадная, 2020].

А. В. Агеевец, В. Ю. Ефимов-Комаров, Л. Б. Ефимова-Комарова, Е. А. Назаренко, М. В. Пучкова рассматривали возможности дистанционной системы обучения дисциплинам по физической культуре и спорту [Агеевец, Ефимов-Комаров, Ефимова-Комарова и др., 2020].

Востребованность дистанционных и онлайн-технологий резко возросла с началом пандемии и уходом образовательных учреждений на карантин [Агеевец, Ефимов-Комаров, Ефимова-Комарова и др., 2020]. Однако практика использования дистанционного обучения выявила следующие проблемы, с которыми столкнулись преподаватели и обучающиеся:

- игнорирование или сведение к минимуму онлайн-общения преподавателя с обучающимися: направленность на электронный обмен информацией без онлайн-общения, самостоятельное выполнение обучающимися заданий, изучение тем;
- непринятие онлайн-формата преподавателями старше 50 лет, более медленное по сравнению с молодыми преподавателями освоение новых технологий, наличие жестких стереотипов в отношении эффективности традиционного офлайн-обучения и неэффективности онлайн-формата (например, преподаватели не понимают, как проводить занятия без личного присутствия обучающегося);
- неготовность онлайн-платформ к высокой загруженности (зависания, технические сбои);
- отсутствие повсеместного технического обеспечения компьютерами преподавателей и семей с двумя и более детьми, отсутствие качественного Интернет-соединения;
- неспособность большинства преподавателей быстро адаптироваться к новым условиям, низкий уровень их информационной компетентности (отсутствуют знания / нет опыта использования вебинаров, блогов, обучающих онлайн-платформ и сервисов в обучении, дополнительных Интернет-ресурсов);
- трудности в «оцифровке» таких учебных предметов, как изобразительное искусство, физкультура [Агеевец, Ефимов-Комаров, Ефимова-Комарова и др., 2020], технология;
- отсутствие опыта использования кейсов, проблемного обучения, мозговых штурмов, теории решения изобретательских задач (ТРИЗ) и игровых методов в онлайн-формате;
- трудности контроля выполнения тестовых, самостоятельных, контрольных заданий;

– обязательное наличие помощи родителей учащимся младших классов в освоении онлайн-технологий (подключиться к уроку, напечатать сообщение, отправить файл по почте и др.);

– субъективные, личностные, психологические, физиологические трудности проведения онлайн-урока / общения онлайн (стресс, низкая активность, отсутствие гибкости у преподавателя, мотивации/интереса у обучаемого).

По данным исследования, проведенном Институтом образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), с 26 марта по 10 апреля 2020 года, более половины опрошенных преподавателей школ воспринимают коммуникацию с обучающимися посредством электронной почты, мессенджеров как дистанционный формат. Чаще всего это обмен учебными материалами, запись голосовых сообщений, объяснение темы в форме лекции. При этом не используются другие формы обучения, обучающиеся не получают обратную связь, в результате освоение большей части школьной программы лежит в зоне ответственности родителей.

По данным опроса, 57% преподавателей отправляют домашнее задание/материал урока в электронном виде и обучающиеся осваивают его самостоятельно. 47% преподавателей используют такую практику: обучающиеся смотрят материал (онлайн/видео/презентацию), затем совместно с преподавателем разбирают тему. Всего 16% преподавателей используют онлайн-формат урока: обучающиеся слушают тему, далее преподаватель организует выполнение заданий, проводит опрос непосредственно на уроке [Шадная, 2020].

На основе выявленных проблем целесообразно определить следующие важные особенности использования онлайн-технологий в дистанционном обучении:

- оптимальное сочетание онлайн- и онлайн-технологий в рамках одного занятия;
- выбор в пользу интерактивного общения, переключаемости внимания обучающихся, смены видов деятельности, более частого использования инфографики, презентаций, фото и видео/аудио;
- реализация индивидуального подхода к каждому обучающемуся: индивидуальные консультации, задания с учетом личностных потребностей, возможностей;
- высокий уровень информационной компетентности преподавателя, владения онлайн-технологиями, компьютерной грамотности, саморазвития и рефлексии.

В связи с этим у учителей и преподавателей возникла необходимость выбора эффективных технологий для проведения дистанционных и онлайн-уроков по следующим критериям:

- оптимальный вид связи с обучающимися;
- использование технологии как для обмена информацией, так и в качестве средства проведения вебинара/онлайн-урока/экзамена/зачета/семинара;
- наличие разнообразных онлайн-инструментов подачи учебного материала;
- возможность использования дополнительных информационных ресурсов;
- наличие разных способов организации учебных материалов (хранение онлайн, в облаке, на виртуальных дисках);
- возможность доступа с любого устройства (смартфон, планшет, компьютер) [Джанелли, 2018].

Данным требованиям соответствует сервис Zoom, предназначенный для проведения онлайн-встреч, видеоконференций, а также дистанционного обучения [Фомина, 2016].

2. ЦЕЛЬ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Целью исследования является рассмотреть возможности использования технологии Zoom в дистанционном обучении иностранному языку.

Методами исследования послужили анализ научно-методической литературы по теме исследования, анализ инструментов Zoom для реализации возможностей дистанционного обучения иностранному языку.

3. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Рассмотрим использование технологии Zoom в дистанционном обучении иностранному языку. В бесплатной версии данного сервиса продолжительность видеоконференции составляет 40 минут, на платной версии возможно увеличить продолжительность урока и количество обучаемых до 100 человек. С нашей точки зрения, Zoom имеет ряд неоспоримых достоинств при обучении иностранному языку.

Нами рассмотрен ряд упражнений, наиболее эффективно отражающих возможности работы с аудиторией в Zoom формате.

Задания типа *Work in pairs. Ask your partner questions...; Discuss the poem with your partner. Act out the dialogues...* предполагают парную работу. Типы заданий, перечисленные ниже, можно выполнять как в паре, так и индивидуально: а) *Look at the pictures. Choose one of the pictures and describe it;* б) *Imagine you are speaking with your friend about weather. Try to describe what was the weather like yesterday during all day in your region?*

Breakout rooms, или сессионные залы, позволяют проводить парную и групповую работу. Преподаватель распределяет обучающихся на пары/группы для выполнения заданий отдельно от остальных. При этом преподаватель может посещать зал каждой группы, присоединяться к обсуждению, а по окончании времени на выполнение задания возвращать обучаемых в общий зал.

Для заданий типа *Match the sentences to the pictures* или *Put the following words in the correct column* имеется возможность демонстрации экрана и комментирования.

Демонстрацию экрана может включить каждый обучающийся для просмотра всей группой или только преподавателем.

Инструмент комментирование предполагает, что обучающийся на экране может выполнить задания, используя карандаш: пометить стрелкой, обвести кружком нужный вариант. При этом его действия будут видны только преподавателю. Для этого преподавателю необходимо запустить задание на компьютере, передать обучающемуся управление мышью.

Демонстрация экрана со звуком позволяет смотреть видео, давать задания, делать презентацию к уроку.

Интерактивная доска также является эффективным инструментом, позволяющим демонстрировать учебный материал, выделять те моменты, на которые необходимо обратить внимание [Романова, 2018].

Возможность применять и изменять виртуальный фон в обучении иностранному языку со школьниками позволяет погрузиться в тему урока, вызвать интерес к изучению материала, например, можно наглядно демонстрировать культурные объекты при изучении

достопримечательностей города с использованием фона. Изменение фона можно использовать также при изучении темы «Weather»:

What is the weather like in Greece? - It's raining.

What is the temperature in Greece? - It is twenty-eight above zero.

What is the weather like in Turkey?

What is the temperature in Turkey?

What is the weather like on Crete?

What is the temperature in Spain?

What is the weather like in Tunisia?

Следует отметить, что в сервисе имеются как готовые шаблоны фонов, так и возможность загрузить свои фоны в качестве рисунков/картинок/фото.

Видеозапись уроков позволяет охватить всех обучающихся, в том числе отсутствующих на уроке. Просмотреть видеозапись урока обучающийся может в любое удобное для него время.

Возможности интерактивного общения с обучающимися при работе над текстом художественного произведения позволяют выстроить оптимальную систему упражнений. К примеру, прочтение книги Дж. Толкиена «Властелин колец» можно организовать следующим образом:

1. Прочтение вслух эпизодов, в которых определены заметные элементы периода, событий (индивидуальная работа). Пример задания: *Read the nature episode and comment on it.*

2. Подбор деталей, которые необходимы в понимании образа персонажа (индивидуальная работа, работа в парах). Пример задания: *Make a list of those around Frodo. Divide them into groups, indicate by what criterion you have distributed them (for example, relatives, enemies, etc.). Think about how each of them impressed the main character. How have his moods and thoughts changed?*

3. Выборочный пересказ отрывков, характерных для произведения (индивидуально в общей группе). Пример задания: *Based on what you read, compose a portrait of the character, reflect on the relationship, time, the basis for the relationship, how the character's behavior and manners have changed.*

4. Сопоставление характеристик персонажей (командная работа, работа в мини-группах, режим комментирования, демонстрации экрана). Пример задания: *Take a look at the illustrations from the Lord of the Rings movie. Note the changes in Saruman's conversations before and after he sided with Sauron. Was this evident in the appearance? How did this affect the interaction of Saruman with Gandalf?*

5. Словесное рисование, иллюстрирование событий (командная работа, работа в мини-группах). Пример задания: *Snowball: name the attributes of military use, which are indicated in the text of the work (one student names one attribute, the second one repeats what the groupmate said and adds his own, etc.). What is missing? Let's see the fragments of the film / the following photos, define what is mentioned and how it is called, and illustrate the appearance of a warrior, orc, elf, gnome.*

6. Тезисное описание событий в необычном ракурсе (работа в группах). Пример задания: *Analyze the headlines based on the method of detachment, which illuminates a familiar fact from a new angle, in an unusual perspective: The fight against evil is aimed at creating the kingdom of the common good.*

Title - metaphor: «Battlefield» - Middle-earth

Title - question: How to effectively resolve the issue with the evil of Sauron? Headlines framed as alternative questions: Courage or Stealing Glory?

8. Создание схем по вычленению черт характера персонажей, исторического события (командная работа, работа в мини-группах, демонстрация экрана) [Keller, Ucar, Kumtepe, 2017]. Пример задания: *With the help of syncwine, expand the character's image using the following scheme:*

1. *Noun;*
2. *Two adjectives (participles are allowed);*
3. *Three verbs (explanations are allowed);*
4. *A four-word sentence;*
5. *Noun (conclusion, generalization);*

Substantiate your syncwine with quotes.

9. Структуризация знаний [Anderson, Gualco, 2016]. Пример задания: *Make a brief description of the items of military life, characteristic of the time of the work creation, in the form of theses or associations. Do the same for the military life of the present time. Reflect on the similarities and differences.*

Следующий пример задания может быть реализован посредством работы в мини-группах в сессионных залах.

Преподаватель объединяет обучающихся в мини-группы по 5-6 человек в сессионном зале. Каждой группе необходимо описать одного персонажа по определенным критериям и обосновать это описание фрагментами из текста, заполнив таблицу. Далее группы обменываются своими таблицами и дополняют таблицы других групп.

Таким образом, сервис Zoom при обучении иностранному языку позволяет посредством использования различных инструментов повысить эффективность языковой подготовки, развития учебно-познавательных способностей обучающихся, что крайне необходимо для дальнейшего изучения английского языка.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, использование технологии Zoom в дистанционном обучении позволяет достичь образовательных целей на занятиях по иностранному языку, используя различные инструменты сервиса. Технология дистанционного обучения Zoom направлена на решение задач формирования коммуникативных, социокультурных компетенций обучающихся в процессе изучения английского языка посредством предоставления большого количества возможностей для выполнения комплекса индивидуальных, групповых, командных заданий, проектной и исследовательской деятельности, заданий с использованием моделей-опор.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 1. Агеевец А.В., Ефимов-Комаров В.Ю., Ефимова-Комарова Л.Б., Назаренко Е.А., Пучкова М.В. Перспективы использования дистанционной системы обучения при реализации об-

- разовательного процесса дисциплин по физической культуре и спорту [Электронный ресурс] // Ученые записки университета Лесгасфта. 2020. № 4 (182). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-ispolzovaniya-distantsionnoy-sistemy-obucheniya-pri-realizatsii-obrazovatelnogo-protsessa-distsiplin-po-fizicheskoy> (дата обращения: 01.11.2020).
2. Бабаева Л.Л. Инновационные технологии дистанционного образования [Электронный ресурс] // Наука, техника и образование. 2020. №5 (69). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovationnye-tehnologii-distantsionnogo-obrazovaniya> (дата обращения: 01.11.2020).
  3. Дистанционное обучение: реалии и перспективы: материалы Четвертой всероссийской научно-практической конференции. – СПб: ГБУ ДПО «СПбЦОКОИТ», 2019.
  4. Джанелли М. Электронное обучение в теории, практике и исследованиях // Вопросы образования. 2018. № 4. С. 81-98.
  5. Романова Н.Л. Онлайн-курсы как инновационная форма дистанционного обучения // Педагогика высшей школы. 2018. № 2. С. 5-8.
  6. Смирнова Ж.В. Дистанционное образование как процесс управления обучением // Мир науки. 2017. № 2. С. 1-7.
  7. Фомина А.С. Онлайн-обучение в высшем учебном заведении: методики, контент, технологии // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 1. С.101-106.
  8. Щадная М.А. Дистанционное обучение в современной реальности [Электронный ресурс] // Наука, техника и образование. 2020. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/distantsionnoe-obuchenie-v-sovremennoy-realnosti> (дата обращения: 01.11.2020).
  9. Anderson N. B., Gualco D. Design of Distance Learning Systems Using a P-3 Model: Purposeful, Participatory and Project-Based // EdMedia: World Conference on Educational Media and Technology. 2016. P. 493- 497.
  10. Keller J. M., Ucar H., Kumtepe A. T. Culture and Motivation in Globalized Open and Distance Learning Spaces // Supporting Multiculturalism in Open and Distance Learning Spaces. 2017. P. 146 - 149.

REFERENCES

1. 1. Ageevets, A.V., Efimov-Komarov, V.Yu., Efimova-Komarova, L.B., Nazarenko, E.A., Puchkova, M.V. (2020). Perspektivy ispol'zovaniya distancionnoj sistemy obucheniya pri realizacii obrazovatel'nogo processa disciplin po fizicheskoy kul'ture i sportu [Prospects for using the distance learning system in the implementation of the educational process of disciplines in physical culture and sports]. *Uchenye zapiski universiteta Lesgafta* [Scientific notes of the University of Lesgaft], 4 (182). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-ispolzovaniya-distantsionnoy-sistemy-obucheniya-pri-realizatsii-obrazovatelnogo-protsessa-distsiplin-po-fizicheskoy> (accessed: 1 November, 2020) (in Russian).
2. Babaeva, L.L. (2020). Innovacionnye tekhnologii distancionnogo obrazovaniya [Innovative technologies of distance education]. *Nauka, tekhnika i obrazovanie* [Science, technology and education], 5 (69). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/innovationnye-tehnologii-distantsionnogo-obrazovaniya> (accessed: 1 November, 2020) (in Russian).
3. *Distancionnoe obuchenie: realii i perspektivy: materialy Chetvertoj vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Distance learning: realities and prospects. Materials of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference], 2019. SPb: GBU DPO “SPbTSOKOIT” (in Russian).

4. Janelli, M. (2018). Elektronnoe obuchenie v teorii, praktike i issledovaniyah [E-learning in theory, practice and research]. *Voprosy obrazovaniya [Education Issues]*, 4, 81-98 (in Russian).
5. Romanova, N.L. (2018). Onlajn-kursy kak innovacionnaya forma distancionnogo obucheniya [Online courses as an innovative form of distance learning]. *Pedagogika vysshej shkoly [Higher education pedagogy]*, 2, 5-8 (in Russian).
6. Smirnova, Z.V. (2017). Distancionnoe obrazovanie kak process upravleniya obucheniem [Distance education as a learning management process]. *Mir nauki [World of Science]*, 2, 1-7 (in Russian).
7. Fomina, A.S. (2016). Onlajn-obuchenie v vysshem uchebnom zavedenii: metodiki, kontent, tekhnologii [Online learning in a higher educational institution: methods, content, technologies]. *Obozreniye: sociologiya, psichologiya, pedagogika [Society: sociology, psychology, pedagogy]*, 1, 101-106 (in Russian).
8. Shchadnaya, M.A. (2020). Distancionnoe obuchenie v sovremennoj real'nosti [Distance learning in modern reality]. *Nauka, tekhnika i obrazovanie [Science, technology and education]*, 5. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/distantsionnoe-obuchenie-v-sovremennoy-realnosti> (accessed: 1 November, 2020) (in Russian).
9. Anderson, N. B., & Gualco, D. (2016). Design of Distance Learning Systems Using a P-3 Model: Purposeful, Participatory and Project-Based. *EdMedia: World Conference on Educational Media and Technology*, 493- 497.
10. Keller, J. M., Ucar, H., & Kumtepe, A. T. (2017). Culture and Motivation in Globalized Open and Distance Learning Spaces. *Supporting Multiculturalism in Open and Distance Learning Spaces*, 146 - 149.

USING THE ZOOM PLATFORM IN DISTANCE LEARNING OF A FOREIGN LANGUAGE

Anna V. Gureeva
MGIMO University (Moscow, Russia)
anvitgur@yandex.ru

Abstract: The article considers the use of the Zoom platform in distance learning of a foreign language. The aim of the study is to consider the possibilities of using Zoom in distance learning of a foreign language. The research methods include the analysis of scientific and methodological literature on the research topic, the analysis of Zoom tools for the implementation of the possibilities of distance learning of a foreign language. The article explains the high demand for remote and online technologies and defines the criteria for choosing effective technologies for remote and online lessons. The research also considers the benefits of Zoom in the process of learning a foreign language and different types of tasks and their implementation via Zoom. The problems faced by teachers and students in the process of using online technologies in distance learning are identified. The article describes the possibility of interactive communication with students assigned to analyze a piece of fiction and offers a system of exercises which can be done using Zoom. It is proven that the use of the Zoom platform in teaching a foreign language employs

different tools which make it possible to increase the effectiveness of language training and the development of students' educational and cognitive abilities.

Key words: distance learning, e-learning, Zoom, EFL, language teaching, professional competence.

How to cite this article: Gureeva A.V. (2021). Using the Zoom Platform in Distance Learning of a Foreign Language. *Professional Discourse & Communication*, 3(3), pp. 83–91. (in Russian). <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-3-83-91>

About the authors:

Anna V. Gureeva is Cand. Sci. (Pedagogy), associate professor in the Department of the English language №4 at MGIMO University (Russia).

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-3-92-101>

“LINGUISTICS OF DISTANCING” UNITING SCHOLARS AT THE TIME OF PANDEMIC

Anastasia Sharapkova

Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia)
warapkova@mail.ru

Abstract: The paper deals with the results of the “Linguistics of distancing” conference held on January 25-26, 2021. Within the framework of the conference the issues of ontology and evolution of language in the time of civilizational shift triggered by the pandemic were discussed. In unparalleled times of global coronavirus epidemic, the conference was organized in a unique format – blog conference, with personal communication embedded in its structure regardless of its being still a remote conference. The questions raised in plenary talks and zoom tables stepped beyond the borderlines of actual communication, igniting further discussions on Facebook, YouTube and other platforms. This open format made it not a usual conference but an unprecedented feast of intellectual pleasure, potentially leaving a longer legacy in the academic world.

How to cite this article: Sharapkova A.A. (2021). “Linguistics of Distancing” Uniting Scholars at the Time of Pandemic. *Professional Discourse & Communication*, 3(3), pp. 92–101. (in Russian). <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-3-92-101>

1. INTRODUCTION

Modern technology has offered both an unparalleled opportunity and unprecedented challenge for humanity, possibly bringing the communication practices to a new level or having a potentially devastating impact on the already established ones. A plethora of tools ranging from efficient messengers to video chats and conferencing apps allowing for bringing people together turned from the springs of possibility into the flood of the new norm. This is the issue that has become even more pressing in the light of the latest Covid-19 pandemic, fostering the reconceptualization of many things seemingly immune to any transformation. Quite surprisingly, it did not lead to any completely novel forms, but rather enforced the fledging practices existing before. Thus, the pandemic ‘tested’ the benefits and drawbacks of digitalization in real time and brought to the limelight the issue of its large-scale impact on human communication.

COVID-19 pandemic instigated a digital revolution in many areas and even more so in academia. Social distancing norms, months-long quarantine, online classes, cancelation of many in-campus activities and isolation from both invigorating discussions with colleagues and students has determined the new approaches to teaching, working, and conferencing in the virtual environments. This is the time of both change and challenge as well as modification and metamorphosis with human identity at stake. Instead of a ‘fully-fledged man’, the humanity got faced with a linear model, leaving much of the beauty and richness of true communication behind the screen. Perceiving it as a rupture of all familiar things it could amount to a breakdown as the title of the conference the present paper tries to overview says: “Linguistics of Distancing: ontology and evolution of language in the time of civilizational shift”.

Academia has long been exceptionally stable in terms of preserving its cornerstone formats. For instance, a lecture as a format of transmitting information is as old as the idea of a University itself and dates back to the Middle Ages, the time the first Universities were launched in Europe. Another example is the conference format that remained largely intact despite all the progress made by novel technologies. Despite the fact that Universities changed considerably in the past centuries, evolving from a Medieval University to Humboldtian, Entrepreneurial and finally to the Digital one, some things were cherished and preserved, as they formed the foundation of education practices. The academia has been reluctant to embrace the Online New World and not without cause.

Now given the pandemic what could have taken decades is introduced promptly in a matter of days both for good and for bad. At the moment, the academia is involved in creative rethinking, reshaping, and redesigning its formats and practices with the powerful tools offered by technology.

The pace with which the researchers adopted digital counterparts of lectures and workshops revealed that the currently available tools can substitute many of personal interactions. Still, as many participants of the conference agreed, there can be no simple technological answers to this challenge and a simple transfer from an off-line conference venue to a zoom screen does not make the communication fruitful. The digital interaction formats obviously still struggle to reproduce social interactions to the full and the online format has to be augmented with personal communication giving a way to a number of hybrid genres.

One of the recent exceptional examples creating an online event with personal communication embedded in its structure is the *blog conference*¹, which has been jointly organized by the Financial University under the auspices of the Government of the Russian Federation and the Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University. The unique event combining conference and blog communication was inspired and chaired by Prof. Marklen Konurbaev bringing the outstanding speakers from all over the world together.

The major problem brought to this zoom table concerned the fundamentally dual nature of human language. It is a mirror of communication and a communication tool itself. Everything that happens in natural human communication is reflected in the language to a certain degree. At the same time, even the seemingly insignificant changes in the language system can change the nature of communication in general, change the possibilities of meaning transfer and even the person himself. In other words, language reflects the human identity, and it is also the way to shape it. The conference brought together specialists from different fields of humanities willing to understand and evaluate the current outlines of the main instrument of human communication – language.

¹ URL: <https://www.facebook.com/blogconference>

This situation leads to the following questions that are bound to arise yet very difficult to find the answers to: What's going on with us? What happens in the depths of the language system? What happens to the human brain? How are cognitive processes changing? What can humanity expect in the next decade if the subtle and so far barely noticeable processes cumulatively lead to serious shifts in the entire majestic building of human communication that was construed over the centuries? Specialists from linguistics, anthropology and history united to discuss these questions.

Professor Nick Baron, the associate professor of Nottingham University, discussed the mutual impact that language and communication have and how they are changing in the last decades, as “being a historian presupposes understanding the nature of change, its causes and consequences”. The factors that may have the greatest impact on communication practices are changes in the following: the society formation, world’s organization and political structure. Everything in communication and thus in langue has the key quality – “contingency”. It means that every utterance or work is produced within the historical context and the latter has the defining impact on the former – “the rootedness of time and place, period and location”. The researcher is convinced that history is always a particular choice of events, proceeding in human civilization, which ultimately affects the current civilization of today. And every choice is meaningful. Thus, the diachronic perspective or the embedded nature of time forms the fundamental premise of any purely linguistic work. The linguist considers whether all things are determined by a particular historical moment, location, and language communication. “Throughout the human history the language has been shaped by the contingencies of economics, the material basis of historical change, the cultures that emerge out of these long-term processes”. Through these very lenses he/she approaches the question of the dominance of English as one of many *linguae franca* in the succession of civilizations. It was brought to power through historical and political reasons of first – the British Empire, and second – the American impact on the world’s economy. The rise of Chinese thus may seem still rather distant though possible. And it might be brought about by the economic rather than linguistic reasons alone. Viewing language as a primary cultural and social signifier Barron admits that the modernization of language and the globalization of media have already happened and cannot be reversed. Still, he takes an optimistic view on globalization, believing that culture as a unifying signifier cannot be lost.

Professor David Crystal, the world-renowned specialist in the English language, also adopts an optimistic approach to the impact of online communication and digital technologies on the development of language. The professor views the Internet as having a dichotomic impact on communication: on the one hand, the Internet brings people together because it gives us the opportunity to communicate with those who are far away. On the one hand, he does not see very much change in any language yet, because a living language takes time to change: “One needs to reflect here on the recency of the arrival of the internet. It seems that it has been with us forever”. However, this is an absolutely normal process, language has changed over the centuries, it will change now, but it will take at least 30 years, since messengers and social networks have appeared relatively recently and have not yet had time to drastically change the language. On the other hand, in the process of online communication a lot of the information cannot be transmitted. In particular, the following communication elements are lost: 1) non-verbal part of communication (facial expression, gestures, eye-to-eye contact); 2) comment clauses, such as “you know”, “you see”, “I think”, “I mean” (this is due to the fact that in messengers we usually try to reduce the length of the message); 3) during video communication (zoom, skype, etc.) we cannot avoid silence: in live communication, it is very important that the interlocutor let us know that he is listening to us and

that he is interested in the subject of our conversation. This explains the tiring effect all lecturers experienced in lockdown teaching.

The professor also speculated on the problem of identification, which is largely related to the language a person speaks. For example, fixed expressions, proverbs and sayings that are used by native speakers will not always be understandable to a foreigner who has learned this language. This is a kind of cultural code that is embedded in the mind of a person and determines his belonging to a particular culture. Crystal's talk was followed by a detailed streaming discussion on the phenomenon of language both in the context of living changing speech and in the context of self-identification.

Steve Pax Leonard takes a pessimistic approach, seeing the threat of digital civilization in what he calls "devitalization" of language that we are experiencing now: the life, energy, whim of language has been sucked out from it. Media platforms, such as Twitter, have a simple architecture that does not give room for a sophisticated oratory. We are moving from culture of books and creative thinking towards a society of memes, hashtags and maximally simple way of perceiving the world. We may appreciate technology for making our lives easier, but if the digital world is everything you know, it is not very enriching: language of social media is devoid of linguistic sophistication that you can find in Shakespeare, Shelley or Joyce. "Dumbing down" is a problem that is obvious when it comes to footnotes that publishers ask writers to add; people are becoming lazy and relegating a lot to search engines. The second concern is that we are becoming a society of "scanners and skimmers", which implies the ultra-rapid mass sampling that we can get from the Internet. Our concentration spans have been massively reduced because nowadays we are bombarded with loads of digital information all day long. It would be a great loss to the humanity and culture if we just stop reading. Unfortunately, we cannot be sure that in 50 years people will be still reading great works of Tolstoy and Dostoyevsky, and if they do not, they will be definitely much less informed than they could be.

What we are all losing is what Wade Davis, a famous anthropologist, called "ethnosphere": by this term he means the summary of human knowledge packaged within more than 6 000 languages spoken in the world. In this regard, one of the most depressing facts is that every month we lose one language that is not even documented, and it means that we do not even know what exactly we are losing. In a blink of an eye English has become the global lingua franca. Yet we may end up in a world which is devoid of any linguistic diversity and thus might never have a chance to study how people think in other cultures. Leonard reminds of Bakhtin's idea that we do not own words, we rather inherit them, which means that if a nation forgets a word, they lose not only their own associations but also experiences and links with this word belonging to people you inherited it from; so it is so important not to let the language code become simple and "binary".

Permanent shift to digital education can entail catastrophic consequences for human cognitive capacities, making humans more dependent on apps. If we delegate too much function to the machines, all the 500 words of our everyday vocabulary that we own are going to become superfluous, a relic of previous ages. The goal of educators is to convince people that literature and languages are to be studied for their own sake. Finally, returning to the issue of social networks, the binary structure of social media and their lack of sophisticated oratory are not the only danger that they pose. Social networks could be another threat for complex language, the facet of human identity.

Prof. Andrey Kibrik, a specialist in discourse and multimodality studies, focused on language system stability and its instability in the Internet epoch, the dichotomy between what is preserved and what is changed, the area of normality and the area where linguistic novelties are

formed. The main problem he zoomed into was how the communication system preserves its core, despite its inherent changeability.

One of the earliest examples of drastic changes is creating the written language itself, which allowed the human experience to step beyond the boundaries of time or place. The invention of printing is another milestone, it made books available to everyone, not only the privileged ones. The next stage is presumably the Internet. Thanks to it, we have witnessed thousands of “writers”, “many of them even have no idea how to write properly”, leaving an impression of literacy deterioration. These changes are feared, yet Kibrik believes that we are still unlikely to estimate the scale of the new trends and the potential impact of this phenomenon, given the short period of several decades. In the light of the whole human history, the evolution of Homo sapience, temporary changes lasting only for a few years can not alter any language dramatically. Provided that language codification still works and classical literature is still read, these novelties that rise and go represent just an issue for analysis. Kibrik believes, “It is important to keep the balance. Universities should not only hold to systematicity but also take into consideration the changes happening in society”. The solution could be discourse, a cornerstone concept of modern linguistics, the idea of different genres and schemes existing in it. If students know how to recognize these models, they will be prepared for communication in different social spheres under the constant pressure of the lack of norm. We should not ground teaching on the inflexible schemes, on the contrary, we need a freedom of communication. This is the way by which the language expands and evolves.

Multimodal communication was most drastically influenced by online communication. The structure and patterns of the eye contact and eye gaze are lost. It is impossible to look in someone’s eyes through the web camera, because if you watch your interlocutor’s face, he watches you looking down. The direct eye contact does not occur, and “it is a serious failure which should be compensated for”. Thus, sometimes this perceptual lack is compensated for verbally and new patterns arise.

Kibrik claims that to metaphorically view our intelligence, communication and cognitive capacities as akin to computer processing is heuristically wrong and oversimplistic. Man, not machine, however sophisticated it could be, should stand at the core of all processes and communication. Language is a natural product, “the ideal result of ideal crowdsourcing”, as Prof. Konurbaev puts it, and attempts to standardize it to the point of artificial intelligence hold a potential threat to the human essence.

Many of these ideas were echoed in the presentation by **Professor Tatiana Chernigovskaya**, a specialist in neuroscience and psycholinguistics. She specially focused on young people; the so-called generation Z is now primarily living in the Internet space and virtual communication, crossing the borders of distance and language easily. It might be the case that something completely unexpected is going on in the human brain, making this shift possible. On the one hand, there have always been dramatic technological changes. Thus, it is tempting to evade the question with admitting that these changes are not as huge as they may seem from within. On the other hand, they have never been so global, with a type of civilization changing. Meanwhile, Prof. Chernigovskaya resorts to a biological perspective stating that the human brain takes at least hundreds of thousands of years to rebuild its structures in a biological sense, so talking about those people born in 2000 as having a different brain is premature. Simply because evolution does not go so fast, it takes a longer time. It is not the brain but the neural network that is changing, adapting, and responding to the environment the child grows in, being affected by the surroundings, education and experience. Thus, the brain does not and does change depending on what is considered a change.

Adapting to online changes, we have to consider several factors: 1) different types of personalities having obvious preferences in what type of information is processed better, 2) physical experience and emotion, 3) motivation. Complex biochemical machinery brings all the processes together, ensuring proper processing of information. The fact that the process of education and learning at large is so complex and multifaceted makes it difficult to teach online as most part of channels potentiality applicable to boost motivation and ensure emotional links are not available.

Chernigovskaya quoted Lev Shcherba's definition of philology as an art to read complex texts, not to purchase something at Harrods. Words in complex texts have associations critical for analysing literature. Thus, the aim of teaching as well as professional translation is to transfer these associations. The latter brings about another long-standing issue of organization of mental lexicon. Words are organized not into logical 'drawers' but in a highly scattered manner with clones and duplicates. Therefore, the reading experience is the cornerstone for human brain development and even consciousness. Brodsky, a Nobel laureate in literature, wrote that poetry is "an extraordinary accelerator of consciousness, of thinking, of comprehending the universe". Thus, to understand the difference between the seemingly simple words, it is imperative to read the masterpieces of literature as every word unfolds numerous associations that could be acquired as learned through reading. Unfortunately, via online means only it is not possible.

Professor of the Russian State University for the Humanities (RSUH) **Maxim Krongauz** has been exploring the ongoing changes in the Russian language for several decades. He believes that a change is one of the main distinctive features of language, and the meaning of this term has altered since the beginning of the last century: "There are different languages in the heads of different generations. Especially if we are talking about language as an instrument. Of course, we use different means". Krongauz identifies two main processes that are going on with language: the appearance of new phenomena and the disappearance of the old ones. Language exists in dynamics – the rate of changes differs from one historical period to another. Now the dynamics is very intense, especially under the influence of the Internet, while more attention is paid to semantic and pragmatic changes and language behavior. This intensity and huge pace make it impossible to slice the linguistic material into the traditional Saussurean diachronic and synchronic pieces to be scrutinized.

Krongauz disputed with the widespread belief that language is a universal mechanism that does not change akin to the "ivory tower" or the "inborn universal mechanism". This point of view on the langue could be true to a certain extent but the changes that we can all witness exist as well. In his opinion, inclining to one or another point of view is entirely a matter of focusing attention. Focusing on changes seems more interesting, although there is always something unchangeable or stable that makes this comparison possible. Different functional styles are characterized by different pace and scale of these changes. The most drastic ones are noticeable in the conversational style. There are fewer changes in journalism, but the boundaries between genres and communicative styles are not absolute giving rise to hybrid genres and numerous incorporations of other styles into the 'classic' styles.

Krongauz views language not only as a means of communication but also as a potent instrument of influence and power. Every new regime tries to create its own style, change the acceptable rhetoric. He cites as an example the "newspeak" invented by Orwell in his dystopian world. In the modern world, social currents have intercepted this tool and started to invent new words and discourses that are considered acceptable to talk about several things. These are politically correct, feminist or ecologically friendly discourses. Meanwhile, the authorities cannot withstand this linguistic competition, they do not have time to create the language acceptable for conversation with the society, and they are always lagging. The idea at the core of these linguistic novelties is that

through language we can change how people think and how they see the world. It goes without saying that it is not simple, yet these attempts will change a lot of issues in the society and raise numerous discussions. “Social movements are the center for the formation of a new language, politicians are more likely to pick it up and use this language, but not to create it”.

This thought-provoking discussion about changes affecting the functional styles was followed by a dialogue with **Professor Andrey Lipgart**, the Dean of the Philological Faculty at Moscow State University, a specialist in functional stylistics. Since the character of communication has drastically changed with the appearance of the Internet, its practices were affected by that as well; the Internet, supposed to be the boon bringing people together, in fact divides them depriving their communication of the whole wealth of nonverbal information. Being dismissed for a long time the latter turned out to be critical for the verbal information processing as the year of pandemic has demonstrated. Language has been seen as a mere tool, which itself may deteriorate the very understanding of styles, the norm, and their functions. This all may potentially induce the evolution of functional styles themselves.

Professor Lipgart starts with delineating the visibility of changes and the evolution of functional styles. First of all, the telegraph style of communication in social networks is in fact the conversational style that has been there for decades. Previously, spoken language was not recorded, but now it is manifested through social networks as they fix the langue of communication and not the literary written style. Secondly, there is the question of the functional styles proper and their development through larger periods of time. The problem with novel technologies is not in the way of communication (people used to exchange letters, for example or read books much more). The ‘drama’ is about the so-called “clip thinking”. The more a person is exposed to high quality texts, which are not simple by all means, the better he will be further at analyzing, comprehending, and conceptualizing complex texts. And the latter part is of utmost importance for teaching purposes.

Given that styles emerge and are recognized as distinct in human societies, the level of society development, of the sophistication and readiness to discuss certain questions determines the palette of styles existing. The primitive tribes may have language, yet it is naïve to expect that they will use some complex styles to discuss nature, like the scientific one. The communication style exists in nearly all the languages, yet the official or scientific style appears much later when the society is ready in terms of the content. Once all the styles get formed in hundreds of years, they are used to a certain extent by each speaker. Functional styles do not necessarily change with the development of societies and the emergence of new knowledge.

Functional styles may change and even emerge depending on the social demand. For example, in England in the 14th century, there formed the conditions for the Reformation nearly a century and a half ahead of Europe. There were many scholars who were ready to question the authority of the papacy and translate the Bible with the activity of John Wycliffe and his followers. This social trend was in line with the purposes of English kings and necessities to stop communication with Rome. Therefore, the rulers encouraged the activities of scholars and translators. Ultimately, it led to the prime example of ‘stylistic intervention’, which is the King James Bible being introduced into the mass consciousness and language. Concluding, functional styles are not the drivers of social or ideological changes, but the changes are the drivers of any development, changes, or evolution of functional styles.

Professor Svetlana Ter-Minasova points out that the Internet is a great modern innovation, but as all the great innovations it has both benefits and costs. Everyone who studies the Internet knows Mark Prensky, an American writer and author of the article “On the Horizon”. In this article, he referred to the younger generation as to “digital natives”: for them, the Internet is comfortable

and familiar environment, because they were born already in it. Despite all the disadvantages that come along, the Internet is possibly the most revolutionary development for human communication, because it has made it possible to connect people of all ages and from all parts of the world. However, Fyodor Tyutchev said in one of his poems, “You will not grasp her with your mind / Or cover with a common label / Russia is one of a kind”; Russia’s historical path is unique and it is peculiar in the digital revolution as well. Nowadays, the unprecedented shift in education complicates the situation: professors have to teach virtually “foreigners”, because many of the teachers are not simply “digital immigrants” (generation of their students’ parents) but rather “digital dinosaurs” (generation of their students’ grandparents).

Systems of language teaching in Russia have changed a lot, and they are still open to new changes. In the Soviet system of teaching English as a second language, which raised many of current professors, it was enough to introduce grammar and lexis, because communication was hardly possible within the Iron Curtain; materials for language teaching and learning were available in the form of classical literature. In Post-Soviet academia this disproportion was resolved, and the communicative language teaching approach was introduced. Now the question is how to adapt the teaching material so that it could be more digestible to a “digital native”. Professor Ter-Minasova sees the answers in avoiding “scientism” and overcomplication, and in creative harnessing of autonomous learning with the help of the Internet.

Distance education, or e-learning, has its substantial inconveniences – for example, the lack of the possibility to track the involvement of students. However, in such an extraordinary situation it is better than nothing; communication is communication whatever form it takes, and hopefully the current situation is not forever and is something to be described in future novels as what we managed to survive.

Professor Olga Alexandrova, the head of the English Department at Moscow State University, deepens the discussion by taking a cognitive perspective. The end of the 20th century was the time when modern linguistic trends were established on the crossroads of and in opposition to “generative grammar” and functional studies (A.I. Smirnitsky, O.S. Akhmanova). Prof. Alexandrova reminded the audience about the history behind the development of cognitive linguistics approach starting with the 1996 book “A Brief Dictionary of Cognitive Terms” («Краткий словарь когнитивных терминов») edited by Elena Koubriakova. Even though it was published in 1996, which is 25 years from now, it is still relevant. A notable aspect of this dictionary is the way the entries are composed: rather than giving brief definitions, this book provides one-two page analysis of every concept. Importantly, cognitive linguistic methodology has evolved into two different schools, traditionally referred to as American and European. Aside from this distinction, there is yet another dichotomy within Russian linguistic studies as such: “linguistics” and “the science of language”. The latter pays more attention to everything that is purely human, because every human being has their unique set of feelings, perception and cultural basis. Yuri Stepanov, an outstanding Russian linguist, said in one of his publications that even though we all live in single objective reality, every person still sees it through the lens of their own mindset and feelings. Without focusing on human matters, it is hardly possible to grasp the nature of the language and the way we express our attitude to things.

The situation with the pandemic and online education clearly showed that the total relocation of the whole educational process into digital dimension is hardly possible without losing a significant part of an essential human component; this is not only the teacher’s, but also students’ attitude to the current state of affairs. In online interaction, the teacher and students are deprived of a significant part of both communication and educational process, being unable to see and hear each

other in a natural way. Cognitive linguistics with its anthropocentrism is a promising and broadly applicable branch of linguistic studies even as a part of curricula at non-linguistic faculties: nowadays, a great number of jobs require communicative linguistic skills, which is closely linked with the cognitive linguistic approach to language-learning. What is most important about successful communication, especially international and cross-cultural, is something that was called “bipolar communication” by Galina Molchanova: when you communicate with representatives of another culture, your objective is not only to express your own message, but also understand the socio-cultural basis of your counterpart.

Larisa Chizhova, the head of General and Comparative Linguistics Department, spoke about the global shift in the ways of communication and continued the discussion in the cognitive linguistic vein. She quoted George Lakoff, saying that we live in the linguistic environment that is ever-changing irrespective of our attitude to those changes; social changes affect communication in general and everyone's speech along with it. The key question is the speed of the change and where is the line that marks the decease of one language and emergence of another. The answer to these questions is that any language is alive: the accumulation of all the changes does not alter the system of the language, i.e., language code or systemic relations that help the participants of communication understand each other.

It is a well-known fact that different substructures of language are exposed to changes to different degrees: the lexical level is able to change at a great pace, while the grammatical level is changing slowly. However, grammar changes still take place, and the English language, with its immense influence on economics and culture worldwide and globalizing power, is contributing to grammar change in other languages as well; the Russian language is no exception, and some grammatical patterns of the English language are now embraced by it.

Some of the changes may lead to the loss of the roots of some cultures, when people are not able to “keep in touch” with their predecessors any more. For example, Russian-speaking people of the 21st century are often wrong when they think that they truly understand Pushkin, as well as English-speaking people generally do not understand Shakespeare properly.

However, we should not be pessimistic and fear losing all the connections because there is certainly a grain of truth in Chomsky's view that language in the most general sense is not changing at all: the generation gap that we are witnessing today is certainly not as fatal as it may seem, because different cultures and different generations share the same wellbeing, with some particular segments being divided into certain elements. Elements themselves are universal, what can vary is the way how these elements are expressed in each language. For example, the action of reading presupposes somebody who is reading, what is being read, etc. in whatever language we take, irrespective of the forms in which the elements are expressed.

There are certain ontological values: the concepts of good and evil, intergenerational and familial relationships, attitude to the truth, justice and power, which are different at different stages of history. In this regard, the cultural code is able to survive only provided that all the cultural values are preserved with the so-called “precedential texts” that perpetuate these values. Preservation of precedential texts is maintained by social institutions.

Despite the fact that the menace of the digital matrix displacing analog human mind seems to be a phenomenon of the 21st century, it has existed before in history, for example, within the philosophy of Francis Bacon or physicists such as Isaac Newton, who regarded the human as something unimportant and unworthy of detailed consideration. According to George Herbert Mead, there are different types of the Self: the reflection in the mirror (when a person is willing to be honest and to see himself as who they really are), the others' image of ourselves, and finally, a mask that we put

on to meet the expectations or assessment of the others. The digital matrix means that the mirror reflection is overpowered by the mask for practical purposes.

Artificial intelligence may surpass human mind in respect of speed, but it will never surpass it in respect of profundity. Meanwhile, metaphor is what makes us human, because animals have linguistic codes as well. In human language, the same code unit can have a countless variety of different meanings.

Concluding, all speakers agreed that the raised questions are pressing and important, and everyone approached them from different perspectives, seeing human language as the crucial aspect of human identity forming the basis of civilization. However, it is doubtful that the answers could be easily found. We are indeed in the eye of the storm, but it is imperative to understand, conceptualise what is going on to foresee our future. The quest for the answers is of utmost importance.

It is noteworthy that unlike many online formal academic conferences the “Linguistics of distancing” conference was not held in the zoom-screen-only format, with presentations following one another, with short reviews and little or no opportunity to ask questions, but in the format of an inherently humane and intelligent discussion of the really pressing issues by the top-notch experts in linguistics, culture, anthropology and history studies. Each speaker’s presentation was organized not as an ordinary ‘speaker-only’ mode, but a dialogue between two or more specialists, with Prof. Konurbaev leading the discussion. The thought thus was unfolding gradually revealing the full cloth of scientific narration bit by bit. Moreover, the very format of a *blog conference*, with professionally prerecorded discussions uploaded on the specially designed site, makes it possible to watch the lectures in a good quality afterwards and ask questions in the comment section. Thus, the conference at large has become a fully-fledged, thoughtful discussion with a long-lasting impact on the scientific community expanding beyond the conference itself.

The legacy of the conference could be presented with simple numbers speaking louder than words. More than 22 thousand views on Facebook in just a few months, thousands of likes and comments. This is the revelation of both: the need to search for the answers and the pleasure to see intelligent people trying to find these answers in a fruitful conversation.

Thus, this blog conference seems to be an ideal marriage between a serious scientific event and an online interactive mode of communication. I would like to argue that the digital formats of all kinds of online events are not meant to substitute for physical interactions entirely, but are rather to reshape how research communities are able to communicate on serious issues. Various new *hybrid formats* are bound to emerge.

About the author:

Anastasia Sharapkova is Cand. Sci (Philology), senior lecturer in the Department of English linguistics at Lomonosov Moscow State University (Russia).

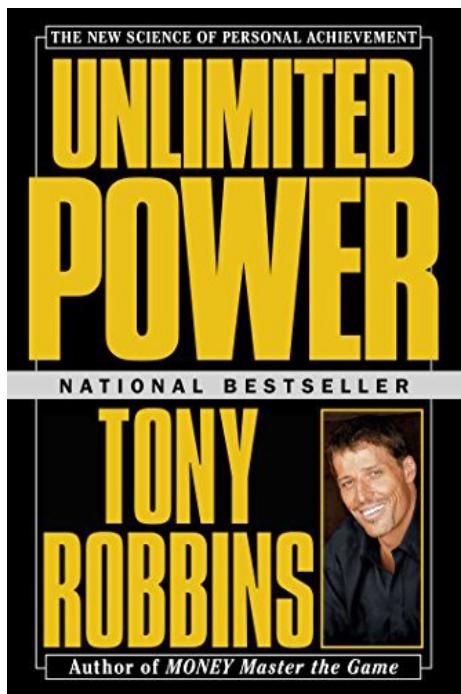
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-3-102->

LEADING THE LEADERS: A BOOK REVIEW ON UNLIMITED POWER BY ANTHONY ROBBINS

Louie Giray

Polytechnic University of the Philippines
lggiray@pup.edu.ph

Anthony Robbins, more commonly known in his by-name, Tony, is well-known in the field of coaching and business. Robbins is a coach, motivational speaker, businessman, and philanthropist. He builds his work mainly on neuro-linguistic programming, a psychological practice that entails examining successful people's tactics and adapting them to achieving a particular goal. An immense number of individuals calls him an "inspiration" and life-changer. Aside from the many hats he wears, Robbins is also an author of several books on personal and professional development including *Unlimited Power* [Robbins, 2015]. To make it clear, the *unlimited power* that Robbins discusses in this book, is not about how to dominate or manipulate others. It is the ability to control oneself, namely how to function at our best. Many classical approaches —lessons that never go out of style — from other historical individuals are included in the book. He has rehashed them to make the lessons more relevant and appropriate in today's circumstances.

The book is packed with resources designed to empower readers who want to become leaders in their own arena; thus, the title lives up to its claim. It employs neuro-linguistic programming lessons. Hence, real tales about prominent people are present in the book. Scientific evidences are applied to reinforce major concepts. It is not just a dry textbook, which concentrates solely on what should be studied. Readers will be both entertained and educated.

In the first part of the book, he covers the seven ideas of success — (1) Everything happens for a reason; (2) there is no such entity as a failure; there are only outcomes; (3) take accountability for whatever occurs; (4) it is not essential to comprehend everything in order to use something; (5) people are our greatest resource; (6) work is play; and (7) there is no lasting success without dedication. Meanwhile, the author asserts that most people take little conscious activity to control

their emotional states. They do not become much aware of their emotional states. Many confuse their real selves with their emotional states, which can result in negative repercussions. In leadership communication, if a leader is driven only by emotional state, he can lose the trust of his subordinates or can lead the organization astray. Being rational and open-minded when dealing with other organizational members is pivotal. However, it does not mean that emotional states are vicious. When applied correctly, this can develop harmonious relationships which is advantageous for the attainment of goals of an organization. There are circumstances in which it is advisable to detach feelings from performance events so as to better facilitate communication. This is most especially true in situations in which a leader should provide feedback to his members. Again, there may be situations that do not go as expected in the organizational set-up, but what a leader has to exercise control over their emotional states and actions.

What Robbins doesn't advise to do is to succumb to a negative emotional state. He claims that it can have a ripple effect on actions. However, people have the ability to change it on purpose if they will. Relating this concept to leadership communication, the author notes that when a leader is always imbibing negative emotional state, everything they can see and everyone they work with becomes negative as well. If a leader remains in a negative emotional state for too long, they may mutate into a terrifying mental monster capable of devouring and destroying confidence of those and relationships with those who work under them. Therefore, this is definitely an unhealthy environment for an organization that intends to flourish. This is reinforced by Napoleon Hill [2011] who asserts that negative thinking hinders success. Hill emphasizes that it is a form of appalling thinking which can spread to occupy all of our ideas, and when leaders allow themselves to focus on the negative states, leaving little room for positive states to bloom, it becomes a never-ending circle [Hill, 2011].

Starting from the middle part and up to the end of the book, Robbins emphasizes the five key issues that lead to health and happiness — (1) dealing with frustration successfully; (2) working with rejection; (3) coping with financial strain; (4) managing complacency; and (5) giving more than expecting to receive. Leaders should not only be efficient in professional know-how, but should also be responsible for their personal qualities, because these things spill over to workplace also. Hence, these keys to health and happiness can be advantageous to leaders. Furthermore, Robbins explains that if people want to change their own behavior, they must first begin with their own beliefs. Beliefs can only be changed by the people who have them. Others can just guide or elucidate. So before pinpointing anyone to change, leaders should start within themselves. Otherwise, it is hypocritical. Good counsel, excellent books and movies, respected individuals can help a leader formulate transformative beliefs which can be translated later into actions. Those beliefs should not be stuck inside one's brain. They should be implemented. These beliefs are pivotal in modifying one's habits and actions, which are what organizational members see. Individual accomplishment is linked to beliefs about one's own work, skill, and luck [Chapman & Skinner, 1989]. Empowering beliefs can assist in accomplishing an organization's objectives. Negative beliefs do the opposite. Hence, a leader should be careful of what he believes in because beliefs are powerful.

Many successful individuals have positive beliefs and practices. Realizing this, Robbins has followed them, and these helped him become successful. He is a living testimony of this lesson. He thinks that if others have previously tested and proved such methods effective, then he may follow the steps and experience the same. Going in a bit more detail, Tony Robbins emulated the successful Jim Rohn, and Jim Rohn modeled Zig Ziglar. All of them are proved embodiment of success. However, it must be noted that this advice should not make a leader cold like an automaton that plainly follows their footsteps. A leader should not lose their *true self* and should not forget their

calling. A leader must see the methods of previously successful people as a guide. Leaders should value their authenticity and individuality too. This just pinpoints that if one man can accomplish it, another man can do the same thing or more.

Moreover, Robbins conveys that congruity is crucial in achieving personal power. From his point of view, congruity is synonymous with alignment. Whatever leaders should do it must be in agreement with how they feel. Leaders cannot adopt a half-hearted stance or feeling as their staff will feel it. For example, when a leader talks with a representative of another company, they should appear confident to make themselves confident in actions, too. Leaders should be completely in harmony with themselves and this can be practiced: a necessary lesson in any communicative endeavors is the situation when leaders must strive body-mind unification [Quattrone, 1985] in dealing with members and other stakeholders. Action and feeling should be synchronized to produce better results. Congruity is what people notice among leaders. If a leader wants to be authoritative, they must use an authoritative voice, breathing, and body position. They should not exhibit any hesitation in order to elicit a favorable response. Acting with conviction is necessary to assist assurance that people and organizations respect.

Furthermore, Robbins believes that a good decision is defined by the fact that one has initiated an action. People still can't be said to have made a decision if it is just in mind. Leaders need to remind themselves, that what counts most is not what they think, but what they really do. As the comic book character Batman articulates, "What we do defines us, not who we are underneath" [Schurtz, 2017]. Indeed, leaders become real leaders through their actions, not just because of their position. This echoes the communal idiom that what we do speaks louder than what we think. Decisions in people's heads are analogous to plans in an organization. They may be strategic and comprehensive, but if they are not implemented, they have not really occurred. Hence, they do not exist; they are just a wish. Organizations look for tangible results, and so should leaders. Leaders claim they will do something in relation to goals and even make promises but again, what matters most is that action taken to move things forward. Leaders move and solve problems; they take actions. As a result, they can foresee the impact. If anything does not go as intended, they can try to change it.

Finally, Robbins claims that in order to change and succeed, leaders must become mindful of the rules they set for themselves and their subordinates, as well as how they genuinely assess success or failure. Otherwise, they can have almost everything and feel that they do not have anything at all. Values are beliefs that are significant to people. They are related to meaning, to life's purpose (McClelland, 1985). Values are, as the term implies, what people primarily appreciate. However, there may be occasions when people learn about corrupted beliefs instilled to them by certain forces. Therefore, leaders must constantly clarify their values. Friendship, love, and faith are examples of values. They are referred to as virtues. However, other qualities, such as pride and gluttony, are classified as vices. Some people may get enamored with vices for they offer pleasure or other rewards. However, these frequently result in pain and regret. Hence, leaders must consider if they have the proper ideals or whether they need to be better elucidated. This is their responsibility to themselves and to others so that the organization can prosper.

Overall, this book is an empowering resource for those who want to help themselves become better, most especially in the arena of success and leadership. Being free from jargons, the book is easy to read as nothing can deter the understanding of readers. It is practical and can become very helpful to academicians and practitioners. Lessons and advice from the book, if applied properly, can help individuals gradually transform their lives by, as the book goes, harnessing *unlimited power*. For deeper and better understanding and involvement, it is recommended to accompany this book with other works like *Mindset* [Dweck, 2008] and *Grit* [Duckworth, 2016].

REFERENCES

1. Chapman, M., & Skinner, E. A. (1989). Children's agency beliefs, cognitive performance, and conceptions of effort and ability: Individual and developmental differences. *Child Development*, 1229-1238.
2. Duckworth, A. (2016). *Grit: The power of passion and perseverance*. Scribner.
3. Dweck, C. S. (2008). *Mindset: The new psychology of success*. Random House.
4. Hill, N. (2011). *Think and grow rich*. Hachette UK.
5. McClelland, D. C. (1985). How motives, skills, and values determine what people do. *American Psychologist*, 40(7), 812-825.
6. Quattrone, G. A. (1985). On the congruity between internal states and action. *Psychological Bulletin*, 98(1), 3.
7. Robbins, A. (2015). *Unlimited power: The new science of personal achievement*. Simon and Schuster Paperbacks.
8. Schurtz, L. W. (2017). Batman in the classroom: academic philosophy and "... and philosophy". *Metaphilosophy*, 48(3), 296-303.

About the author:

Louie Giray is lecturer of education and communication studies at Polytechnic University of the Philippines